
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Будапешт. Здание венгерского парламента.

На первой странице обложки: венгерские школьники у памятника Свободы на горе Геллерт.

На последней странице обложки: уборка урожая в Мезохедешском государственном хозяйстве (Венгрия).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 24 (1201) 11 июня 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВЕНГЕРСКОЙ ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ МАТИАС РАКОШИ

Фото Г. Вайля

ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИИ И СОЦИАЛИЗМА

Более тысячи лет насчитывает история Венгрии. Столетиями длилась борьба венгерского крестьянина за землю. Кучка земельных магнатов и князей церкви держала народ в кабале, и с веками менялись лишь ее формы. Впоследствии к феодальному рабству прибавилось капиталистическое, и они уживались рядом.

История Венгрии — это история народа, испившего горькую чашу чужеземного угнетения. Гнет монархии Габсбургов длился вплоть до 1918 года, а затем на смену ему пришли двадцать пять лет фашистской власти кровавого Хорти, продававшего страну немецким и англо-американским империалистам.

Не однажды поднимался венгерский народ против своих поработителей. Прекрасную страницу истории этой борьбы составляет венгерская революция 1848 года — одно из ярких проявлений народных движений того времени, направленных на ликвидацию феодальных устоев в Европе. Эта революция была потоплена в крови. И не последнюю роль сыграла в этом поддержка, оказанная феодальной контрреволюции в Венгрии западными буржуазными государствами во главе с Англией.

В 1918—1919 годах венгерские трудящиеся снова пытались сбросить с себя цепи чужеземного господства и феодально-капиталистической эксплуатации. И снова американские, английские и французские империалисты поспешили на помощь венгерской реакции и задушили революцию.

Венгерский народ хорошо знает, что если бы в 1944—1945 годах удался коварный план, разработанный англо-американскими империалистами и их союзником Хорти, если бы был осуществлен так называемый «балканский вариант» Черчилля и Венгрия оказалась бы оккупированной англо-американскими войсками, то она и сейчас оставалась бы страной черной феодальной реакции, нищеты и бесправия масс, вновь стала бы вассалом англо-американского капитала, военным плацдармом для его агрессивных авантюр. Вопреки мечтам западных политиков и их союзников — венгерских помещиков и банкиров — этот план провалился. На венгерскую землю вступили не войска англо-американских завоевателей, а Советская Армия-освободительница.

Незабываемые дни весны 1945 года открыли новую эру в истории венгерского народа — эру народно-демократической Венгрии. С той минуты, когда в разрушенном почти на две трети Будапеште опаленные огнем боев советские воины кормили умиравших от голода будапештских детишек, и до сегодняшнего дня эта новая история Венгрии связана с братской помощью Советского Союза. Мощная поддержка Советской социалистической державы помогла венгерскому народу защитить полученную из рук Советской Армии свободу, сорвать преступный заговор венгерской и международной реакции. Помощь Советского Союза позволила Венгрии в невиданно короткие сроки ликвидировать последствия войны. Пример советского народа вдохновил венгерских трудящихся на борьбу за народную демократию, за социализм.

Вот почему так крепко живет в венгерском народе чувство благодарности, преданности и любви к Советской стране, к вождю трудящегося человечества великому Сталину. Вот почему союз и дружба с СССР, закрепленные договором, заключенным в Москве 18 февраля 1948 года, являются гранитным фундаментом всей политики нового, народно-демократического венгерского государства.

В августе 1949 года венгерский парламент принял Конституцию Венгерской народной республики, разработанную по инициативе Венгерской партии трудящихся — руководящей силы венгерского народа. Новая конституция отразила в себе те огромные социальные, политические и экономические перемены, которые произошли в жизни страны. В конституции записано то, чем трудящиеся уже располагают, чего они уже достигли.

Теперь уже кажется далеким прошлым то время, когда дымились пожарища Будапешта, когда его жители должны были на лодках перебираться через Дунай, ибо все мосты были взорваны фашистами. По всей стране было разрушено свыше трети промышленных зданий. Бездействовали железные дороги. Огромный урон был нанесен гитлеровцами сельскому хозяйству.

Нельзя не вспомнить обо всем этом теперь, когда трудящиеся Венгрии досрочно выполнили трехлетний план восстановления народного хозяйства и перевыполнили план первого квартала нынешнего года — первого года венгерского пятилетнего плана построения основ социализма. Выпуск продукции венгерской промышленности уже почти в полтора раза превысил довоенный уровень. Венгерские крестьяне, ставшие в результате земельной реформы хозяевами земли, переходят на путь кооперативного хозяйства, и на полях страны работает уже более пяти тысяч тракторов.

В наследство от фашистского режима народно-демократическому строю достались голод, безработица, неслыханное обесценение денег. Все это кануло в вечность. Венгерская народная республика имеет полноценную, прочную и устойчивую валюту — форинт. Страна идет к изобилию товаров и продуктов. Навсегда уничтожена безработица, поскольку уничтожен порождавший ее капиталистический строй. Уже к концу 1949 года жизненный уровень трудящихся Венгрии почти в полтора раза превысил довоенный. В стране систематически снижаются цены и растет реальная заработная плата. Лишь за первый квартал 1950 года средняя часовая оплата промышленных рабочих повысилась на 7,7 процента.

Новая жизнь венгерского народа расцветает на социалистических началах. В Венгрии нет больше класса помещиков. Капиталистические элементы полностью вытеснены из крупной промышленности, транспорта, банков, внешней и внутренней оптовой торговли. Государственный сектор охватывает также треть розничной торговли.

В феодально-капиталистической фашистской Венгрии государственный аппарат был средоточием реакционного мракобесия, а так называемый «парламент» напоминал собой гитлеровский рейхстаг. Теперь в старинное здание парламента на берегу Дуная пришли новые люди: рабочие, крестьяне, деятели культуры, солдаты и офицеры народной армии — этого верного стража народной демократии. Начиная от кабинетов министров и до комитатских (уездных), городских и сельских органов власти — всюду управляют представители народа. Тысячи людей труда, в первую очередь промышленных рабочих, стали во главе фабрик и заводов. Они возглавляют работающие в стране МТС, руководят государственными сельскими хозяйствами, системой торговли и банков, которые в старой Венгрии были главным каналом проникновения иностранного капитала.

Режим народной демократии, успешно осуществляющий функции диктатуры пролетариата, продолжает укрепляться. В начале мая Государственное собрание Венгерской народной республики приняло закон о создании местных советов. Это еще больше приближает органы местного управления к народу, как органы единой, избираемой народом и ответственной перед ним власти.

Венгерские трудящиеся, строящие социализм, уже не те, какими они были раньше. Венгерский рабочий почувствовал себя хозяином на заводах, принадлежащих народному государству; труд для рабочего из проклятой, безрадостной повинности, каким он был в старой Венгрии, становится делом славы и доблести. Начиная со второй половины прошлого года по всей Венгрии развернулось трудовое соревнование, охватившее десятки тысяч рабочих. Особенно широко развернулось соревнование в дни, когда миллионы трудящихся Венгрии чествовали величайшего гения человечества товарища И. В. Сталина в связи с его 70-летием. Драгоценный опыт советских стахановцев, неустанных новаторов производства, озаряет путь стахановцам народной Венгрии.

Все больше участвует в строительстве новой жизни венгерский крестьянин. Он убеждается в преимуществах коллективного труда на примере почти двух тысяч производственных сельскохозяйственных кооперативов, созданных в Венгрии, на примере колхозников Советского Союза, к которым венгерские крестьяне, как и крестьяне других стран народной демократии, посылали свои делегации.

Народной становится культура. В университеты, которые в старой Венгрии были доступны только аристократическим «митрофанушкам» и детям банковских воротил, теперь пришли дети трудящихся. Выходцы из семей рабочих составляют третью часть всех студентов университетов и высших школ. Почти в два раза возросло число учащихся средних школ, а число школьников — детей промышленных рабочих — увеличилось в десять раз. Об огромных сдвигах в культурном облике венгерского народа говорит рост в стране по сравнению с 1938 годом: библиотек — в одиннадцать раз и издания книг — в шесть раз.

Созидательные усилия венгерского народа возглавляет рабочий класс и его партия — Венгерская партия трудящихся. Члены этой партии, руководимые славным сыном венгерского народа Матиасом Ракоши, своим мужеством, преданностью до конца делу народа завоевали прочный и непоколебимый авторитет среди трудящихся. Преодолевая сопротивление классово враждебных сил, представляющих собой агентуру англо-американского империализма, Венгерская партия трудящихся уверенно ведет страну к новым успехам.

Важнейший показатель крепости народно-демократического строя Венгрии — ее прочное международное положение, опирающееся на союз и дружбу с СССР, на братские связи со странами народной демократии. Венгерский народ — верный и активный участник могучего лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом. Он внес свой вклад в дело борьбы за мир и тем, что разоблачил в своей стране заговоры титовских наймитов англо-американских поджигателей новой войны. Сбор подписей под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия, прошедший в Венгрии с исключительным единодушием — в нем приняли участие свыше семи миллионов венгерских граждан, — с новой силой показал решимость венгерского народа отстаивать мир.

Трудящиеся Венгрии каждый день демонстрируют свою волю и готовность еще теснее укрепить узы дружбы с Советским Союзом и строящими социализм странами народной демократии, еще тверже стоять в могучем фронте мира, еще выше поднять знамя международной пролетарской солидарности. Ярко горит в сердце венгерского народа любовь к мудрому вождю всего прогрессивного человечества, великому другу венгерского народа товарищу Сталину.

Над колоннами праздничных шествий всегда можно увидеть эти слова, идущие из глубины народного сердца: «Вечная благодарность Сталину». В Советском Союзе, в товарище Сталине возрожденная к новой жизни Венгерская республика видит могучий щит, который защищает ее молодую свободную государственность. Венгерский народ глубоко ценит широкую и бескорыстную помощь Советского Союза — залог успехов строительства социализма в Венгрии.

Венгрия сегодня

«Венгерский народ навсегда порвал с проклятым капиталистическим прошлым, твердо встал на путь нового строительства своей жизни и бесповоротно связал все свои чаяния и надежды с социалистическим будущим.

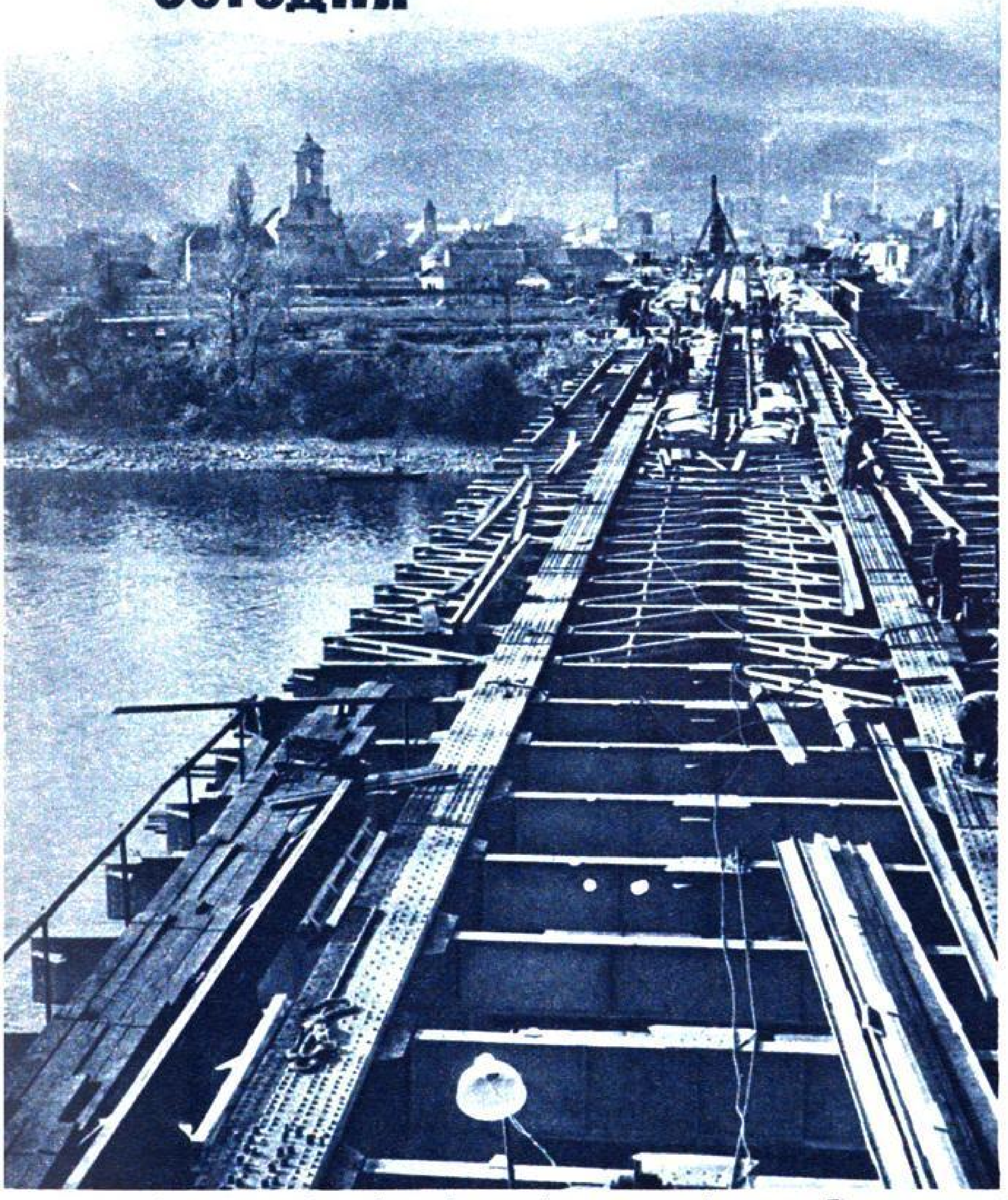
За истекшие пять лет прочно укрепилась венгерская демократия, создалась единая, дружная, творческая семья трудящихся города и деревни».

К. Е. Ворошилов. Из речи на торжественном заседании в Будапеште, посвященном пятилетию освобождения Венгрии.

Монумент Благодарности был торжественно открыт в Будапеште в дни, когда вся страна с ликованием праздновала пятилетие исторической даты — освобождения Венгрии доблестной Советской Армией.

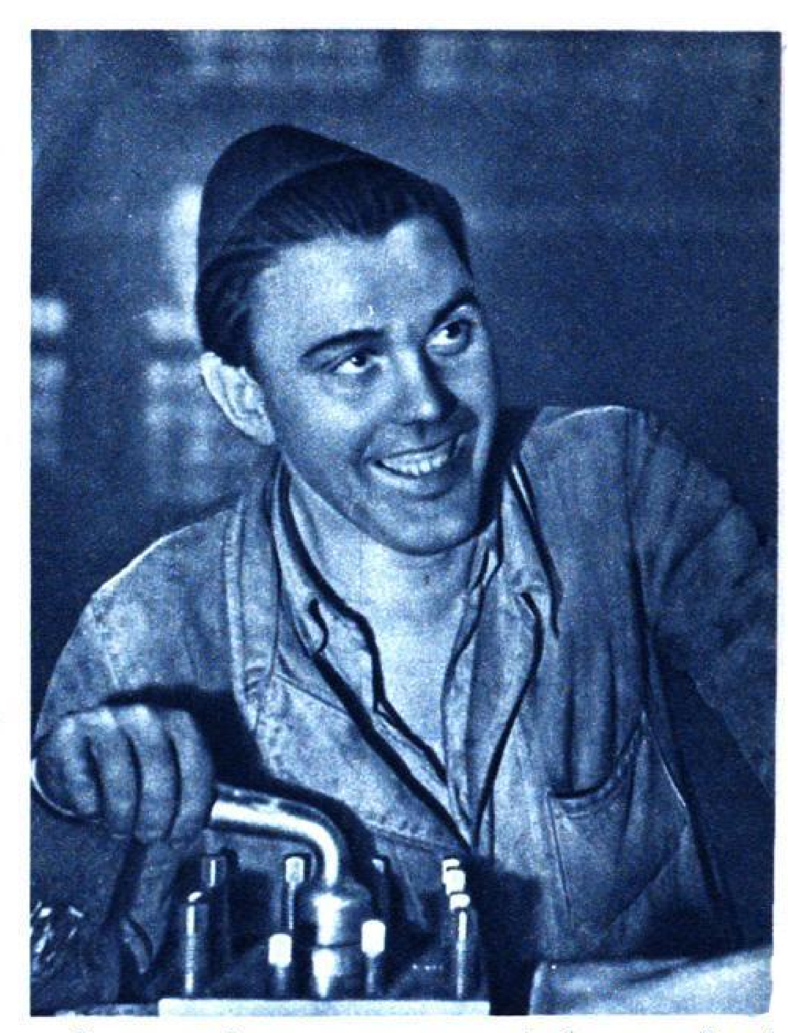
Венгрия сегодня

Этот мост соединит два рабочих района венгерской столицы. То, что разрушено войной, освобожденный народ восстанавливает такими темпами, которые в старой, буржуазно-помещичьей Венгрии могли показаться фантастическими. Как и многим стройкам республики, этому мосту решено присвоить имя великого друга народной Венгрии, ее освободителя, вождя трудящихся всего мира И. В. Сталина.

Вытеснив реакционные элементы из государственного аппарата, сам народ осуществляет свое высшее право управления страной. Вот они, избранницы народа, депутаты Государственного собрания, крестьянки Мадьяр Йожефне, Риз Яношне и Сомольяи Агоштонне. Они обсуждают дела своего округа во время перерыва заседания парламента, который ранее народ называл «неприступной крепостью господ».

Растет молодая поросль венгерских стахановцев. Йожеф Юхас — токарь — работает по-новому и учится высокому мастерству у прославленного советского токаря-скоростника Павла Быкова. В честь пятилетия освобождения Венгрии молодой новатор производства написал в своем личном обязательстве: 500 процентов нормы!

Узы прочной дружбы связывают рабочий класс Венгрии с героическим рабочим классом Советского Союза. Замечательные достижения советских мастеров социалистического труда вдохновляют венгерских трудящихся. Недавно по венгерской земле знатный советский машинист И. Ф. Панин провел 2000-тонный состав. Венгерские железнодорожники дали слово освоить метод Панина и применить его на благо свободной родины.

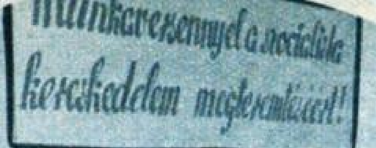
Они собрались, чтобы сообща решать вопросы, которые подсказывает новая жизнь, — вопросы совместного труда на освобожденной земле. Раньше придавленный помещичьей кабалой венгерский крестьянин мучительно бился в одиночестве, пытаясь найти какой-нибудь выход из беспросветной нужды. Сейчас путь венгерской деревни ясен. Это путь передового, машинизированного коллективного сельского хозяйства, ведущего к изобилию.

Содружество рабочего с инженером, содружество людей физического и умственного труда — одна из ярких черт того нового, что уже стало бытом на венгерских заводах и фабриках. При капитализме глубокой пропастью были разделены рабочие и техническая интеллигенция. Ныне они сливаются в одну армию строителей социализма.

Третий звонок! Поезд детской железной дороги, построенной на горе Сечени, отправляется в путь. Его ведут юные машинисты и проводники. Увлекательная и веселая игра воспитывает в детях любовь к полезной практической деятельности. Они готовятся быть строителями социалистического общества.

Канули в вечность времена, когда население испытывало острый недостаток в самом необходимом. Лишь за последний год в Венгрии несколько раз снижались цены на продовольственные и промышленные товары. Венгерский форинт стал полноценной, устойчивой валютой. Магазины полны продуктов. С каждым днем повышается материальное благосостояние трудящихся Венгерской республики.

Рабочий пришел в студию изобразительного искусства, которая создана при заводе. Тысячи художественных, музыкальных, драматических, хоровых школ и кружков дают возможность трудящимся Венгрии развивать свои таланты и овладевать высотами искусства и культуры.

Юноши и девушки новой Венгрии умеют работать, умеют и весело отдыхать. Яркие национальные пляски, мелодии старых народных песен и песен, рожденных демократическим строем, выражают ту полноту жизни, которую обрела венгерская молодежь в своей стране, навсегда освобожденной от капиталистического рабства.

СТАХАНОВЦЫ

Тибор ТАРДОШ

В пятницу Ласло Цегледи, токарь Чепельского завода имени Ракоши, получал заработную плату. Когда он протянул кассиру свою рабочую карточку, тот посмотрел и ахнул:

— За сколько же недель начислена у тебя заработная плата?

— Да за одну неделю.

— 980 форинтов?.. Это невозможно. Здесь какая-то ошибка...

— Не удивляйся, старина! Я на этой неделе выполнил норму на 620 процентов, вот и получаю 980 форинтов.

Около окошка стало тихо. Сумма неслыханная! Все следили за движениями рук Ласло Цегледи, аккуратно складывавшего новенькие, хрустящие деньги. Потом его окружили и дружески предупредили, чтобы он не забывался и не выступал против своих товарищей. Ведь он совсем сошел с ума! Разве ему непонятно, что если он будет выполнять норму на 600 процентов, то на следующей же неделе придут из дирекции и снизят расценки? Ведь будут увеличены нормы выработки и у него и у всех других. Зачем же он делает такие глупости?

Но никто не пришел и не снизил расценки ни у Ласло Цегледи, ни у других.

...В сентябре 1949 года в Венгрии ликвидировали устаревший порядок, при котором был установлен максимум заработной платы рабочему. Товарищ Ракоши сказал, что можно спокойно оплачивать даже и 1000 процентов выполнения нормы. Ласло Цегледи был первым рабочим Чепельского завода, который, применив сконструированное им самим приспособление, в несколько раз перевыполнил норму выработки.

Имя Ласло Цегледи сразу стало известно всей стране. Агитаторы и пропагандисты повсюду рассказывали о его работе. Примененный им новый метод стал распространяться по другим предприятиям. На фабриках и заводах начали смелее внедрять и другие рационализаторские предложения, которые раньше тормозились прежней системой заработной платы.

Все больше рабочих включалось в индивидуальное трудовое соревнование. Но некоторые из них брали на себя небольшие обязательства — увеличить свою производительность всего на 10—15 процентов.

В октябре прошлого года в Венгрию приехали советские стахановцы: прядильщица Ананьева, токарь-скоростник Быков, шахтер Филимонов каменщик Шавлюгин. Они приняли участие в работе первого конгресса венгерских рационализаторов-новаторов. На этом конгрессе представители рабочих электротехнического завода «Ганз» призвали всех трудящихся страны отпраздновать приближавшийся день 70-летия товарища Сталина отличной социалистической работой. Так началось незабываемое для всей Венгрии сталинское трудовое соревнование.

Советских стахановцев попросили продемонстрировать их методы труда. Павел Быков с этой целью побывал и на Чепельском заводе имени Матиаса Ракоши.

Трудящиеся Чепеля гордятся своим заводом и своим прошлым. Чепельцы всегда были в первых рядах борцов с хортистским режимом. Красный Чепель дал подпольному коммунистическому движению многих героев. Рабочие Чепельского завода являются передовиками и в послевоенном восстановлении страны.

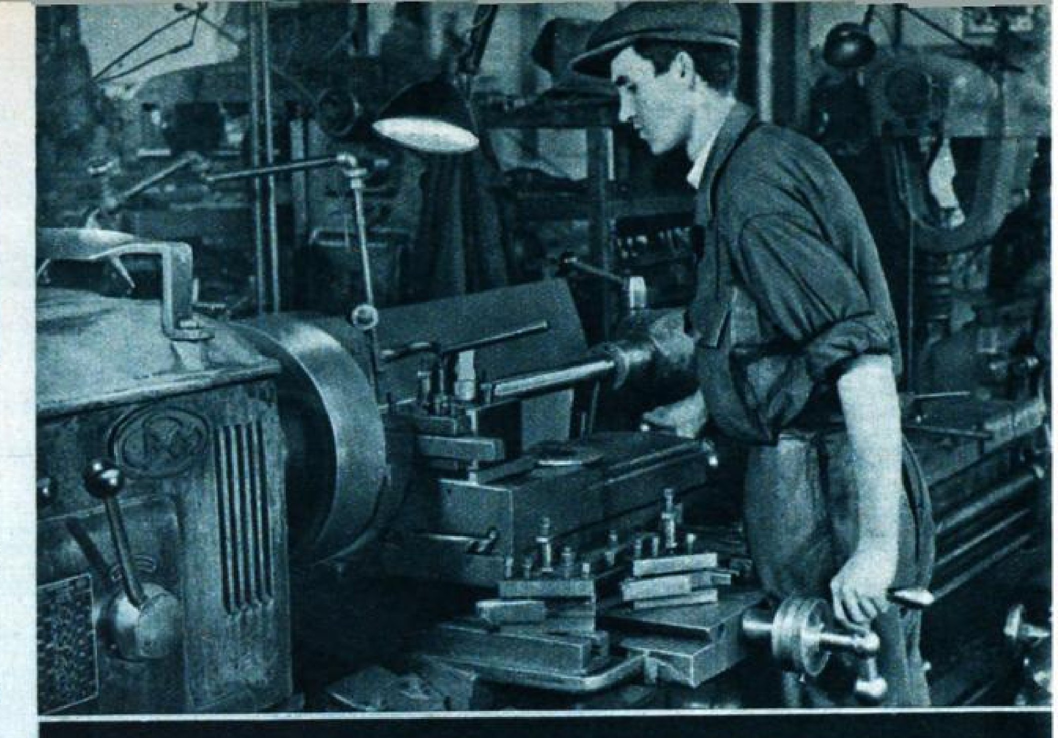
Весть о том, что на завод приехал советский стахановец, быстро облетела все цехи.

Директор завода Ференц Биро подвел товарища Быкова к станку одного из лучших токарей — Имре Муска. Товарищ Быков надел спецовку и попросил четыре токарных резца. Когда он затачивал их, вокруг слышался одобрительный шепот: «Отлично точит!»

Потом Быков встал к станку. Все собрались вокруг советского токаря. Быков за несколько секунд разобрался в станке. Сначала он включил его на 700 оборотов в минуту. Стоявшие поблизости техники предупредили его, что это количество оборотов выше нормы. Быков, улыбаясь, ответил, что ничего не случится. Ознакомившись с чертежом, он приступил к обработке детали. Количество оборотов он повысил до 1400 и попросил окружавших его рабочих отойти немного в сторону, чтобы кого-нибудь не поранили стружки. Рабочие взобрались на соседние станки, на подоконники. Удивительная демонстрация продолжалась две с половиной минуты. Советскому стахановцу понадобилось всего лишь две с половиной минуты для обработки детали, на которую по норме было отведено 80 минут.

Токарь Ференц Ложанди, наблюдавший за мастерской работой Быкова, сказал: «Завтра и мы будем так точить!» Имре Муска, на станке которого работал советский стахановец, заявил, что он берет обязательство, начиная с сегодняшнего дня, постепенно повышать скорость станка.

Это обязательство было с честью выполнено. Имре Муска стал лучшим токарем страны: скорость резания сейчас достигает у него тысячи метров в минуту. Он был удостоен большой награды: его посылали

Дьерский токарь Эдэ Хорват, один из первых стахановцев Венгрии.

Паровозный машинист Янош Тот, зачинатель движения двухтысячников в Венгрии.

Стахановка Обудайской отделочной фабрики Паньи Ференцнэ (в центре), изо дня в день увеличивающая производительность труда.

в Москву, в составе делегации, которая возила подарки венгерского народа великому Сталину.

Советские стахановцы не скупились в передаче своего опыта. Товарищ Быков поехал на большой машиностроительный завод в городе Дьер, в южной Венгрии. Здесь он продемонстрировал свой метод скоростной резки на станке молодого рабочего Эдэ Хорвата. Пожалуй, не меньше, чем прекрасная работа Быкова, трудящихся Дьера восхитила исключительная скромность советского человека, его искреннее стремление помочь венгерским рабочим.

Каменщик Шавлюгин продемонстрировал свой метод работы на строительстве расширяющегося Дьерского доменного комбината. Вскоре по всей Венгрии стали появляться стахановцы-строители — каменщики, бетонщики, штукатуры.

Стахановец-шахтер Филимонов спустился в механизированную шахту имени Петефи. Прядильщица Ананьева побывала на ткацкой фабрике в Кебаня. Первой по ее примеру начала работать коммунистка-текстильщица Паньи Ференцнэ, которая перешла с одного станка к работе на двух, затем на трех и, наконец, на четырех станках.

Быстро, подобно пламени, распространялись по Венгрии методы работы передовиков-стахановцев. Появились небывалые до сего времени в нашей стране производственные показатели.

15 ноября прошлого года было напечатано сообщение о том, что шахтеры шахты Албертгелеп выполнили норму на 900 процентов.

Используя метод фронтального забоя, они прекрасно организовали весь процесс производства. Коммунисты шахты составили часовой график работы и по всему фронту забоя действовали согласованно, добиваясь общего успеха. 18 ноября забойщик Винце добыл 224 центнера угля. А еще через несколько дней вся страна узнала, что забойщики Имре Шимон и Геза Штец выдали за одну смену на-гора́ уже по 264 центнера.

Пришли новые вести и с заводов о скоростной резке: 23 ноября токарь Дьерского завода Кек, работая на револьверном станке семью резцами, дал 750 процентов нормы; токарь Ференци — 637 процентов. Но это не было пределом. Токарь Чепельского завода Муска 3 декабря выполнил норму на 1462 процента, а токарь Дьерского завода Эдэ Хорват — на 1764!

Именно в это незабываемое время товарищ Эрне Гере, член политбюро Венгерской партии трудящихся, зачитал 4 декабря перед парламентом проект закона о пятилетнем плане развития народного хозяйства страны. Когда в Государственном собрании начались прения по проекту закона, сказали свое слово и рабочие предприятий: с невиданной еще силой развернулось их трудовое соревнование. Стахановцы превзошли достигнутые ими до сих пор результаты. Эдэ Хорват, работая на двух токарных станках, достиг казавшегося невероятным показателя в 3050 процентов нормы. Целые бригады, цеха брали на себя обязательства перевыполнить годовой план к 70-летию товарища Сталина.

21 декабря было праздником венгерского народа. Этому дню предшествовали большие приготовления. Музей, где были выставлены подарки венгерского народа великому Сталину, привлекал массы посетителей. С раннего утра до позднего вечера, в дождь и в снег перед зданием музея стояли длинные очереди людей, желавших попасть на выставку. Улицы были украшены знаменами и огромными портретами товарища Сталина. Уже за несколько дней до праздника в магазинах раскупили всю красную материю и красную бумагу. Тысячи портретов товарища Сталина были развешаны на стенах предприятий и жилых домов. Вечером, накануне праздника, Будапешт словно плыл в огнях иллюминаций. На горе Геллерт, у статуи Свободы, электрическими буквами высотой в 47 метров было написано видное со всех концов города имя великого вождя трудящихся. Радио передавало праздничную музыку.

На предприятиях страны в этот день началась трудовая вахта в честь юбилея товарища Сталина.

Станки, вычищенные до блеска и убранные цветами, ждали, чтобы рабочие наконец пустили их. На заводах и фабриках служащие просили администрацию разрешить им работать и ночью, чтобы в этот большой день подвести итоги соревнования.

И вот одна за другой с предприятий начали прибывать вести: на Дьерском машиностроительном заводе Андраш Баранаи выполнил норму на 4301 процент, Эдэ Хорват — на 4122 процента, Золтан Кек — на 3610 процентов. Передовики повели за собой и широкие массы рабочих — повсеместно нормы выработки были перевыполнены.

Сталинская вахта вызвала коренной перелом в сознании трудящихся Венгрии. Народ убедился, что соревнование, стахановский труд — мощное средство строительства социализма, отвечающее интересам народа.

...Недавно в Венгрии состоялось присуждение премий имени Кошута за 1950 год. Премия Кошута — национального героя времен венгерской революции 1848 года — высшая награда в республике. В списке лауреатов — 24 рабочих, получивших награду за успехи, достигнутые ими в области восстановления страны. Среди награжденных — токари Имре Муска и Эдэ Хорват — непосредственные ученики Быкова; строитель Иожеф Фабик, применяющий методы Шавлюгина; машинист паровоза Янош Тот со своей бригадой — ученики советского железнодорожника Панина; текстильщица Паньи Ференцнэ, последовательница Ананьевой. Лауреаты премии Кошута — шахтеры, литейщики, кузнецы, инженеры, химики — работали советскими методами. Они лучшие из лучших, но есть и тысячи других, которые, учась на опыте советских рабочих, значительно подняли производительность своего труда. Венгерские стахановцы идут по славному пути, проложенному их советскими товарищами.

Труд в Венгрии стал делом чести и славы. Венгерские трудящиеся, используя опыт Советского Союза, строят социализм в своей стране, освобожденной Советской Армией. Работа венгерских стахановцев — залог успешного выполнения первого пятилетнего плана и укрепления лагеря мира.

Подсчет

Петер КУЦКА

Мы, как и вы, живем... Вот точно так же
Считаем мы под первое число,
Какие можем сделать мы затраты,
Каким расходам время подошло:
Счет за огонь, ботинки... фартук Ютке...
И, если впредь все хорошо пойдет,
Мы купим книг и радио в рассрочку...
...Планируем на месяцы вперед.
Все шире наших планов горизонты,
Как будто бы на гору мы взошли
И многое увидели с вершины,
Что было скрыто за горбом земли.
Пожалуй, даже все и не представишь
В своем семейном, маленьком кругу.
Тут вся страна к тебе приходит в гости:
«Планируешь? Давай я помогу!»
И так войдет в подсчет постройка ткацких фабрик,
Заводы Мохача, дунайский мост,
Дворцы культуры, тракторы, оружье,
Чтоб вторгнуться врагам не удалось.
Промолвит кто-то: «Надо школ побольше!
Жилых домов!» И надо, говорят,
Прорыть канал меж Тиссой и Дунаем...
...Записываем это все подряд.
И, чтобы это все осуществилось —
А партия поможет нам во всем! —
Великие расходы пятилетки
В статью своих расходов занесем.
И день сегодняшний в грядущее уходит,
Желаний много в явь превращено.
Любой трудящийся промолвит вместе с нами,
Что будет так, что так и быть должно!

Пейзаж

Ференц ЮХАС

Как пламенная роза,
склоненная с небес,
осеннее светило
позолотило лес.

В росинках на травинках
трепещут небеса.
Швыряет отблеск лужа
на обод колеса.

Засохшей кукурузы
шуршащие стволы
куда-то к горизонту
везут волы.

А вот идет крестьянка,
и в белом узелке
счастливый день грядущий
несет она в руке.

Встают, уходят тучи,
а вот и наконец
в горах столпились кучей,
как множество овец.

Вот тракторы... Большие!
И гул такой идет,
как будто вместе с ними
гудит и небосвод.

Машины! В эту осень
их восемь стало здесь...
Летит навстречу ветру
грохочущая песнь.

Сейчас чернеет пашня:
день снега недалек,
сироткой смотрит в небо
подсолнуха цветок.

Природу нынче холит
своей рукой народ —
богатые колосья
сулит грядущий год.

Вот девушка-водитель,
взялась за руль она,
и на ветру, как знамя,
волос ее волна.

Перевел с венгерского
Леонид МАРТЫНОВ

НОВОСТРОЙКИ ВЕНГЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Вверху: строительство табачной фабрики в Ниредьхаза; внизу: новый корпус завода «Ганз».

Овладевая различными техническими профессиями, многие венгерские девушки стали трактористками и создали женские тракторные бригады. Двадцатидвухлетняя Илона Коршош руководит первой женской тракторной бригадой. Она отмечена правительственной наградой «Элмункаш» («Передовой рабочий»). Воодушевленные примером советских девушек, венгерские трактористки замечательно работают. Бригада с честью носит имя Паши Ангелиной. Нынешней весной она вдвое перевыполняла нормы, а бригадир Илона Коршош вырабатывала до трех норм.

Хозяева жизни

Имре ДОБОЗИ

1

Ветерок поднимает пыль на дороге. По бокам ее желтеют лютики. Красивы лютики, красива трава. Совсем незаметно, что пять лет тому назад снаряды рвали ее зеленый шелк. Фашисты так бежали от солдат Сталина, что даже не было времени отстреливаться. Тем сильнее были взрывы советских снарядов, посланных им вслед. Настолько сильны были взрывы, что здесь, в Решпуста, близ Печа, от пятисот хольдов господской земли оторвало четыреста. Поденщики, батраки стали людьми. Но сто хольдов остались у господина Реша. Сто хольдов и сколько всякого добра! Просторный двор, жилые дома, конюшни, сараи, машины, скот! Богатое поместье, хотя господин Реш не мог похвастать никакими заслугами; даже в сельском хозяйстве он не очень-то разбирался. Правда, погонять он умел. Как только затихли бои, господин Реш вылез из погреба, уселся на свое старое сторожевое место — на лестницу зернохранилища — и оттуда начал погонять оставшихся батраков. Кричит с немецким акцентом (по-венгерски он даже ради пятисот хольдов земли толком говорить не научился):

— Тавай, тавай быстрей!.. Мой хлеба только жрать!

Но время шло, росла партия, страна крепла, очищалась. И господин Реш вылетел из своего хозяйства, а по окрестностям прошел слух, что создается производственная земледельческая кооперация. Маломские кулаки говорили крестьянам, что это будет такой колхоз, в котором люди живут в конюшнях, а скот — в господском доме, и что тот, кто вступит в него, умрет с голода, потому что нищие не понимают толка в хозяйстве. Середняки качали головами, ругали «коллектив», попы выводили крестьян на крестный ход, чтобы выбить из голов преступную мысль о коллективном хозяйстве. Одни люди верили одному, другие — другому, а Лайош Варга и его товарищи — раньше безземельные крестьяне, теперь хозяева — пошли в печский партийный комитет и там спросили, куда ведет новая дорога. Они верили партии — и больше никому. Вернувшись домой, они из бедных крестьян организовали в Решпуста земледельческую кооперацию. Была как раз весна, весна 1948 года, полная надежд. Решпуста стала Ременьпустой [1], а на господском доме повесили доску с красными буквами: «Ременьпустовская кооперация «Новая жизнь».

Лайош Варга говорит: «Жеребенок не рождается с подковами». Кооперация была вначале неподкованным жеребенком. Господин Реш перед тем, как бежать, распотрошил все хозяйство. Во дворе — несколько тощих коров, две — три лошади да одна собака — вот и весь скот. Если чего и было много, так только работы: весенний сев надо было начинать — пахать, бороновать. До урожая еще далеко.

Когда Лайош Варга стал председателем кооперации, от него потребовали, чтобы он разделил кое-что из имущества между ее членами. Лайош отказался.

— Ах, вот он какой — «коллектив»! Ты тоже говорил, что лучше будет, а разве оно так лучше? Только обещать умеете, а делать — так нет!

Лайош Варга старался утихомирить членов кооперации, объяснял, что в кооперации жалованья им не полагается, а что всем им будет принадлежать весь доход. Пока пшеница не созреет, до тех пор потерпеть надо, а уж тогда видно будет, что лучше: одному мучиться или работать сообща. Некоторые молчали, ничего не отвечая на слова председателя, а другие продолжали шуметь, требовали продать скот — ведь свой же!

Товарищу Ковачу, который вместе с Варгой основал кооперацию, в конце концов надоела эта канитель:

— Послушай-ка, Йожи! Ты резал когда-нибудь шестимесячную свинью?

Новые хозяева у венгерской земли — заботливые, умелые, трудолюбивые. Члены производственной земледельческой кооперации вышли в поле, чтобы распределить между бригадами участки.

— Зачем же это я стал бы резать! Пустое мелешь! Я рад, если свинью к году откормишь.

— А теперь почему хочешь резать? Еще не успел взяться за лопату, а уже делишь? Пока ничего не сделал,— жди и не ругай коллектив! Вся округа на нас поглядывает: как, мол, пойдут у них дела,— а мы между собой грыземся. Ну, кто не глуп, пойдет со мной!

С этими словами он поднял лопату и отправился на кукурузное поле. Рядом с ним — Лайош Варга, а за ними потихоньку и остальные начали двигаться. Все-таки некоторые остались дома.

Дело пошло, но так, через пень колоду. Между членами кооперации нередко происходили недоразумения; трудно было привыкнуть жить в коллективе. Пришло время снимать урожай. Он оказался лучше, чем в маленьких хозяйствах, и настроение сразу поднялось. Сосед Лукач, зажиточный крестьянин, стал серьезно присматриваться к кооперативному хозяйству. Взвесил на ладони зерна пшеницы, снятой с полей кооперации, посмотрел скот, жилые дома и почесал в затылке:

— Вот черт, ну и здорово!

На другой день он пригласил председателя кооперации в погребок — поговорить за стаканом вина...

Понемногу и крестьяне из Малома и Надькозара, Шиклоша, Беременда и других сел становились смелей и приходили «смотреть общее». Кооперация крепла. Появился мотор: образовалась партийная организация. С этого момента шаг кооперации становится ровней. От государства получила она кредит, скот, удобрение. Пришли на ее поля тракторы машинной станции. Как-то на собрании членов кооперации товарищ Новак ударил кулаком по столу и заявил, что надо лучше беречь общее имущество. Теперь уже есть, что беречь, а с ростом общего имущества растет и имущество членов кооперации. Товарищ Новак выступил потому, что один из крестьян рассыпал порцию корма, цена которой около двух форинтов. Все поддержали Новака.

Как-то раз испортился насос колодца. Колодец глубокий — 60 метров. Когда раньше приходилось чинить его, господа с трудом находили рабочих. Теперь сразу трое вызвались на эту работу. За один день починили насос.

Но все-таки дело еще пошатывалось. Хлеб уже был, и сало к нему было, а вот на обувь, платье в первый год еще не хватило. Люди шли к товарищу Варга, размахивали у него под носом дырявой одеждой.

— Вот смотри — ходим в тряпье. А ведь этот урожай еще хороший был! Сделай что-нибудь, Лайош, а то беда будет!

Были такие, которые не сумели распределить свой доход, и хлеб у них кончился до нового урожая. Другие проспали лето, заработали мало трудодней и всю зиму ругали кооперацию, хотя сами были виноваты. Товарищ Варга днем и ночью объяснял, мирил, а кого нужно было, то и ругал. И зимой в кооперации шла работа: ухаживали за скотом, ремонтировали, приводили в порядок жилые дома — пусть видит мир, что здесь живут не такие люди, как в старой деревне! Когда пришла новая весна, члены кооперации вышли на поля дружно и весело. Это отразилось на урожае.

Хороший был урожай! Не проходило дня, чтобы в кованые, железные ворота не стучались желающие вступить в кооперацию. Земли кооперации увеличились на 355 хольдов, и товарищ Сюч, который заведует свинарником, а в свободное время выполняет всякую конторскую работу, в один прекрасный день бросил перо и весело выругался:

— Чтоб их ветром унесло! Вот уж третий раз я переделываю план работ, и опять надо начинать сначала. Только составишь план, а тут опять 10—15 хольдов прибавляется!..

2

По маломскому холму плетется воз. Двое мужчин подталкивают его сзади. Дорога крутая, впряженная в телегу серая лошадь одна не справится. На вершине холма люди останавливаются отдышаться. Это маломские крестьяне, которые всю жизнь мучились на своих

---

[1] «Ремень» — надежда.

клочках земли. Они внимательно смотрят на поле кооперации, поле озимой пшеницы в 35 хольдов. Хорошо поработали осенью, зима была благоприятная — и пшеница растет ярко-зеленая, кустистая. Крестьянин, работающий один, такой пшенице был бы рад, но члены кооперации не удовлетворены ею. Вот как раз к пшенице подходят пять человек — одно из звеньев полевой бригады. С собой они привезли бороны, удобрения. Крестьяне из Малома переглядываются:

— Удобряют. Столько пшеницы у них будет, что не перевозить!..

— Да... А вот людей могло бы быть побольше. Дня два проработают на 35 хольдах. Да и то, если поспешат.

— Ну да! Они лошадей своих овсом кормят, а не ячменной соломой... Эх, и лошади! Два раза поле пройдут, пока наша раз повернется. Правда, к хорошей лошади и человек нужен, который управится.

...Ровно половина восьмого. Маломские крестьяне скрутили по папироске, наблюдают. Ветер доносит с поля песенку. Над зелеными всходами пшеницы белое облако удобрений. Янош Гергей, один из лучших работников кооперации, засучив рукава, держит вожжи. Он поворачивается к Дьердю Удвари, который идет с другой лошадью:

— Вчера работали хорошо?

— Де.

— Тогда давай сегодня сделаем лучше! Вечером меня будут принимать в кандидаты партии...

Люди, распыляющие удобрения, в конце поля; вот уже повернули обратно. Они идут быстро. Их руки не делают ни одного лишнего движения. Двигаются, как маятник часов. Один запевает, остальные подтягивают. Летит песня. Четыре лошади двигаются быстро, и бороны будто плывут по земле. Один поворот, два, три, четыре... Гергей насвистывает песню и кричит Удвари: «Дьюри, куплю я мотоцикл за четыре тысячи». К 9 часам треть поля готова. Крестьяне из Малома переглядываются:

— Да они еще до вечера закончат. Не тратят они напрасно времени.

— Вот именно. С умом делают! У них и настроение как-то лучше, чем у нас. Тут что-то есть, в этом самом «коллективно».

В три четверти четвертого 35 хольдов озимой пшеницы обработаны. Гергей и остальные прислоняются к тополю, подсчитывают, у кого сколько трудодней. Вся группа выполнила норму больше чем на 220 процентов.

— Нам и сегодня не придется краснеть перед остальными членами кооперации.

Ременьпустовцы, можно подумать, родились хорошими работниками. Когда это говорят товарищу Ковачу, он только улыбается:

— Вначале некоторые спешили на работу, как гусак под нож. Трудно было привыкать к свободной жизни. Если сделаешь замечание, сразу отвечали: «Не приказывай». А если надо было идти на работу, то ждали, когда начнут их упрашивать. Иногда случалось, что вместо десяти человек на поле выходило четыре — пять...

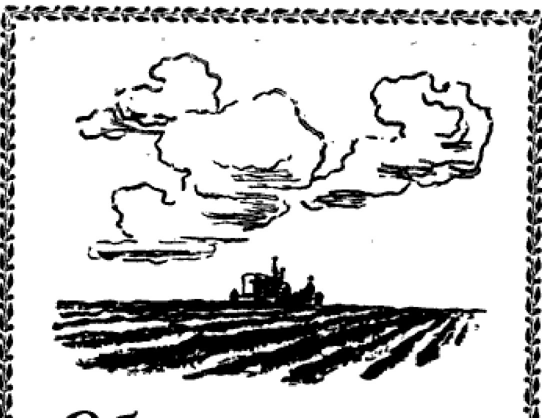
Члены кооперации вспоминают время, когда в кассе было еще мало денег, а в кладовой мало продуктов. Товарищ Варга говорит, что голодный человек всегда заглядывает в котелок соседа. Вот и они так же: все следили друг за другом, вместо того чтобы заниматься своим делом. Ключи от хлевов никому не доверяли, даже тем, кто кормил скот. Председатель носил ключи в кармане, а если он уходил куда-нибудь, то нельзя было открыть хлев и скот мычал от голода. Понемногу одумались, обсудили дело, решили, что так продолжаться не может, что нужно доверять друг другу. Лайош Варга отдал ключи скотнику. Понемногу у каждого появилась работа, каждый стал хозяином какого-нибудь участка, а все — владельцами целого хозяйства. В прошлом году, во время уборки урожая, когда выход в поле назначался на семь часов утра, в шесть часов все уже были в сборе. А если в течение дня заходили посмотреть, как работает сосед, то только для того, чтобы не отстать от него.

С ростом дохода кооперации рос и доход ее членов. Крестьяне стали настоящими мастерами своего дела. Они так умеют ухаживать за посевами, за скотом, что деревенские приходят посмотреть, поучиться у них.

Когда товарищ Сюч был назначен в свинарник, он несколько ночей плохо спал. Он умел обращаться со свиньями — ведь и раньше у него была свинья, иногда две, если выдавался хороший год. Но две свиньи — это совсем не то, что двести. Во время кормежки они визжали, переворачивали корыта, а то и самого Сюча сбивали с ног, и в этой постоянной суматохе и крике никак не хотели жиреть. Сюч понимал, что это его свиньи, а значит, ему надо что-то предпринять. Однажды швырнул он свою шляпу на землю и крикнул так, что свиньи замолкли.

— Вот это мне и надо! Я вас отучу от беспорядка! Вся сущность в порядке. Все дело в том, что кормить надо во-время...

Нынче в свинарнике тишина, и свиньи ежемесячно прибавляют в весе по 22—24 килограмма.

Облака летят

Лайош КОНЯ

Вслед весенним упованьям нашим
Облака летят над морем пашен.
Борозды за трактором гудящим
Пенятся, как в море настоящем.

Хорошо расти пшеничным зернам
В этом поле, чистом и просторном!
Тракторист взглянул вокруг и замер:
Вольный мир перед его глазами...

Пусть утешится бессильным визгом
Тот, кто навсегда отсюда изгнан!
Тракторист на подвиг благородный
Вышел ради радости народной.

Он сказал с улыбкой простодушной:
— Будь, моя машина, мне послушной,—
Целину с тобой мы, друг мой, режем
На ветру, волнующем и свежем.

Перевел с венгерского
Александр ЖАРОВ

3

Крестьяне из Чаньосроя до тех пор ходили «смотреть коллективное» в Ременьпуста, пока сами не организовали кооперацию. Понравилась им уверенная, веселая жизнь коллектива. Они говорят, что такая жизнь, как большая река: спокойно катит свои волны средь широких берегов, но сила ее велика — она смоет, снесет заботы, беды, трудности одинокой крестьянской жизни. Они клялись, что будут так же жить, как живут в Ременьпуста: мирно, друг другу плохого слова не скажут. Товарищ Варга, председатель кооперации, только улыбался:

— Вы на следующий же день ссориться начнете. Только, смотрите, не испортите дело. Пусть каждый выскажет, что у него на душе, и в конце концов течение по правильному руслу пойдет.

Гости качали головами. Не верили. А когда вернулись домой, на следующий же день из-за вожжей перессорились. Один из крестьян, после того как вступил в кооперацию, пожалел новые вожжи, решил, что хорошо бы продать их. Землю, скот, орудия, телегу он охотно отдал и жене сумел объяснить, что все это нужно отдать кооперации. А вот новые вожжи — это совсем другое дело. Тогда уж лучше уйти из кооперации. Он, правда, не ушел, и мир установился, но члены коллектива поняли, что люди за один день перемениться не могут. И молодому дереву нужно время, чтобы приспособиться к новой земле. Что уж тут говорить о человеке, да еще немолодом!

Нет дня, чтобы не приходили в «Новую жизнь» крестьяне, не просили принять их в кооперацию. Спокойная жизнь, довольство, хорошее настроение привлекают их, как родник путника, измученного жаждой. Отлично обработанные поля, замечательный скот, полные закрома, хорошая одежда, обувь — и никому не грозит опасность, что его участок земли раздробится, а сам он обеднеет. А это — большое дело! Но Лайош Варга говорит, что этого мало. Пусть двор, все хозяйство будет чистым, красивым, пусть все показывает, что зарождающаяся, новая жизнь не только сытна, но и красива! Членам кооперации не очень хотелось заниматься наведением порядка. Тут приказом ничего не добьешься. И вот как-то рано утром Лайош Варга взял в руки метлу и вместе с женой убрал вокруг своего дома. Один из крестьян заметил: «Этому все не спится!» Другой хмыкнул. А третий схватил метлу и тоже убрал вокруг своего дома. С тех пор прошло полгода. На дворе правления ни соломинки. Прекрасные клумбы обрамлены белыми кирпичами. Чисто вымытый пол крыльца, как доска для раскатки теста. Посередине двора, на возвышении, репродуктор. Голос его слышен во всей деревне.

Вначале и с репродуктором беда была. Молодежь все время требовала танцевальную музыку, а те, кто постарше, хотели послушать умное слово, известия, про политику, хотели поучиться. Наконец дело обсудили на общем собрании. Старшие заявили: «Пусть танцует молодежь: и веселиться нужно вместе! Но сначала пусть заслужит веселье». И молодежь приступила к работе. Первым — Янош Гергей. И сразу стало видно, что молодежь считает гораздо важнее посев ячменя, овса или клевера, чем вечерние танцы. Но классовый враг не спал. Стали нашептывать то одному, то другому: «Вам тут и повеселиться не дают, пошли лучше на ярмарку в Мариядюд. До чего же там здорово!»

Как-то вечером несколько человек пришли к председателю: им, мол, телега нужна, в Дюд хотят поехать. Варга задумался. Потом сказал: «В субботу на общем собрании решим». А в субботу на столе в правлении лежали билеты в кино.

— Завтра в кино в Пече идет очень хорошая картина. Многому можно там поучиться. Советская картина про героическую советскую молодежь. Пусть поедут наши парни и девушки.

Вокруг стола толкотня, к столу не пробьешься. Все захотели поехать. А когда вернулись домой, полночи проговорили про картину «Молодая гвардия», а утром поставили пластинку «Широка страна моя родная» и с этой песней пошли на работу. Старики головами качали: чего это вдруг молодежь так весела? Работа спорилась в руках у ребят, и обязательства, которые кооперация взяла на себя к 4 апреля, были выполнены гораздо раньше. Молодые всю кооперацию потянули за собой. Правда, и пожилых не очень-то надо было подгонять. Овес и ячмень к 10 марта были в земле, посеяли и подсолнечник, сахарную свеклу, люцерну, клевер, свеклу; во-время закончили обработку осенних посевов.

А хорошее настроение не пропадает. По вечерам молодежь поет, танцует и по очереди ездит в Печ — в кино и театр. На днях приехали крестьяне из Надькозара. Смотрели, разговаривали, а потом обступили молодежь. Один из гостей — седеющий, высохший крестьянин — сказал:

— Мне бы сейчас молодые годы! Само хозяйство — чудо. Что уж говорить о жизни! Я третий раз здесь, и все лучше у вас становится.

Потом заговорил о прошлом. Ни хлеба, ни чести. Даже керосина не было, не то что книг для чтения. Здесь, в кооперации, молодежь растет, как посевы на хорошо обработанной, орошенной дождем земле. Конечно, еще не все в порядке. Классовый враг точит зубы на хорошую жизнь кооперации, но у борьбы, у работы есть смысл.

— Правда, мы растем, как посев в хорошей земле,— ответил крестьянину Янош Гергей,— потому растем так, что землю нашу оросила дорогая кровь — кровь советских солдат.

Голос молодой Германии

(Письмо из Берлина)

Н. ПОЛЯНОВ

— Нам пишет Сталин!

Это кричит мальчишка-газетчик с толстой сумкой через плечо. Он только что примчался сюда, на угол Шенхаузер-аллее и Димитровштрассе, и мигом вокруг него собирается толпа. У него выхватывают влажные еще газеты с телеграммой товарища И. В. Сталина Центральному совету Союза свободной немецкой молодежи. И здесь, на перекрестке, где в эти ранние утренние часы каждый торопится пройти к поезду подземки, становится вдруг шумно и тесно. Остановился зеленщик со своей тележкой, из грузовичка вылез шофер в промасленной куртке. Сбежались к газетчику конторщики, спешащие на работу мастеровые.

В эту минуту из Паппель-аллее вынырнула небольшая группа юношей и девушек в синих рубашках. За плечами — рюкзаки и одеяла, свернутые в трубку. Идут они, как тысячи их сверстников в эти дни, на один из берлинских вокзалов, возвращаясь после молодежного слета в свой родной город или село. Когда эти молодые люди, с эмблемой восходящего солнца на рукаве, слились с толпой, случилось то, что повторялось так часто в минувшую неделю: над головами поднялись десятки аплодирующих рук, и воздух потрясли возгласы:

— Дружба — Сталин! Дружба — Сталин!

Перед нами, случайными свидетелями этой маленькой сценки, вновь с необычайной силой встала картина последних майских дней, когда немецкая столица увидела юность народа, ту молодежь, которую товарищ Сталин назвал в своей телеграмме активным строителем единой демократической и миролюбивой Германии. По всей германской земле, от Одера до Рейна, прозвучал в эти дни мощный голос слета молодежи, развернувшего свои знамена на берегах Шпрее.

Старый Берлин перестал быть похожим на себя. Обычно степенный и строгий, он вдруг словно освободился от груза десятилетий. По аллее Сталина, по Кепеникер-шоссе, по Шильдоверштрассе сплошной чередой катили к центру грузовики с юношами и девушками. Из широких дверей вокзалов выливались все новые потоки посланцев молодежи со всех концов Германии.

Город в нарядных одеждах. Повсюду весенний ветер трепал полотнища знамен Союза свободной немецкой молодежи; на стенах домов трехцветные флаги республики и белые стяги Всемирной молодежной федерации.

В субботу, 27 мая, когда в гигантском зале только что отстроенного закрытого стадиона Гимн демократической молодежи мира возвестил начало конгресса молодых борцов за мир, улицы стали синими от блуз юношей и девушек, гудели многоголосым, жизнерадостным говором. В районе Панкова вы по речи молодых людей угадывали, что здесь расположились мекленбуржцы. В Вайсензее слышался южнорейнский диалект. А попав в юго-восточные кварталы Берлина, вы узнаете, что здесь остановились молодые саксонцы из Дрездена, Лейпцига, Хемница, Плауена. Парк у берлинского предместья Кепеник усеян палатками юных пионеров.

В Люстгартене, на Антонплаце — едва ли не на всех площадях в восточной части города возникли импровизированные подмостки, и субботний вечер, озаренный огнями праздника, зазвенел песнями. Их подхватывали молодые зрители, и вот уже идут вдоль по улице шеренги братски обнявшихся певцов. Останавливаются автомобили, расступаются прохожие, и вечерний шум большого города то и дело перекрывает приветственный возглас:

— Дружба!

Да, это были дни торжества дружбы, боевого единства между молодым мекленбургским крестьянином и рабочим народного сталелитейного завода «Большой Макс», между шахтером из рурского города Гельзенкирхена и саксонской текстильщицей. Дружба между всеми молодыми немецкими борцами за мир и прогрессивной молодежью всех стран во главе с юношами и девушками Советского Союза!

На Пренцлауер-аллее из вокзала электрички вышли двое юношей. Они всматриваются в незнакомую улицу. В это время на другой ее стороне показалась веселая ватага парней из Союза свободной немецкой молодежи.

— Дружба, ребята! Мы с запада. Мюнстер, земля Северный Рейн — Вестфалия!

Едва они это сказали, как начались крепкие рукопожатия, взаимные похлопывания по спине, расспросы, смех. Потом все сообщнически пошептались, и минуту спустя, положив друг другу руки на плечи, пошли по улице, скандируя:

— Ами (презрительная кличка американцев в Германии), гоу хоум! [1].

[1] — Американцы, отправляйтесь к себе домой!

Несколькими днями позднее нас познакомили с четырьмя молодыми сторонниками мира, прибывшими из Баварии (американская зона оккупации). Их имена не могут быть названы без риска,— эти парни будут немедленно упрятаны за тюремную решетку, едва они вступят на баварскую землю. «За такими, как мы, охотятся по ту сторону гор Фихтель»,— говорят они.

...Тот, что повыше ростом, обвязал знамя вокруг тела, потом вчетвером перешли они зональную границу. Была ночь, и дождь лил, как из ведра. Конечно, у «зеленых дьяволов» из пограничной полиции есть немецкие овчарки и американские джипы с радиоустановками. Но ребята уже знают, как обвести аденауэровскую полицию вокруг пальца. И знамя они донесли в целости.

Нам показывали на слете это поблекшее красное полотнище. С глубоким волнением рассматривали мы выцветший контур пионера с горном и вышитые золотом русские слова: «Будь готов!». Это было знамя советского пионерского отряда. Когда-то фашистский солдат унес полотнище знамени из временно захваченного советского города. И вот теперь четверо баварских юношей с опасностью для жизни принесли знамя на слет в Берлине, чтобы вручить его советской молодежной делегации.

Придет час, и советские пионеры развернут это знамя на торжественном сборе своей дружины. На древке его, рядом с выцветшим красным полотнищем, они увидят новый яркосиний вымпел с эмблемой восходящего солнца. Они поймут этот знак дружбы и вспомнят о четырех молодых баварцах, которые добрались до Берлина, чтобы сказать:

— Дружба! В борьбе за мир мы рядом с вами, советские товарищи!

* * *

— Сталин назвал нас активными строителями единой демократической и миролюбивой Германии. Для меня эта оценка — большое личное обязательство.

Так говорит нам молодой берлинец Ганс Лангер. Он заправщик у бензоколонки. Из-под ворота его комбинезона выглядывает синяя блуза члена Союза свободной немецкой молодежи.

Такой увидели мы всю эту молодежь в воскресенье, когда 500 тысяч немецких юношей и девушек прошли перед трибунами в Люстгартене. Восемь часов кряду не прекращался поток знамен, сомкнутых братских колонн, полных энергии и решимости. Дождь и колючий ветер были бессильны нарушить эту феерию красок. В этот день германская молодежь поклялась никогда не поднимать оружия против Советского Союза, против стран народной демократии, против передового человечества!

Англо-американские власти мрачно разглядывали колонны демонстрантов, шедших по Унтер-ден-Линден к Люстгартену. У здания рейхстага, у Бранденбургских ворот, на Потсдамском мосту стояли броневики, военная жандармерия, вооруженная до зубов штуммовская полиция.

Говорят, что в геликоптере, кружившем весь день над границами западных секторов, сидел американский комендант генерал Тейлор.

Стоило американскому геликоптеру повиснуть на несколько минут над площадью перед рейхстагом, как рядом, на Унтер-ден-Линден, юноши и девушки уже выбегали из шеренг, чтобы образовать живые слова: «Янки, убирайтесь из Германии!».

И снова молодые борцы за мир становились в колонны, чтобы продолжать путь к Люстгартену, где их приветствовали президент республики Вильгельм Пик, посланцы советской молодежи, представители прогрессивного молодого поколения обоих полушарий...

Настал последний вечер слета. В Люстгартене только что умолкла буря оваций, которой тысячи юношей и девушек в синих рубашках наградили танцоров из ансамбля Игоря Моисеева, выступавшего на открытом воздухе. В Государственной опере все зрители, стоя, взявшись в знак дружбы за руки, пели Гимн демократической молодежи мира. На стадионе имени Вальтера Ульбрихта, построенном молодежью на том самом месте, где десятилетиями стояли кирпичные стены прусской казармы, опустился флаг соревнований, в которых советские спортсмены одержали блистательные победы.

В эти вечерние часы на берлинских улицах собирались юноши и девушки. В руках у них были просмоленные факелы. Подобно огненным рекам светились в ночной тьме улицы, по которым двигались колонны молодежи. Тысячи факелов, тысячи огней озаряли путь демократической молодежи Германии — путь борьбы за мир во всем мире!

Молодежь Германской демократической республики активно участвует в строительстве единой демократической и миролюбивой Германии. На снимке: шествие молодежи по случаю закладки в Бранденбурге крупнейшего в республике сталелитейного завода.

Китайский народ голосует за мир

В Пекине, в парке имени Сун Ятсена, состоялся массовый митинг в защиту мира. Представители рабочих, крестьян, Народно-освободительной армии, общественных организаций, духовенства единодушно высказались за запрещение атомного оружия и объявление военным преступником правительства, которое первым его применит.

Делегаты от населения Пекина поставили свои подписи под воззванием стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

На снимках: вверху — общий вид митинга в Пекине; слева — китайские крестьяне подписывают стокгольмское воззвание.

ДИПЛОМНЫЕ ПРОЕКТЫ СТУДЕНТОВ

На сессии исполкома Международного союза студентов, происходившей недавно в Москве, генеральный секретарь союза Джиованни Берлингуэр говорил, что в капиталистических странах молодежь, оканчивающая высшие учебные заведения, остается безработной. В Италии из каждых десяти студентов 6—8 человек не имеют никакой надежды найти применение своим знаниям. В Америке издан справочник в «помощь» выпускникам колледжей. Им рекомендуют идти работать... парикмахерами, продавцами, плотниками. По специальности они службу не найдут.

Нельзя не вспомнить об этом, когда попадаешь в советскую высшую школу, выпускники которой давно распределены по фабрикам, заводам, совхозам, стройкам. И оказывается, что далеко не все заявки предприятий на молодых специалистов удовлетворены.

Учебный год еще не закончился. Но все дипломники знают, где они будут трудиться, окончив вуз. Уже сейчас студенты последних курсов, разрабатывая дипломные проекты, стараются практически применить знания, полученные в институте.

...Александр Домокеев, студент Московского ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева, развертывает листы ватмана. Возникают контуры крупного домостроительного завода.

— С каждым годом увеличивается потребность в новых, благоустроенных домах. Мы должны строить их быстро и прочно,— говорит тов. Домокеев.— Заводское домостроение дает большие преимущества перед кирпичной кладкой: сокращаются затраты труда, расход материалов, здания возводятся быстрее и стоят дешевле.

Разработанный сталинским стипендиатом А. Домокеевым проект домостроительного завода будет практически реализован.

Другой студент этого же института, А. Ефимов, занимается вопросами наружной отделки высотных зданий. Использование керамических блоков и естественного камня для облицовки обходится очень дорого. Поэтому строители начали применять бетонные плиты, что удешевляет работы почти в 10 раз. А. Ефимов спроектировал завод для изготовления декоративного цветного бетона. Этот проект также будет использован.

Выпускники Московского инженерно-строительного института А. Яцумира (справа) и И. Лебедев работают над дипломным проектом котельных установок.

Фото М. Савина

Студент А. Яцумира в своем проекте комплексной системы отопления жилых домов социалистического городка при крупном заводе, опираясь на исследования профессора С. Ф. Копьева, стремится разрешить проблему подачи горячей воды прямо из отопительной сети. Это создаст большие удобства жильцам и принесет экономию средств, так как не надо прокладывать специальные трубопроводы и устанавливать дополнительное оборудование в помещении.

Проект Т. Старовойтовой предусматривает увеличение на 13 процентов коэффициента полезного действия котельных установок для механических прачечных. В. Ряхин и А. Вагау спроектировали новый тип рабочего оборудования экскаватора значительно повышающего производительность труда на земляных работах.

...В аудиториях, где занимаются студенты-дипломники, царит тишина, атмосфера напряженного творческого труда, больших и понятных волнений. Вносятся последние поправки. Вновь и вновь проверяются расчеты...

И. КОЛОСОВА

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК МОЛДАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Он занимает целый квартал по улице Пирогова, одной из тихих и красивых улиц Кишинева. Сюда устремляются со всех концов города юноши и девушки. Прислушайтесь к разговорам молодых людей — и вы легко узнаете в них студентов. Они спешат в университет.

Молдаване по праву гордятся своим университетом. До советской власти в Бессарабии не было ни одного высшего учебного заведения. До воссоединения территории между Днестром и Прутом в единую Молдавскую советскую республику свыше 70% населения правобережья было неграмотно.

Времена эти еще свежи в памяти многих жителей Кишинева. И когда, проходя по улице Пирогова, они видят студентов, им вспоминается послевоенный 1946 год. Как ни тяжки были раны, нанесенные городу оккупантами — гитлеровцы сожгли и взорвали 76% жилых зданий,— все же в праздничный День Победы открылся первый в Молдавии университет.

Это было большое торжество. В университетские аудитории пришли дети рабочих, крестьян, интеллигенции, демобилизованные воины, сражавшиеся за свободу и независимость родной страны и ныне получившие возможность продолжать свое образование. Принимали сразу на первые два курса.

И вот сейчас Кишиневский государственный университет выпускает 87 молодых специалистов — историков, филологов, математиков и физиков.

Его питомцы пополнят коллективы научных учреждений республики — филиалы ИМЭЛ и Академии наук СССР. Кадры молодых научных сотрудников получит и университет. В аспирантуре остаются молдаване депутат Верховного Совета СССР Р. Д. Оника, А. С. Есауленко, Н. А. Мартыненко.

Сейчас в аудиториях проходят государственные экзамены. Волнуются студенты и их учителя, весь коллектив профессоров, преподавателей. А коллектив этот растет год от года. На кафедрах работает свыше 120 профессоров и преподавателей. Они заняты большой научно-исследовательской деятельностью. Молодой университет имеет свою агробиологическую станцию, геологический музей. Преподаватели-молдаване готовятся к защите диссертаций.

Ф. КАБАРИН

Дипломанты Кишиневского университета (слева направо): В. Березин, А. Ведута, Н. Мартыненко, депутат Верховного Совета СССР Р. Оника, А. Есауленко, А. Елисеева.

Фото Ф. Гроссмана

Инициатива конструктора

На радиаторе красуется серебристый медведь и под ним буквы ЯАЗ — Ярославский автомобильный завод. Грузовые машины, выпущенные этим заводом, можно встретить в городах, селах, на новостройках.

Творцы автомобилей с большой настойчивостью добиваются новых производственных успехов. Ценную инициативу проявил ведущий конструктор завода В. В. Пушкин. Он предложил организовать социалистическое соревнование конструкторов за улучшение качества и снижение себестоимости автомобиля. Это предложение встретило дружную поддержку во всех цехах Ярославского автозавода, а также и на других предприятиях Советского Союза.

В. В. Пушкин — молодой инженер. Детский дом, средняя школа, вуз, война и, наконец, конструкторская работа на заводе — таковы вехи пройденного им пути. Впереди работа над кандидатской диссертацией. Уже выбрана тема: «Повышение экономичности двигателя».

В. Пушкин много времени посвящает изысканию возможностей дальнейшего усовершенствования конструкции автомобиля. Сто тысяч рублей годовой экономии — таковы первые плоды творческих усилий новатора.

Примеру молодого инженера последовали его товарищи по работе. Сотрудники отдела главного конструктора взяли коллективное социалистическое обязательство — внести ряд изменений в конструкцию автомобиля и двигателя и таким образом, дать заводу не менее 700 тысяч рублей годовой экономии.

Инженеры и техники Ярославского автозавода упорно борются за технический прогресс, за то, чтобы увеличить выпуск автомашин, делать их еще лучше, прочнее и дешевле.

В. ФЕДОРОВ

Время исчисляется долями секунды

Самолет вылетел по сравнительно освоенной авиатрассе. Летчик был спокоен: погода хороша, самолет в порядке, а на земле дежурит Саша Веремей. Но мгновенно возникшая пурга настигла самолет...

Веремей добрый десяток лет жил и работал на полярных станциях. Всякое бывало, но такую бурю он наблюдал впервые. Все кругом наполнилось ревом, гулом. В этом шуме трудно уловить тонкий голосок рации пропавшего самолета. Радист долгие часы не вставал из-за стола, методично прощупывая на приемнике все диапазоны. На вторые сутки из дикого хаоса звуков он выловил наконец едва слышное «SOS». Исчезнувший самолет вынужденно приземлился в тундре. Теперь помощь ему была обеспечена...

Мы встретились с Александром Веремеем в обширном классе подмосковной школы ДОСАРМа. Он сидел у пишущей машинки, с наушниками на голове, и что-то быстро печатал. Радист заметно волновался. В этом классе собрались восемнадцать участников всесоюзных соревнований радиотелеграфистов.

В первом туре соревнований участвовали тысячи радистов в различных городах страны, но всего лишь восемнадцать из них вышли в финал. Среди них, помимо А. Веремея, — двукратный чемпион ДОСАРМа начальник Калининградского радиоклуба Федор Росляков, радистка Министерства речного флота СССР комсомолка Галина Патко, киевский связист Наум Тартаковский, который добился блестящего результата, читая за одну минуту пятьсот сорок знаков, хабаровский мастер радиосвязи Михаил Тхорь...

Изо дня в день нарастала скорость передачи. Вот магнитофон диктует двести пятьдесят знаков в минуту. Радисты мысленно прочитывают текст и печатают его на машинке. Впереди Росляков, Веремей, Патко... Скорость увеличивается до 300, 360, 380, 400, 410 знаков...

Наступает последний этап соревнований — передача на ключе. Веремей работает быстрее, у него больше очков. Он завоевывает звание чемпиона 1950 года. Второе и третье места делят Федор Росляков и Галина Патко.

Н. МАР

Киевский радист Н. Тартаковский, прочитавший 540 знаков в минуту.

Участники соревнований радистов-операторов (слева направо): Федор Росляков (Калининград), Галина Патко, чемпион ДОСАРМа 1950 года Александр Веремей (Москва).

Фото Н. Маторина

Атлас рыб

Перелистывая два объемистых тома этой книги, как бы совершаешь путешествие по морям, озерам и рекам. Байкальский омуль, черноморская кефаль, донской судак, камчатский лосось — все это увидишь здесь, на листах многоцветных литографий.

Над рисунками несколько лет работал художник-анималист, зоолог по образованию Н. Н. Кондаков, постоянный научный сотрудник Всесоюзного института рыбного хозяйства и океанографии. Более пятидесяти советских ученых во главе с академиком Л. С. Бергом систематизировали сведения по биологии и промыслу рыб.

Результат этой коллективной работы — «Атлас промысловых рыб СССР», выпущенный недавно «Пищепромиздатом», можно по справедливости назвать уникальным. Ни в одной стране до сих пор нет подобных изданий.

В океанах и морях, омывающих берега нашей родины, в озерах и реках Советского Союза насчитывается более тысячи видов рыб, из них двести пятьдесят видов имеют промысловое значение.

Советская рыбная промышленность, созданная в годы сталинских пятилеток, развивается на строго научной основе. Благодаря успешным исследованиям Баренцова моря наш рыболовный траловый флот на Мурмане намного превысил уловы зарубежных траулеров.

«Атлас промысловых рыб СССР» — новое свидетельство успехов советской науки. Для рыбаков, ученых-ихтиологов, инженеров, хозяйственников он будет ценнейшим пособием.

М. САВИН

СУБТРОПИКИ В ТОМСКЕ

Томский университет имени В. В. Куйбышева, один из старейших в стране, славится своим ботаническим садом с чудесными оранжереями. Зимой, когда на улице трескучий мороз, здесь, в оранжерее, оказываешься как бы в субтропиках.

В университетском ботаническом саду собраны растения со всего земного шара.

Университет оказывает большую помощь колхозникам. В нынешнем году колхозы Томской области получат отсюда свыше пяти тысяч яблонь мичуринских сортов.

На снимке: научный сотрудник А. Д. Тяжельников в тропической оранжерее.

Фото Ф. Хитриневича

АГРОГОРОД В УЗБЕКИСТАНЕ

Широко раскинулись на берегу Боз-су владения прославленного в Узбекистане колхоза имени Кагановича. Меж многочисленных каналов и арыков, прорезающих реку, зеленеют хлопковые плантации и люцерновые луга, кудрявятся пышные кущи садов и виноградников, приветливо белеют постройки колхозных кишлаков.

Богат и знатен этот колхоз. В прошлом году его доходы составили около девяти миллионов рублей. В колхозном поселке две школы, детские ясли, клуб, чайхана, летний театр. Но члены артели — среди них восемь Героев Социалистического Труда — уже давно подумывали о том, что надо было бы перестроить поселок по городскому образцу. Впервые речь зашла об этом в конце прошлого года, когда после окончания уборки хлопка собрался колхозный актив. Тогда и решили сделать заказ архитекторам.

В начале нынешнего года председатель правления артели Герой Социалистического Труда Хамракул Турсункулов докладывал на заседании Совета Министров Узбекской ССР о решении общего собрания колхозников. Правительство республики одобрило инициативу и приняло постановление об оказании колхозу помощи в строительстве агрогорода.

Хамракулу Турсункулову, депутату Верховного Совета Союза ССР, часто приходится бывать в Ташкенте. Но после постановления правительства он стал наезжать в столицу республики еще чаще. Целые дни проводил Турсункулов в мастерских архитекторов. Они справедливо назвали его своим соавтором.

...Хлопкоробы пристально всматриваются в макет, внимательно слушают архитектора. Вот украшенный колоннадой фасад Дворца культуры. Минуя скульптурные фигуры Ленина и Сталина, попадаешь в вестибюль, а отсюда в театр, рассчитанный на 500 мест, с двумя фойе. В боковых крыльях дворца размещены правление колхоза, столовая, гостиница. На втором этаже — библиотека, читальня, агролаборатория, выставочный зал, комнаты отдыха.

Дворец культуры — одно из красивейших зданий будущего города, который, колхозники решили назвать «Хасиль-абад», что значит «Город урожая». Он займет всю территорию нынешнего поселка артели имени Кагановича. 550 жилых домов городского типа разместятся на двух главных пересекающихся улицах. Каждый дом будет иметь две—три комнаты, веранду, кухню, ванную, оборудован водопроводом, канализацией. В центре города вырастут школа-десятилетка, универсальный магазин, летний театр, а на окраине — механизированная молочно-товарная ферма, новый хозяйственный двор, склады, мастерские, мельница, рисорушка, консервный завод и другие колхозные предприятия. Тихие боковые улицы и тупики отведены под детские сады и ясли, дом отдыха, больницу с родильным отделением. На берегу большого канала, пересекающего территорию города, откроется спортивный стадион с водной станцией.

Недавно состоялась торжественная закладка первого здания агрогорода — Дворца культуры. На празднество собрались колхозники, гости из Ташкента и районного центра Янги-Юля. Далеко окрест разнеслось призывное пение длинных медных труб-карнаев.

Стройка агрогорода началась. В нынешнем году колхоз вкладывает в сооружение города два миллиона рублей.

Д. ПРОТОПОПОВ

Председатель колхоза имени Кагановича депутат Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда Х. Турсункулов показывает старейшим колхозникам макет будущего агрогорода. Справа — эскиз проекта Дворца культуры, заложенного в колхозе имени Кагановича. Авторы проекта — братья Е. и А. Жмуйда.

Фото Я. Клемперта и В. Коссовского

Ансамбль народных танцев Государственной филармонии Эстонской ССР исполняет танец «Бубенчик».

Фото А. Гостева

Эстонские артисты в Москве

Чист и прозрачен строй звучных голосов. По-народному просто и строго льется мелодия. «Здравствуй, город наш любимый!» — такими словами песни приветствовали Москву и москвичей певцы из Таллина на открытии праздника эстонского искусства в Колонном зале Дома союзов.

Высокое хоровое мастерство эстонского народа, взращенное столетиями, бережно сохраняют многочисленные певческие коллективы страны. С одним из них, Государственным мужским хором Эстонии под руководством лауреата Сталинской премии Г. Эрнесакса, уже давно знакомы наши слушатели. На концертах во время декады эстонской литературы с успехом выступал и объединенный хор Радиокомитета Эстонской ССР. Превосходно передает он широкую, вольную мелодию «Песни о Сталине» композитора Г. Эрнесакса, мужественную песню Э. Каппа «Труд и борьба», шутливую — «Колхозница Тийна» Б. Кырвера.

Словно сошедшими со старинных народных рисунков кажутся фигуры танцоров в колоритных национальных костюмах. Движения их легки и непринужденны. Исполнение дышит неподдельным весельем, мягким юмором. Ансамбль народных танцев Эстонской филармонии в сопровождении оркестра народных инструментов мастерски исполняет шуточный старинный «Вальс с острова Хийумаа», танцы «Лен» и «Бубенчик» и заразительно жизнерадостный «Тульяк», построенный по мотивам эстонской народной песни и танца.

Солисты Государственного театра оперы и балета «Эстония» обладают хорошими голосами и высокой вокальной культурой. Некоторым из них, например, М. Коданипорк, Д. Куузику, М. Тарасу, присуждены в этом году Сталинские премии за создание ярких и правдивых образов в опере Чайковского «Евгений Онегин».

Д. Куузик с большой силой и выразительностью передает монолог Бориса из оперы Мусоргского. В репертуаре М. Тараса эстонские оперные арии, песни советских композиторов. С трогательной простотой и искренностью исполняет М. Коданипорк арию Марфы из оперы Римского-Корсакова «Царская невеста». Хорошо поют песни эстонских композиторов певицы Э. Маазик и М. Рунги.

«Картинки Таллина», фортепианный цикл лауреата Сталинской премии композитора Э. Каппа, проникнутые любовью к природе и старинным легендам родной страны, выразительно исполняет пианистка Х. Сепп.

Выступления эстонских певцов, музыкантов и танцоров, проходившие в крупнейших концертных залах столицы, — яркая демонстрация расцвета искусства советской Эстонии.

К. АЛЕКСАНДРОВА

Жизнь счастливых

На выставке работ Н. Н. Жукова

Можно сказать с уверенностью, что никто из посетителей не останется равнодушным на этой выставке. Да и как остаться равнодушным, если десятки рисунков правдиво рассказывают о самых маленьких советских гражданах! Повествование это ведет художник лауреат Сталинской премии Н. Жуков.

Вот девочка подошла к клетке с чижиком и растворила дверку. В ее крохотной фигурке, увенчанной пышным бантом, автор мастерски запечатлел любовное отношение ребенка к птичке.

Малыш с аппетитом отправил в рот собственный палец, по лицу его разлито блаженство. А на другом рисунке тот же малыш сердито нахмурился: «Опять каша...».

Выставка в целом называется просто: «Дети». Обыкновенное название обнимает многогранную, полную ярких впечатлений, счастливую жизнь ребят в Советской стране. Тут и детская радиопередача, и рисование в изокружке, и прогулки, и первый урок музыки...

Жуков — превосходный рисовальщик. Сама манера его на редкость проста и лаконична.

Творческая деятельность Н. Жукова — ныне члена-корреспондента Академии художеств СССР — начинается с 1932 года, с его первых иллюстраций к книгам. В 1938 году он приступил к созданию серии рисунков из жизни Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Эта работа выдвинула автора в число ведущих мастеров советской графики.

Образы гениальных вождей коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина — центральная тема творчества Жукова. Широко известны также его фронтовые рисунки и многочисленные плакаты.

Художник-патриот Н. Жуков умеет в своих работах выразить чувства и мысли миллионов советских людей. В его жанровой сюите «Дети» есть волнующий рисунок, где маленькая девочка складывает из кубиков свое первое слово. Это первое слово — Сталин!

Е. БРАГИН

ЩИТ ДЖУРГАЯ

Гаснет свет в зале кинотеатра — и на экране появляется надпись: «Щит Джургая» — грузинский киноконцерт».

Зрители с восхищением слушают превосходную музыку, смотрят великолепные пейзажи и с интересом следят за сюжетом, в котором умело объединены двадцать пять музыкальных и танцевальных выступлений.

В «Щите Джургая» тесно переплетены героическая современность и седая старина.

Патриотизм народов нашей Родины, великая дружба их, расцветшая под солнцем Сталинской Конституции, — такова тема киноконцерта и всех включенных в него музыкальных и хореографических выступлений.

...1942 год. Немецко-фашистские захватчики рвутся к Кавказу. Советские люди героически защищают свою родину. Проходят колонны войск по улицам Тбилиси. Киноаппарат фиксирует гордые слова, начертанные на памятнике Руставели: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем постыдной жизнью жить».

Воинское соединение покидает Тбилиси и вступает на извилистую горную дорогу. Грузин-лейтенант (артист Д. Бадридзе) затягивает популярную народную песню «Инди-минди». Народные грузинские песни, романсы, дуэты сопровождают воинов в пути. На привале их сменяет патриотическая украинская песня «Ой, Днiпро» (артист М. Гришко). У переправы

Кето Джапаридзе поет на переправе перед бойцами, отправляющимися на фронт.

бойцов встречает артистка Кето Джапаридзе. Она проникновенно поет для них песни «У переправы» и «Вечер на рейде».

Но вот на пути отряда возникает старинная крепость. У входа ее стоит старик Мамука (артист Г. Григорашвили). Он рассказывает защитникам родины древнюю легенду об отважном грузинском витязе Джургае. Эта легенда поэтично воплощена на экране: судьба витязя Джургая (артист Д. Гамрекели), его свадьба с простой пастушкой Этери (артистка М. Джапаридзе), его мужественная борьба против монгольских орд...

Органично входят в сюжет картины хоры и отрывки из замечательных опер З. Палиашвили «Абессалом и Этери» и «Даиси», из произведений М. Баланчивадзе, Д. Аракишвили, А. Андриашвили, А. Баланчивадзе и Г. Киладзе. Восхищение зрителей вызывает боевой грузинский танец «Хоруми», темпераментно и виртуозно исполненный Вахтангом Чабукиани.

Фильм заканчивается произведением В. Мурадели «Юность вождя» и «Гимном Сталину» композитора А. Баланчивадзе.

Киноконцерт «Щит Джургая» был поставлен в годы Великой Отечественной войны Тбилисской киностудией. Сейчас, как и в те дни, фильм с интересом и волнением смотрится советским зрителем. И это понятно: киноконцерт отвечает патриотическим чувствам наших людей.

Авторы фильма Г. Леонидзе, С. Долидзе и Д. Рондели, многочисленный коллектив исполнителей своим вдохновенным творческим трудом обеспечили выдающийся успех этого яркого произведения советского киноискусства.

О. ОЛЬГИНА

Витязь Джургай — Д. Гамрекели. Этери — М. Джапаридзе.

Впервые в истории лесосплава

Недавно жители Сталинграда были свидетелями интересного события: волжский пароход «Киров» подбуксировал к лесному рейду плот необычайной величины. Ширина его равнялась 150 метрам — вдвое больше нормальной, длина — 450 метрам. Объем плота составлял 59 975 кубометров. Для доставки такого количества леса судами понадобилось бы 15 лесовозов, а по железной дороге — около 5 тысяч вагонов. Это самый крупный плот в истории лесосплава по Волге.

Буксировка плотов паровыми судами была введена сравнительно недавно, в начале второй сталинской пятилетки. Объем первых плотов не превышал 16 тысяч кубометров. Начало вождению большегрузных плотов с повышенной скоростью положила команда парохода «Руслан», которым командует один из опытнейших капитанов буксирного флота нашей страны, Петр Степанович Букаев, ныне лауреат Сталинской премии. Пять лет назад большегрузные плоты стал буксировать и пароход «Киров».

В нынешнем году «Киров» впервые прошел расстояние от Козьмодемьянска до Сталинграда в 1504 километра без остановок. Расчалка плота перед железнодорожными мостами производилась на ходу.

Наряду с капитаном судна коммунистом А. Д. Григорьевым высокое мастерство вождения плота показали штурманы И. А. Масланов, А. Ф. Шамсв, С. П. Егоров.

Следуя примеру кировцев, коллективы многих буксирных волжских судов переходят на безостановочное вождение большегрузных плотов.

Н. БОРИСОВ

Пароход «Киров» ведет большегрузный плот по Волге. На переднем плане — капитан судна А. Д. Григорьев.

Фото Е. Сидорова

НОВАЯ СЛУЖБА

РАССКАЗ

Дьердь ДЬЕРИ

Рисунки В. Высоцкого

I

Шандор стал работать в министерстве. Каждое утро он теперь просыпался с тоской по фабрике, по старому станку, за которым провел столько лет, по товарищам, по незавершенному изобретению, наскоро завтракал и отправлялся в министерство.

— Свобода[1], товарищ Месарош!— приветствовал его в первый день начальник отдела, широко улыбаясь. — Я рад, что к нам наконец прибывают такие хорошие работники! На фабрике вас очень хвалят. Надеюсь, что и у нас вы наладите запущенные дела. Мы вас направим в комиссию социального обеспечения.

— Я постараюсь. Я сделаю все, чтоб оправдать ваше доверие! — торжественно произнес Шандор, поднявшись с места, и сам удивился изысканности своих выражений. «Видно, действует воздух министерства»,— подумал он про себя, с трудом удерживаясь от улыбки.

Потом он узнал ближе заведующего отделом — это был очень умный и славный человек, звали его Дьердь Кирай, и он был членом партии.

Два дня Дьердь Кирай знакомил Шандора с делами. Когда все папки были ему переданы, он откровенно признался Кираю:

— Я ровно ничего не понял.

И они весело посмеялись.

— Ну, не беда, товарищ Месарош, — успокоил начальник отдела, — ничего, считайте, что вы здесь на индивидуальной учебе.

Прежний председатель комиссии социального обеспечения Иштван Керти оставался в том же отделе, только теперь ему поручена была скромная работа: вести картотеку. Неприятно было Шандору думать об этом человеке. Странно: хоть Шандор отлично знал уже, что Иштван Керти небрежно вел дела о пособиях и потому был смещен с председательского поста, он все-таки чувствовал себя немножко виноватым, как будто он спихнул человека с должности... Конечно, Шандор отлично понимал, что это вздор, а все-таки он испытывал в течение нескольких дней неловкое чувство.

Уходя по вечерам со службы, Месарош брал с собой пачки документов, чтоб дома разобраться в них, и за две недели он хорошо ознакомился со всеми делами.

Машинистка Эржи не уставала хвалить его необычайную понятливость. Она удивлялась, что он так быстро освоился с работой. Но эти похвалы Шандору не пришлись по душе: он улавливал в них какую-то фальшь и поэтому держался настороженно.

Работа у Шандора пошла хорошо. Вскоре ему пришлось убедиться, что и за письменным столом люди напряженно трудятся. Он старался решать дела быстро и вникал в существо вопроса. Вначале были, конечно, кое-какие промахи. Но это же естественно! У него еще так мало опыта... Шандор никак не мог привыкнуть к огромному количеству бумаг и к тому, что на многих бумажках то и дело приходится ставить свою подпись. Его раздражало, когда люди приходили к нему по десять раз, а дело все никак не двигалось с места. Как бы сделать так, чтобы дела улаживались сразу?.. Шандор вспоминал, с каким упорством он работал на фабрике, стараясь осуществить свое изобретение. Он придумал очень важное приспособление к станку и уже был близок к полному успеху, когда его перевели вдруг сюда, в министерство... Это приспособление предохранит иглы от поломок, и нитки не будут так часто рваться... Надо обязательно довести дело до конца. Пусть он уже не работает на фабрике — все равно надо довести до конца... А что можно придумать для улучшения работы здесь, в министерстве?.. Ничего он здесь не может придумать!..

Но четыре месяца спустя он вошел к начальнику отдела и сказал со смущенной улыбкой:

— Видно, я неисправимый рационализатор...

— Ну, что ж, это не вредно! — улыбнулся Кирай. — Садитесь, рассказывайте, товарищ Месарош... И не смущайтесь, если даже мысль ваша на поверку окажется ложной. Я сам уже внес полдюжины негодных предложений... Но два—три полезных начинания все-таки удалось претворить в жизнь...

— В сущности, — начал Шандор, — моя идея очень проста. Это такой пустяк, что я даже не знаю... Правда, не могу понять, почему прежде такая мысль не приходила в голову...

И он изложил в нескольких словах свое предложение, которое весьма упрощало работу и давало большую экономию во времени.

Начальник отдела был крайне удивлен: в самом деле простая мысль, совсем простая, а никто не догадывался до сих пор о возможности так построить учет и контроль, как предлагает Шандор Месарош...

— Идею вашу мы, конечно, осуществим. Обязательно осуществим!— сказал он. — Приступите к ее детальной разработке.

Шандор был счастлив.

В этот день он должен был отлучиться на некоторое время из министерства. И едва он ушел, как в кабинет его явился Иштван Керти. Он с усталым видом повалился на стул рядом с Эржи и тяжело вздохнул.

— Милая Эржи, — сказал он, — я больше не в силах...

[1] Этим словом приветствуют друг друга в народно-демократической Венгрии.

Эржи взглянула на него с любопытством:

— Господин советник, в самом деле вы выглядите грустным и подавленным... — Она называла его «господин советник». Когда они оставались наедине, то соблюдали все правила прежней жизни. — Надеюсь, у вас, господин советник, нет никаких серьезных неприятностей?

— Нет, ничего серьезного, только я больше не в силах выносить всего этого! Поймите, дорогая, нервы отказываются мне служить! Несколько месяцев еще можно держать себя в руках... Но при мысли, что все это может продолжаться годы, теряешь самообладание, почти заболеваешь...

— Но вы, господин советник, должны держать себя в руках,— сказала Эржи со страхом и сочувствием.

— Меня покидает жизнь, дорогая моя! — ответил он с глубокой горечью. — Теперь я вполне убедился, что мир отлично живет без меня... Но что же прикажете делать мне на этой расцвеченной флагами ярмарке?..

— Господин советник, я еще раз повторяю: вы должны держаться,— она крепко пожала ему руку. — Ведь еще все может перемениться.

— Ошибаетесь, Эржи, — Керти наморщил лоб. — Не надо утешаться иллюзиями. О, если б я верил, что все еще может перемениться!.. Но вы посмотрите, что делается в Китае! Весь мир кипит!.. Нет, дорогая, эти проклятые правы: историю не повернуть вспять...

— Но все-таки, может быть... — все еще пыталась утешать Эржи.

Советник прервал ее:

— Я уже сказал вам, что это невозможно! — Он нервно передернул плечами. — Нам, моя милая, остается только одно!

— О чем вы говорите, господин советник? — пролепетала Эржи дрожащими губами.

Бывший советник нахмурил свои густые рыжеватые брови и так сжал губы, что они побелели.

— Месть! — прошипел он сквозь зубы. — Месть! — повторил он, и его длинные тонкие пальцы свела судорога. Увидев, что девушка дрожит, он сказал: — Эржи, не бойтесь!.. Я все вымещу на этом Месароше, этом... жалком подмастерье. Эржи, дорогая, умоляю вас мне помочь! Этого «товарища» предадут позору, привлекут к ответственности, вышибут из министерства. Только помогите мне...

— Боже!.. Но что вы хотите сделать, господин советник? — спросила машинистка, все еще продолжая дрожать.

— Совершенные пустяки, — тоненьким голоском произнес он и удовлетворенно рассмеялся. — Мы подделаем фамилию Шандора Месароша под одним приказом, по которому он выпишет деньги самому себе... Деньги получим, конечно, мы сами, тоже с помощью его подписи!.. Вот и все... А остальное... Остальное можете себе представить сами...

— Это, действительно, не кажется слишком трудным, — проговорила Эржи после некоторого раздумья. Потом она рассмеялась: — Прекрасно! Вы, господин советник, могли бы стать рационализатором производства. Вам приходят в голову превосходные мысли. Но все-таки... — она опять с тревогой взглянула на Керти. — А вдруг сорвется?.. Вдруг что-нибудь...

— Дорогая моя, будьте совершенно спокойны. Это, если можно так выразиться, мой последний шанс. Я все точно обдумал и рассчитал. Послушайте, вашей задачей будет...

II

Эржи заболела и три дня уже не приходила на работу.

Шандор не умел печатать на машинке, он решил вызвать Керти.

Иштван Керти явился с бледным, испуганным лицом.

— Тут накопилось уже порядочно бумаг, — сказал Шандор. — Пожалуйста, напечатайте их...

Керти, услышав эту просьбу, успокоился. Три дня назад он и Эржи получили деньги по подложной подписи. Эржи заболела от страха. А когда Шандор вызвал Керти, у того мелькнуло в голове: «Господи, да не вылезло ли что-нибудь наружу?» Теперь, услышав, что речь идет о перепечатке бумажек, он чуть было не рассмеялся.

— К вашим услугам, — сказал он, с готовностью вытянув над машинкой свои худые длинные пальцы, — сколько угодно приказов... Это мой долг, ведь у нас повсюду соревнование, и если бы я отказался помочь, я бы только доказал, что недостоин своей службы...

Шандору была неприятна эта явная ирония. Месарош пристально поглядел на него и вдруг сказал:

— Спасибо, господин Керти, я уж справлюсь как-нибудь один...

Шандор остался наедине со множеством папок. Да, дела идут вовсе не так хорошо, как это ему казалось последнее время. Папки иногда тяжелей целого ящика пряжи, и возиться с ними утомительней, чем вдевать нитки в тридцать две иголки.

«Нет, все-таки мое место на фабрике, — размышлял он. — Может быть, специалистов министерства можно перевоспитать... Вообще пусть все специалисты остаются на своих местах. Зачем так перемещать людей? — подумал Шандор. — Я никогда не буду здесь хорошо себя чувствовать!»

III

На следующий день один из сотрудников вошел в кабинет к Шандору с большим пакетом в руках и сказал:

— Я перепечатал приказы и хотел их передать для регистрации «господину» Керти, — это слово он произнес с едкой иронией, потому что совершенно не выносил Иштвана Керти. — Я не застал господина Керти на месте. Регистрировать некому.

Это очень рассердило Шандора. Где же может Иштван Керти шататься в такую пору?

— Надо его найти!

— Да говорят, что он сегодня вовсе не приходил на работу! — объяснил сотрудник.

— Что же это такое? — еще больше разозлился Шандор. — Ни Керти нет, ни Эржи нет на работе! — Он выбежал из комнаты, хлопнув дверью, и помчался по коридору.

«Не могу больше! — стучало у него в голове. — Если мне сейчас же не пришлют других сотрудников, я сам уйду отсюда! Я скажу Кираю!»

Кирая он застал у себя в кабинете. Не поздоровавшись, не присев, он стукнул по столу дрожащей рукой:

— Товарищ Кирай!

Но начальник отдела раздраженно прервал его.

— Не кричи! — в свою очередь накинулся он на Шандора. — Я должен тебе сообщить кое-что важное! Садись!

— Думаю, что мое сообщение важнее! — перебил его Шандор. Теперь они уже подружились и с некоторого времени перешли на «ты». — Речь идет о Керти и Эржи...

— Вот как! — посмотрел на него Кирай удивленно. — Значит, ты уже знаешь?

— Я прошу тебя, товарищ Кирай, сделай, чтоб Керти и Эржи перевели в другой отдел! Я больше не могу работать с ними!

К величайшему удивлению Шандора, Кирай рассмеялся.

— Перевести в другой отдел? — спрашивал он, продолжая весело смеяться.

— Ничего не понимаю, — обиделся Шандор, — что ж тут смешного?

Кирай с внезапно помрачневшим лицом заявил:

— Сейчас поймешь, товарищ Месарош. Действительно, все это не так весело. Значит, ты еще ничего не знаешь?

Начальник отдела выдержал долгую паузу. Потом, подчеркивая каждое слово, произнес:

— Сегодня утром арестовали Иштвана Керти и Эржебет Баркани.

Это прозвучало для Шандора столь неожиданно, что он смог только пролепетать:

— Как же так? Ничего не понимаю.

— Скажи, товарищ Месарош, ты ничего подозрительного не замечал за Иштваном Керти и Эржебет?

— Нет... — ответил растерянно Шандор, — ничего... Разве только, что Керти был в чрезвычайно подавленном настроении.

— В другой раз, товарищ Месарош, будь более бдительным.

— Но что же случилось? Скажи ты мне, наконец!

— Керти и Эржи от твоего имени растрачивали деньги.

— Что?! От моего имени?..

— Они подделали твою подпись под одним приказом, согласно которому ты якобы получаешь триста форинтов. Мне сразу это показалось удивительным. Я не понимал, как ты мог ничего не сказать мне об этом... Признаюсь, что я даже стал подозревать тебя... Но председатель вашего фабричного комитета товарищ Микша убедил меня, что я иду по неверному следу. Тогда я передал дело органам безопасности, и они все раскрыли.

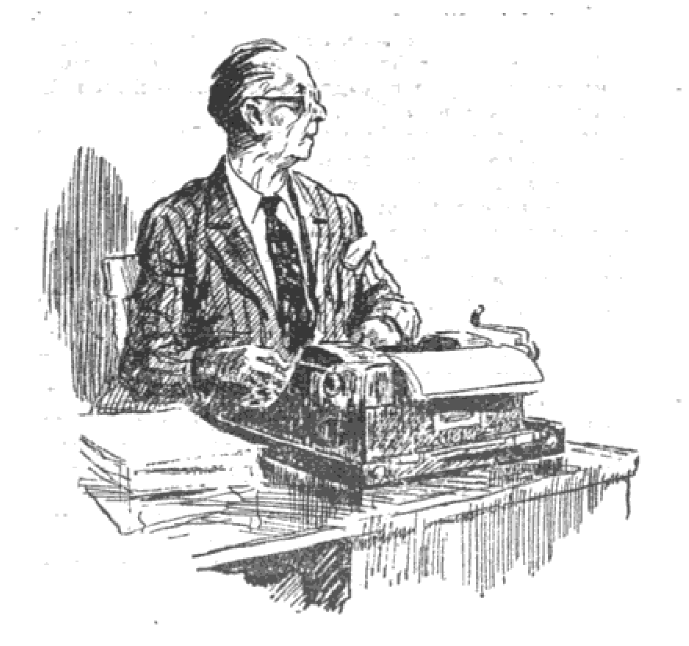
Шандора охватил ужас, что все это произошло именно в его отделе.

— Черт бы их побрал, этих мерзавцев! — стукнул он кулаком по столу. — Да ведь их повесить мало!

— Не злись! — успокаивал Шандора начальник отдела. — Теперь по крайней мере спокойнее будет работать. Все-таки, и эту битву мы выиграли.

Но Шандор думал иначе.

— Эту битву выиграли, товарищ Кирай, не мы, а органы государственной безопасности. Но я обещаю, — он повысил голос, — что в следующей битве и я приму участие! Этот случай научил меня многому. Вот моя рука, товарищ Кирай, крепко пожми ее, и я обещаю, что с этого мгновения я буду другим.

IV

Вместо Керти и Эржи на помощь Шандору пришли две молодые работницы с шелкоткацкой фабрики. Приятно было, что они одной с ним профессии, текстильщицы. Девушки тоже радовались, что попали к текстильщику: им легче было привыкнуть к новому назначению, да и о фабричных делах тоже удавалось иногда поговорить. Шандор и обе девушки быстро подружились.

Они сообща приносили завтрак из буфета, во время завтрака читали вслух «Сабад Неп», обсуждали важнейшие события.

Весной Шандор получил значок «Передовик производства». Это не было для него неожиданностью, об этом уже давно шел разговор.

Однажды Кирай вызвал к себе Шандора. Увидев его перед собой — веселого, румяного, довольного тем, что дела в комиссии социального обеспечения шли теперь хорошо, — начальник отдела сказал:

— Ты не больно радуйся. Я тебя сейчас огорчу.

Шандор не мог себе представить, что бы это такое могло быть.

— На прошлой неделе к нам позвонили из министерства иностранных дел и сказали, что им нужны десять опытных людей из тех, что пришли с фабрик...

Продолжить свою речь ему не удалось.

— Стой! — перебил его Шандор. — Я не пойду в мининдел. Об этом даже речи быть не может!..

— Ты умница! Сразу угадал, о чем я хотел тебе сказать, — ответил Кирай, смеясь, но тут же заговорил серьезным тоном: — Ты должен пойти, Шандор! Просили десять человек совершенно надежных и опытных... Им нужно срочно... У них тоже раскрылись какие-то гадости... Помнишь ведь дело Керти? Вот и у них тоже нашлись свои Керти... Им необходимо помочь...

— Я не могу бросить здесь работу, — возражал Шандор, хотя уже и чувство гордости примешивалось к его огорчению: ему льстило, что именно его, Шандора, наметили на такой важный участок работы. Но тут же он вспомнил о своих помощницах, ему представились совместные завтраки, милые смеющиеся лица девушек, и опять защемило у него сердце. — А все-таки, товарищ Кирай, так невозможно... Едва успеет человек привыкнуть к одному месту, как ему сразу надо идти в другое!.. Я здесь получил значок «Передовик производства» и чувствую, что мое место здесь!..

— Шандор, — Кирай положил ему руку на плечо, — что я могу тебе ответить?.. Убеждать тебя?..

Шандор молчал. К чему спорить? Ему хотелось только смягчить это острое и непонятное чувство, это смешанное чувство гордости и тоски. «Хоть бы полгода назад позвали меня, — думал он, — когда я еще не привык... когда я ненавидел это место! А вот теперь...»

— Когда же должен я перейти? — спросил он тихо.

— Передай дела Рожи Байка. Думаю, что из них двоих сильней она. А закончишь передачу, сразу же и иди...

Он поднялся и обнял Шандора:

— Ну, до свидания, старик. Я навещу тебя на твоем новом месте... Ты уж смотри... не опозорь нас!

Прощание с девушками было трудней. Девушки заплакали. Удивительное дело, как быстро привыкают люди друг к другу на совместной работе.

— Послушайте, девушки, — утешал он их, — не печальтесь. На прощанье я вам вот что скажу. На фабрике был у меня один дружок — председатель фабричного комитета. Когда я не хотел идти в министерство, он мне сказал: «Товарищ, вся наша жизнь принадлежит рабочему классу!» И видите ли, этот мой друг был прав. Меня, например, в прошлом году отозвали с фабрики, направили сюда, а теперь я должен дальше идти. Там я оставил свое изобретение, здесь я оставляю вас, моих товарищей, моих помощниц, мою работу. И кто знает, сколько останусь я в мининделе, какие новые задачи ждут меня впереди...

Он обнял обеих девушек за плечи:

— Но мы должны все это воспринимать как свой долг. В сущности, все мы делаем одно дело...

Он встал, и они пожали друг другу руки.

— Ну, я пойду... Будьте всегда настороже! До свидания, товарищи. Свобода!

Сокращенный перевод с венгерского.

С чувством глубокой сердечной благодарности к своему освободителю Советскому Союзу отметил венгерский народ пятую годовщину изгнания героической Советской Армией из Венгрии немецких фашистов. В день национального праздника в столице Венгерской народной республики состоялись парад и массовая демонстрация трудящихся. Сотни тысяч жителей Будапешта прошли с радостными возгласами и песнями через площадь Героев. Они несли портреть вождей трудящихся всего мира В. И. Ленина и И. В. Сталина и вожд венгерского народа М. Ракоши, алые знамена и транспаранты со сло вами признательности Советскому Союзу и великому Сталину, с ло зунгами, призывающими к борьбе за мир.

На снимке: участники демонстрации проходят перед трибунами.

Будапешт. Молодежь на прогулке.

Цветные фото Д. Каспия

Лауреат премии имени Кошута, профессор физики, доктор Пал Гомбаш (второй слева) со своими сотрудниками.

Стахановцы Чепельского комбината имени Ракоши токари Фаради и Муска.

Цветные фото Д. Каспия

Скотовод государственного хозяйства ударник Имре Сабо.

Венгерские крестьянки в национальных костюмах.

ОСВОБОЖДЕННАЯ НАУКА

Профессор Иштван РУСНЯК
Президент Венгерской академии наук, председатель Венгеро-Советского общества

Армия советского народа и ее вождь Генералиссимус Сталин не только возвратили Венгрии политическую и экономическую независимость, но и сорвали оковы рабства с нашей науки, открыв ей новый, поистине прекрасный путь.

Прошлое венгерской науки — еще одно подтверждение той очевидной истины, что прогрессивные ученые, которые своими трудами двигали вперед отечественную науку, всегда были активными борцами против реакции. Вспомним хотя бы Игнаца Земмельвейса, открывшего инфекционное начало послеродовой горячки. Он был одним из передовых борцов, с оружием в руках принявший участие в революции 1848 года.

Деже Михайлич, профессор, ректор Политехнического института, лауреат премии имени Кошута.

Первым среди великих венгерских ученых XIX века стоит крупный математик Фаркаш Больяи. Научному росту его мешал духовный террор католической церкви. Его сын и ученик Янош Больяи почти одновременно с Лобачевским создал неэвклидову геометрию.

За сто лет венгерские математики сделали большой вклад в науку. Нашу современную математическую школу возглавляют профессора Липот Фейер и Фридеш Рис, удостоенные премии имени Кошута — высшей награды новой, народной Венгрии.

Выдающийся представитель венгерской физики — Лоранд Этвеш. Пользуются известностью его гравитационные и магнитометрические исследования. Он сконструировал гравиметр — ценный прибор для обнаружения залежей угля и нефти. Премией имени Кошута награждены Пал Гомбаш — за работы по теории металлов, Карой Новобацки — за исследования в области теории относительности и статистической механики и Тибор Нейгебауер, который занимается теорией излучения.

Биологическая наука в Венгрии с момента своего рождения попала во власть иезуитов, долгое время препятствовавших ее развитию. Тем не менее следует отметить зоолога Тивадара Марго, изучавшего нервную систему животных, и Геза Энтца, автора монографии об одноклеточных. Мор Прейс за много лет до Пастера открыл способ предупреждения брожения токайских вин. Ветеринары многих стран знакомы с учебником, написанным современными венгерскими учеными Иожефом Мареком и Ференцем Хутьра. Большую популярность приобрел своими трудами по паразитологии Шандор Котлан.

В XIX веке наши врачи заняли достойное место в мировой медицине. Михлю Ленхошеку принадлежит честь первого описания строения нервной клетки. Он указал на единство нервных клеток и нервных волокон. Крупный венгерский физиолог Эндре Хегьеш предложил новый, более совершенный метод изготовления сывороток против бешенства, который вытеснил метод Пастера.

Выдающимся ученым был Игнац Земмельвейс, о котором упоминалось выше. Когда гинекологи всего мира поставили ему на родине, в Будапеште, памятник, на постаменте они очень верно написали: «Спаситель матерей». До открытия, сделанного Земмельвейсом, 18 процентов рожениц погибало от послеродовой горячки; ныне одна такая смерть приходится на много тысяч рожениц. Длительное время понадобилось для того, чтобы врачи приняли учение Земмельвейса. Первой признала его правоту Российская академия наук.

Новую венгерскую медицину основали врачи Фридеш Корани, Лайош Маркушовски и Янош Балаша. После поражения революции 1848 года их преследовало правительство. Гордость нашей медицины — Шандор Корани, применивший при изучении почек физические и химические методы. Благодаря ему врачи получили возможность узнавать, нормально ли функционирует почка. Я сам ученик Корани и в течение десятилетий занимаюсь патологией почек.

В истории развития технических наук в Венгрии наибольшую роль играет электротехника. Целый ряд достижений в этой области связан с именами трех инженеров завода «Ганз» — Циперновского, Дери и Блати. Завод этот — одно из старейших электротехнических предприятий. В Венгрии был построен один из первых в мире метрополитенов. В настоящее время многие научные институты заняты исследовательской работой в области техники.

Венгерская историческая наука во времена фашистского режима была орудием реакции. Вот почему после освобождения она стала оживать очень медленно. Созданы Институт истории рабочего движения, Историческое общество и Институт истории. В сотую годовщину венгерской революции 1848 г. вышел сборник под названием «Революция и освободительная борьба». Профессор Эрик Мольнар опубликовал двухтомный труд, посвященный средневековой истории Венгрии. В этом году авторам ряда учебников по истории были присуждены премии имени Кошута.

Академия наук Венгрии сейчас обновлена. Она должна стать центром всех научных исследований, наладить прочную связь между наукой и жизнью, между теорией и практикой, поставить достижения науки на службу нашего пятилетнего плана, на службу строительства социализма.

Несмотря на большие успехи, мы все же не можем сказать, что основные трудности позади. Для того, чтобы создать боевую, партийную науку, деятели которой трудятся в интересах народа, мы прежде всего должны изгнать из стен университетов и институтов, а также из сознания научных работников духовную заразу космополитизма.

Бесценную помощь оказывают нам люди советской науки. Приезжающие из Советской страны гости охотно передают нам свои знания, свой богатый опыт.

Одной из главных задач мы считаем расширение научной информации. Необходимо лучше ознакомиться с передовой советской наукой, что, бесспорно, поможет нам создавать и воспитывать новые научные кадры.

Эрне Винтер, инженер, удостоенный премии имени Кошута.

Земледелие в Венгрии теперь ставится на прочную, научную основу. В этом году начали работу несколько больших агробиологических исследовательских институтов. Агробиологическое отделение Академии переводит на венгерский язык лучшие произведения советской сельскохозяйственной литературы. Недавно закончились шестинедельные курсы селекции, где крупные специалисты страны познакомились с теорией и практикой мичуринской науки.

Эржебет Андич, профессор-историк, награжденная премией имени Кошута.

С нынешнего года деятельность наших институтов протекает строго по плану. Серьезные успехи достигнуты отечественным приборостроением, которое снабжает научные учреждения Венгрии необходимыми приборами и аппаратами. Начато плановое издание научных журналов и книг.

Созданный институт прикладной математики призван сыграть важную роль в перестройке венгерской производственной техники. Задача института — поставить математику на службу промышленности.

В этом году снова состоялось присуждение премий имени Кошута — высшей награды правительства за творческий труд.

В новом отряде лауреатов премии имени Кошута мы видим не только крупных ученых, писателей и деятелей искусства, но и венгерских стахановцев и работников сельского хозяйства. Это говорит о том, что техническое образование и прекрасное мастерство поднимают физическую работу на более высокий уровень, превращают ее в творческий труд. А это кладет начало уничтожению грани между физическим и умственным трудом, уничтожению противоположности между городом и деревней. Таковы первые ростки социализма, в построении которого, следуя учению Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под руководством Венгерской партии трудящихся деятельно участвует и венгерская наука.

Все сложилось именно так, как год назад предсказывала Серафима: наступил долгожданный август, и я встречаю его у себя дома, на Патриарших прудах, а подруги уже нет в Москве, и ни я, ни она не можем сказать, где и когда теперь мы встретимся снова.

АВГУСТ

Рассказ

Иван ФРОЛОВ

Рисунок О. Верейского

Этот истекший год представляется мне полным самыми разнообразными событиями. Безусловно, это был самый интересный и деятельный год из всех пяти лет нашего пребывания в университете — последний год студенческой жизни!.. И, вероятно, каждый из нас, вспоминая впоследствии это время, не раз пожалеет, что оно так быстро промелькнуло, будто на экране. Лично мне кажется, что это был не то сон, не то хорошо поставленный, красивый, содержательный и задушевный фильм, увидев который уносишь из зала долго не покидающую тебя взволнованность или испытываешь желание тотчас же вернуться обратно и смотреть то же самое еще и еще раз...

Ровно год назад мы были еще в Поздняковке. Так живо представляется сейчас все: ветреная степь, которая лежала под безоблачным небом, ошеломляюще огромная, как море; бесконечно долгая дорога — нам пришлось ехать по ней на автомобиле целый день! Помню маленькую Поздняковку — просторную улицу, поросшую кудрявой гусиной травой, саманные хатки, вымазанные белой и желтой глиной, низенькую ветряную мельницу за деревней, колхозные бахчи и огороды в сырой пойме извилистой, заросшей тальником реки.

Мы с Серафимой жили у колхозной доярки тети Нюры. Все поздняковские жители были переселенцами с Украины, и дома в деревне содержались по-украински. Мы занимали горницу — прохладную комнату с глиняным полом, с разрисованной печкой, с цветами на подоконниках, с развешанными по стенам семейными фотографиями и вышитыми полотенцами. Окна нашей комнаты выходили на реку. Под окнами был огороженный плетнем палисадничек, в котором рос молодой тополь и, свесив головы, цвели тяжелые подсолнухи.

Когда мы приехали в Поздняковку, где размещалась база Ельтайской экспедиции, в первые дни у нас было унылое настроение. Нам казалось, что нас завезли куда-то на край света, что в степи совсем нет хороших обнажений горных пород, что вообще мы пропадем в этой дыре со скуки. Мы с сожалением вспоминали Урал, Ильменские горы, где за год до того проводили свою первую производственную практику.

Однако от уныния скоро не осталось и следа. Приехал наш профессор, прибыла еще большая группа практикантов, начались ежедневные маршруты, шумные вечерние игры в волейбол. Наша комната постепенно стала наполняться камнями: на лавках, на столе, на подоконниках — повсюду у нас лежали занумерованные образцы моих красивых светло-розовых гранитов, черных диабазов и серафиминых диоритов — серых, с удлиненными кристаллами темнозеленой роговой обманки.

Наш день начинался с купания. Тетя Нюра будила нас в половине седьмого, и мы тотчас же шли на Ельтай. Вода в реке всегда была немного холодна и необыкновенно прозрачна. Даже на глубине нескольких метров можно было различить подводные травы, плавающих среди них рыб или покрытое позеленевшими камнями дно, где всегда во множестве ползали раки.

Мы переплывали в купальных костюмах на заросший тальником песчаный островок, находившийся посреди реки, почти против нашего дома, и ложились там на белый песок.

В полукилометре ниже нас купались наши мальчики: Игорь, Яша, Ефим. Молодые люди по обыкновению «состязались на дальность заплыва» и доплывали до нашего островка. Мы с Серафимой бросались в воду и брызгами отбивались от вторжения незваных гостей на нашу территорию.

После завтрака мы уходили в маршруты. Были очень долгие и очень жаркие дни. Постоянно дул ветер, но он нисколько не смягчал тягостной жары, а еще более усиливал ее, потому что он был сухой и горячий. В сопках никогда не бывало людей, так что мы, освободясь от излишней одежды, могли разгуливать в купальных костюмах и калиться на солнце по целым дням.

Возвращались мы домой на закате, снова купались, ужинали наспех и, уже в сумерках, играли в волейбол.

Потом все наши расходились по своим квартирам. С нами оставались только Игорь и Яша. Мы просили у хозяйки гитару, садились на скамейку в нашем палисаднике, и Яша нам играл на гитаре. Он очень общительный и музыкальный человек, прекрасно играет, поет. Он исполнял нам народные, студенческие и современные песни, насвистывал под гитару старинные вальсы или с серьезным видом говорил что-нибудь несерьезное, над чем можно было смеяться до упаду.

Иногда мы все вчетвером уходили на берег Ельтая и просиживали там почти до рассвета: вспоминали разные университетские истории, спорили, смеялись.

Ни я, ни Серафима не придавали вначале никакого значения этим нашим ежедневным ночным беседам с Игорем и Яшей.

Потом во время этих ночных прогулок Серафима с Яшей стали незаметно удаляться от нас. Мы оставались с Игорем вдвоем. По правде говоря, вначале это обстоятельство меня даже огорчало. Я слышала удаляющиеся голоса, звон гитары, заразительный смех Серафимы, и

мне становилось досадно, что они ушли одни, что им весело, а я должна скучать с Игорем, который либо молчал либо длинно и путано рассказывал о только что прочитанной им книге или реферате по вопросу о вариационных диаграммах химизма горных пород или о чем-нибудь другом в таком же роде.

Помню, была очень теплая лунная ночь. Меня нещадно ели комары. Игорь стоял подле самой воды и молча бросал в нее плоские камушки, которые забавно скакали на поверхности реки, перечеркивая струйчатую лунную дорогу. Я наконец не выдержала.

— Игорь,— сказала я,— ты, может, все-таки расскажешь мне хоть что-нибудь? Хотя бы... о новейших открытиях из области кристаллических решеток сложных силикатов.

Он виновато улыбнулся и с философским видом заговорил:

— Перенесемся на миг в область прошлого исследуемого нами района. Представим себе, Ксана, что сейчас конец палеозойской эры. Пред нами высятся горные цепи с еще не потухшими вулканами. Горячая земля, прорванная тут и там интрузиями гранитов, содрогается в конвульсиях, потому что еще не закончился процесс варисцийского складкообразования...

Он нес еще какой-то «фантастически-научный» вздор и в конце концов все же развеселил меня.

На пути к дому мы занимались астрономией. Игорь показывал мне созвездия Дракона, Персея, Скорпиона, о которых я не имела никакого понятия. К дому мы подошли молча и совсем неожиданно натолкнулись на Серафиму и Яшу. Они стояли в густой тени, прислонясь к плетню нашего палисадника, не замечая нас, и, повидимому, прощались. Я успела запомнить только, как Серафима, запрокинув голову, делала слабую попытку отстранить рукой Яшу и безвольно, смеясь, говорила:

— Яша, не надо, ну, не надо же...

У ног Яши валялась гитара.

Мы повернули обратно за угол дома. Нам обоим было очень неудобно.

— М-да...— неопределенно пробасил Игорь и стал искать на небе планету Юпитер.

Шли дни, недели. Яша уехал с Заельтайским отрядом. Игорь тоже подолгу не бывал на базе. Мы с Серафимой задерживались в поле почти дотемна. А по ночам, лежа в постели, я часто думала об Игоре и никак не могла отдать отчета в наших отношениях. Что это было? Я чувствовала, что привыкла к этим ночным прогулкам вдвоем, что без Игоря мне чего-то недостает, а в его присутствии мне уже не было теперь скучно. И в еще большей степени меня мучил вопрос, как относится ко мне Игорь. Я никак не могла постичь этого, потому что Игорь попрежнему оставался замкнутым и все таким же ледяным по отношению ко мне.

Незаметно подошел август, а вместе с ним и срок окончания нашей практики. Игорь и Яша оставались до осени, так как они были штатными работниками экспедиции. Серафима тоже пожелала задержаться еще на месяц, чтобы познакомиться с породами смежных районов.

Я не могла больше задерживаться: дома у меня оставалась одна мама; она писала мне, что очень скучает, и просила возвращаться возможно скорее.

В начале августа мы пошли с Серафимой в наш последний совместный маршрут.

Выдался тихий, задумчивый день. Над степью кружили журавлиные стаи и бесконечно перекликались какими-то озабоченными голосами. Воздух был как-то по-особому чист, и далекие горизонты — сопки, стога сена в приельтайских лугах — различались с необычайной ясностью и казались значительно ближе, чем всегда. Над равниной Заельтайской степи то исчезали, то появлялись вновь миражи — зыбкие видения белых озер, камышей, синих утесов, лесистых гор.

После полудня мы добрались с Серафимой до гранитной вершины Ийтас, которая входила и в серафимин и в мой участок съемки. Там мы завтракали, отдыхали, фотографировали друг друга и беспечно болтали о том и о сем: о законченной практике, о предстоящем дипломном проектировании, о будущем распределении всех нас, выпускников, на работу.

Для моей подруги этот последний вопрос не представлял, впрочем, никакой сложности: Серафима была сибирячка и по окончании университета желала ехать только в свою золотую ленскую тайгу.

— Тебе, конечно, хуже, Ксана,— серьезно сказала мне Серафима и посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.— Ты все же, по-моему, останешься в Москве.

Она знала, что и я и моя мама — коренные москвички, что у нас на Патриарших прудах квартира, в которой родилась я и родилась моя мама. Квартира состояла из столовой со старинной, дедовской мебелью и моей любимой комнаты с тенистой липой под окном, с дорогими мне роялем, картинами, книжным шкафом покойного отца. Серафима часто бывала в нашем доме и прекрасно понимала, что ни у меня, ни у мамы не хватит сил оставить это наше дедовское милое гнездо.

Серафима долго молчала, лежа на спине с подложенным под голову рюкзаком, и неожиданно спросила:

— Ксана, а какое у нас сегодня число?

Я ответила:

— Седьмое августа...

— Седьмое августа... — в раздумье повторила она. — Меня очень интересует вопрос: где-то будем мы с тобой ровно через год, в этот же самый день, седьмого августа? На Енисее? На Памире? В Кара-Кумах? Чем будем заниматься?.. А знаешь, Ксана, что мне пришло в голову? Давай мы с тобой установим этот день нашим маленьким... ну, праздником, что ли! Каждый год до конца своей жизни в день седьмого августа мы должны будем писать друг другу... Где бы мы ни находились, что бы с нами ни случилось, седьмого августа — писать! Ведь это прелесть будет, Ксанка, ты согласна?..

Зимой в университете мы занимались камеральной обработкой собранных за время практики материалов. Из образцов камней, привезенных нами с поля, были изготовлены шлифы — препараты для изучения горных пород под микроскопом.

Микроскопическое исследование горных пород было интересным и приятным занятием, которому все мы, дипломанты, отдавались с увлечением.

Мы сидели в специально отведенной для нас аудитории с расставленными вдоль стен столами. На столах рядами стояли массивные поляризационные микроскопы, придававшие комнате торжественно-сосредоточенный вид. Верхний свет в аудитории выключался, и от этого в ней стоял полумрак, озаряемый лишь лучами осветительных приборов, отраженными от зеркал микроскопов.

В этой обстановке как-то особенно хорошо работалось. Можно было кропотливо рассматривать шлифы, определять оптические константы минералов и вполголоса разговаривать друг с другом, вспоминая лето, Поздняковку, Ельтай, знакомые холмы гранитов.

— Эх, диабазик! — с удовольствием восклицал кто-нибудь из ребят.— Покупались мы возле этих диабазов!..

— А помните, девочки, как мы шли с сопки Ийтас,— заводил разговор кто-нибудь другой.

И все наперебой начинали вспоминать, как в безветреный, насыщенный зноем июльский день уныло брели по степи, думая лишь о скором купанье в холодном Ельтае, как, измученные вконец, все гуськом тянулись за профессором Плотниковым, который бодро шагал, напевая что-то и не проявляя никаких признаков усталости, как в конце концов Татьяна бросила свой молоток, рюкзак и Вадиму, бедняге, пришлось нести за нее и то и другое.

Теперь эти маршруты, эти знакомые сопки начинали воплощаться в главы текста наших дипломных работ, в геологические карты, и мы с каждым днем все увереннее чувствовали в себе готовность к самостоятельной работе.

Несколько раз за зиму мы пробовали встречаться у нас в доме: Серафима, Игорь, Яша и я. Яша приносил гитару, играл и пел. Заводили патефон, танцевали. Но того уже не получалось, как было летом в Поздняковке, выходило как-то все натянуто, вяло.

Несколько раз мы с Игорем бывали в театре, в кино. Он провожал меня до дома, молчал или опять говорил что-нибудь очень скучное. А когда я уличала его в невнимании ко мне, он, смеясь, оправдывался тем, что здесь, в Москве, слишком светло и тесно, чтобы можно было, например, искать на небе планету Юпитер.

За это время я окончательно поняла, что еще летом незаметно для самой себя серьезно увлеклась Игорем, что это увлечение во мне не угасает и что ответного чувства ко мне у Игоря нет.

Потом пришла весна. Она начиналась с того, что на площадях Москвы продавали матово-желтые мимозы, с крыши нашего дома со звоном лилась капель, а в университетских аудиториях стало заметно шумнее, и по коридорам гуляли сквозняки. Интерес к дипломным работам стал заметно слабеть. Появилось желание поскорей разделаться с ними, и все труднее становилось заставлять себя писать сухие главы о полевых шпатах, о роговой обманке.

Скоро в университетском дворе стало сухо, и в свободные от занятий минуты со всех факультетов выбегали студенты играть в волейбол. Дули теплые ветры, в небе плыли белые клубящиеся облака, работники Ельтайской экспедиции вербовали новых практикантов и коллекторов для продолжения изыскательских работ, и у меня было смутное желание тоже ехать в горы, в тайгу, в степь...

Началось распределение на работу студентов пятого курса, оканчивающих в мае университет. Было известно, что заявок на молодых специалистов очень много и что из нас почти никого не оставят в Москве. Несколько дней мы ходили со взвинченными нервами, чувствуя себя как на иголках.

Комиссия заседала в кабинете декана: декан, секретарь партбюро, профессора, представители различных хозяйственных и общественных организаций.

Одной из первых вызвали Серафиму. Мы стояли в коридоре, против кабинета декана, и взволнованно перешептывались: Яша, Ефим, Татьяна и многие другие. Игоря не было с нами: его рекомендовали в аспирантуру и оставляли при факультете.

Серафима пробыла за дверью очень недолго. Она вышла успокоенная, улыбающаяся. Мельком взглянула на Яшу, на меня и просто сказала:

— Дальний Восток... Иди, Яша, ты.

Яша был уже давно без бороды и усов, гладко подстриженный, выбритый, в тщательно отутюженном черном костюме, при галстуке. В нем ничего не оставалось от того летнего, поздняковского бородатого «папаши».

Когда он находился в кабинете, там некоторое время царила полная тишина. Потом мы услышали дружный взрыв смеха, чей-то раскатистый бас, и вслед за этим вышел Яша, смеющийся, довольный, раскрасневшийся.

Мы обступили его.

— Ничего себе, придумали: на Кольский полуостров! — сказал он.

— Да?.. — глухо спросила Серафима.

— На Кольский полуостров! — смеясь, повторил Яша.

— Ну?.. — спросила снова Серафима.

— Стали уговаривать, стали доказывать, что и на Кольском полуострове, в Хибинах, можно прекрасно жить и с успехом работать.

— Ну, а ты?

— Я сказал, что жить нельзя только на луне из-за отсутствия воды и атмосферы, но что я принципиально не хотел бы на Кольский полуостров и с бóльшим удовольствием поехал бы лучше на острова. «На какие?» — спросили меня. Я сказал: «Да хотя бы на Курильские!» Все члены комиссии захохотали и единогласно постановили записать меня в Дальневосточное геологическое управление,— закончил Яша и поглядел на Серафиму.

Когда я вошла в кабинет, то успела запомнить лишь облако табач-

Государственный универмаг

Дьюла ТОТ

Денег нынче у нас немало —
Будешь одет, будешь обут.
Обувь, костюмы, шубы и ткани
Фабрики наши потоком льют!

Универмаги полны товаров.
Падают цены, спрос растет.
Все это мы изготовили сами,
Вот и пускаем в оборот!

Слышал я, как грохотало море,
Но и оно грохотало не так:
Рот разеваешь, глядя на этот
Государственный универмаг.

Продавщицы встречают с приветом,
Ласково спрашивают:
— Что хочется вам?
Эту вот шляпу? Или вот эту?
Ах, вам костюм? Это рядом, вот там!

Целая уйма всяких отделов,
Пожалуй, заблудишься в первый раз.
Реки материй, лес костюмов,
Множество всяких приманок для глаз.

Девушки взглядом тебя измерят:
— Вещь вам подходит и эта и та.
Радостно между прилавков плутает
Твоя заблудившаяся мечта.

— Это к лицу вам!
Да, девушка! Верно,
Как по заказу, мне выбрала ты!

Значит, недаром прошибли мы стену
Капиталистической нищеты!

Все мы хозяева в универмаге!
И за прилавком — не торгаши.
И торговаться нынче не надо:
Вещи и дешевы и хороши!

Можем мы нынче обуться, одеться,
Денег на это каждый найдет!
Люд городов, деревень и заводов —
Нынче единый свободный народ!

Море людское! Поет и смеется
Шумных потоков живая вода!

Ну, а в целом народ?
А народ выходит
На рубеж коммунизма —
Вот куда!

Перевел с венгерского
Леонид МАРТЫНОВ

ного дыма, длинный стол, накрытый красной скатертью, цветы, десяток лиц, знакомых и незнакомых, устремивших на меня пристальные взгляды.

Декан факультета назвал мою фамилию и в нескольких словах сообщил комиссии анкетные сведения обо мне. Потом он пристально посмотрел на меня и, скупо улыбаясь, сказал:

— Мы предлагаем вам самое лучшее, что в нашем распоряжении есть, — Среднюю Азию.

Очевидно, я густо покраснела, у меня даже слезы выступили на глазах... Средняя Азия... шесть суток езды в поезде от Москвы... Я на секунду представила себе это обширное пространство, испуганное лицо мамы и сбивчиво начала говорить что-то. По-моему, я говорила о каком-то особом семейном положении, что не позволяет мне выезжать на постоянную работу из Москвы, и с этим должны считаться.

По выражению лиц декана, секретаря партбюро и всех членов комиссии я догадывалась, что говорю банальные фразы, что мои жалкие доводы не убеждают ровно никого. Я нервно перебирала в руке кисти скатерти и видела, как лихорадочно дрожали у меня пальцы.

Когда я кончила говорить, члены комиссии угрюмо молчали.

Наконец сидящий рядом с деканом солидный мужчина в форме генерала геологической службы хмуро, с возмущением проговорил:

— Ну, уж если от Ташкента отказываетесь, то, знаете ли, дальше ехать некуда! Тут некоторые ваши товарищи добровольно вызвались работать на Сахалине, на Курильских островах! В Якутию едут!.. А Ташкент... Вы, кажется, комсомолка?

Потом высказался секретарь партбюро. Он недружелюбно глядел на меня из-под нахмуренных густых бровей и говорил, что это, конечно, — безобразие, когда наших студентов, комсомольцев, приходится уговаривать ехать на периферию, что в этом повинны и партийная и комсомольская организации факультета, которые не обратили должного внимания на вредные «столичные» настроения.

— Значит, вы желаете во что бы то ни стало работать в Москве? У нас есть одна заявка от московского завода искусственных сплавов, — сказал он. — Но ведь это смешно! В специалистах высокой квалификации, какими являетесь все вы, остро нуждаются черная, цветная металлургия, промышленность редких металлов, нефти, газа. А мы будем разбазаривать геологов с университетским образованием по мелким заводикам, изготовляющим, допустим, часовые камни! Ну что вы там будете делать? Что?

Когда я вышла из кабинета и объявила — без особого, впрочем, восторга — ожидавшим меня товарищам о моем назначении на московский завод искусственных сплавов, все с каким-то снисходительным молчанием поглядели на меня и равнодушно разошлись.

— Ну что ж, — сказала мне Серафима. — Ты остаешься дома, с мамой. А дальше — посмотришь. Жизнь еще вся впереди.

Уходя с факультета, на площадке лестницы я встретила Игоря.

— Была? — спросил он.

Я сказала ему о заводе.

— М-да... — пробасил Игорь.

Он с каким-то новым выражением глаз окинул меня с ног до головы и хотел было идти. Я поймала его за руку и с болью, с горечью заговорила, что я вовсе не заслуживаю этого презрительного взгляда, что я считаю себя правой, поступая на государственное предприятие, по государственной разверстке, что искусственные камни также нужны...

Игорь перебил меня.

— Все нужно! — с усмешкой сказал он. — Любой кирпичный завод страны за глаза взял бы к себе на работу любого из нас. Кирпич очень нужен. Но ведь речь идет не об этом. Для тебя этот завод — не призвание, для тебя он только крючок, которым можно зацепиться за Москву! Формально да, формально ты права. А совесть? Комсомольская, студенческая совесть?.. О таких поступках, как твой, принято писать в «Комсомольскую правду»!

И вот снова август, седьмое число, знаменательный день! Я специально ушла раньше обычного с завода, чтобы побыть наедине с собой, собраться с мыслями. Со времени отъезда Серафимы прошло только два месяца. Но мне кажется, что минула уже целая вечность, и хочется, чтобы мое письмо подруге было пространным, искренним, задушевным. Надо поздравить ее и Яшу с законным браком, о чем сообщила сама Серафима. И на ее запрос об Игоре надо признаться ей, что с Игорем у меня ничего вообще не было и ничего не будет.

Я опишу ей все, все... Напишу о своей работе на заводе, которая меня ни в коей степени не удовлетворяет, которая мне просто уже надоела.

На заводе, правда, меня ценят, уважают. Я член заводского комитета комсомола, член редколлегии многотиражной газеты. И если б я сейчас задумала уйти с завода, то меня, конечно, никто не отпустил бы. Но это — все не то... Меня приводит в уныние самая работа. Я должна наблюдать за качеством изготовляемых заводом искусственных камней. Мне делают из них шлифы, и я просматриваю их под микроскопом: какова структура сплава, нет ли в нем трещин, пузырьков газа... И так каждый день, совершенно одно и то же... Я просматриваю этих шлифов огромное количество и с сожалением думаю, что как бы хорошо походить сейчас по настоящим, замшелым гранитам, диоритам, диабазам, жить в палатке, пить чай у костра, умываться из горного ручья... Ради этой комнаты на Патриарших прудах с ее пыльным шкафом и расстроенным роялем, ради спокойствия мамы я не пошла по трактовой дороге жизни, предназначенной мне. Я предпочла ей захолустный проселок. Для людей моей профессии эта большая дорога пролегает, без сомнения, только там, где сейчас Серафима и Яша, где все мои друзья...

Сейчас уже вечер. Заходящее солнце обагрило макушки высоких лип. У подруги, в ее романтической приморской тайге, начинается новый день. Он будет такой же деятельный, бодрый, щедрый событиями, каким был вчерашний и будет завтрашний.

А я все сижу перед чистым листом бумаги и все думаю, что написать тебе, Серафима!..

Пока я размышляю над началом этого письма, входит мама, моя маленькая, седенькая, но еще довольно бодрая старушка.

— Какая у тебя здесь ужасная духота! — говорит она с гримасой. — Нафталином, что ли, пахнет? Почему ты не откроешь окна?

Мама сама открывает окно, которое у нас выходит в тихий и уютный дворик. Двор только что обильно полит. По лужам шлепают босые детишки. Старая липа, растущая под самым моим окном, тоже полита из шланга, с нее падают крупные капли, и от умытой листвы пахнет водой и лесом.

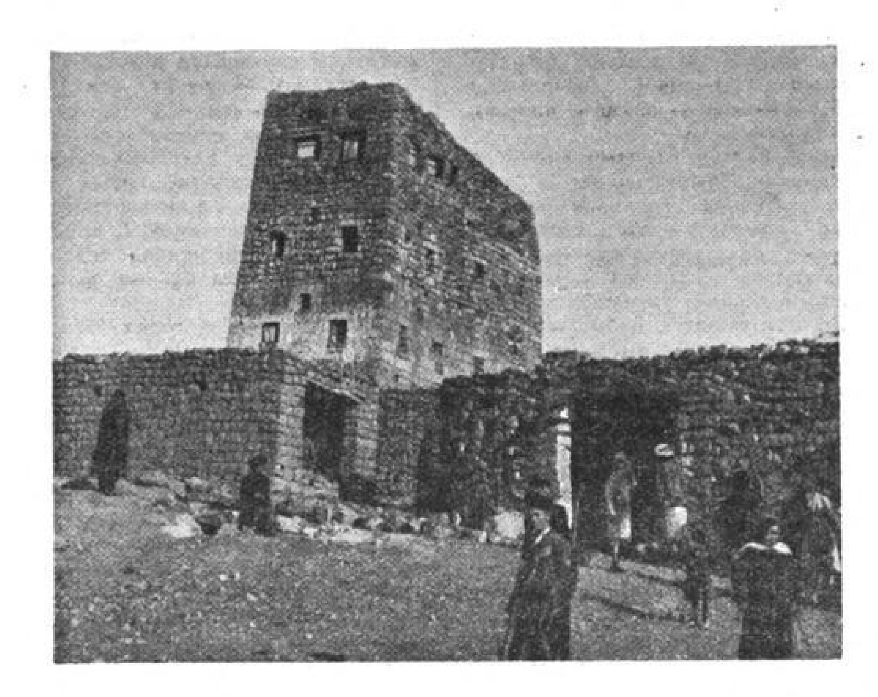
Этот запах напоминает мне Ильмены, напоминает белую степную Поздняковку с ее зарослями тальников по берегам прохладной реки. И я готова заплакать от досады на себя, от зависти к Серафиме, к Татьяне, ко всем.

— Должно быть, этот нафталинный запах все же от ковра, — рассуждает сама с собой мама. — Уж не сдать ли нам его в комиссионный магазин, Ксаночка? Ведь если тебя переведут куда-нибудь на новое место и нам придется уезжать из Москвы, то я не знаю... Столько вещей! Столько вещей!

Эти слова обжигают меня, как кипяток. Я бросаю ручку и выбегаю из комнаты.

В ГОРАХ ИЕМЕНА

А. СТУПАК

«ИСПРАВЛЕНИЕ ГРАНИЦ»

В конце лета прошлого года слово «Иемен» часто появлялось на страницах газет. Английские самолеты бомбардировали тогда мирное иеменское селение, расположенное у северных границ британского протектората Аден. Поводом для этого нападения послужили пограничные инциденты, вызванные британскими властями в Адене. Английские колонизаторы стремятся навязать свободолюбивому иеменскому народу кабальные соглашения и превратить это арабское государство в английскую колонию.

Лондонские джентльмены готовы всегда положить в свой карман кусок чужой территории, особенно, когда на ней имеются богатые запасы нефти, руд и редких минералов.

Иеменцы не проявили готовности пожертвовать своими правами в угоду британским компаниям. Тогда против жителей Иемена были посланы бомбардировщики. Разбойничий налет произошел через несколько дней после того, как британский представитель выступал в Женеве на сессии Экономического и Социального совета ООН с напыщенными декларациями о «помощи экономически отсталым странам».

Рейд бомбардировщиков, поднявшихся с аэродромов в Адене, не был сопряжен ни с малейшим риском. Иемен не имеет ни собственной авиации, ни зенитной артиллерии. Британские летчики могли беспрепятственно сбрасывать бомбы на иеменские селения...

Вскоре после этого в арабской печати появились сообщения о том, что британская нефтяная компания приступила к разведке нефти на юге Иемена при активной поддержке британской администрации в Адене.

«СЧАСТЛИВАЯ АРАВИЯ»

Отделенный песками и горами от остального мира, отгороженный рядами рифов, сильно затрудняющих судоходство вдоль его берегов, Иемен лежит на юго-западе Аравийского полуострова, в том месте, где нагретые солнцем воды Красного моря соединяются через Баб-эль-Мандебский пролив с просторами Индийского океана. Ни рифы, ни пески не могли, однако, избавить Иемен от вторжений армий иноземных завоевателей. На его знойные берега высаживались римские легионы, персидские и эфиопские полководцы, войска турецких султанов, английские оккупационные части. Сегодня, соперничая с англичанами, сюда стремятся проникнуть и американские нефтяные монополии, в представлении которых Аравия — это прежде всего неисчерпаемый резервуар нефти.

В свое время римские географы делили Аравию на три части: каменистую, пустынную и... «счастливую». К последней они относили Иемен на том основании, что горы Иемена — это родина мирры, ладана и других высоко ценившихся в древности благовоний...

Путешественнику, попавшему в Иемен, придется взбираться по горным тропам к городам, расположенным в заоблачной выси, проводить ночи на постоялых дворах среди караванщиков и погонщиков мулов. В городах Иемена он будет бродить по базарам, пропитанным запахами перца, кардамона и индийского табака — джорак.

И чем больше будет знакомиться путешественник с жителями Иемена — смуглыми обитателями знойной и влажной приморской Тихамы, где все говорит о близости Африки, и с суровыми горцами, населяющими центральную область, — тем бо́льшую симпатию будет испытывать он к этому народу, сумевшему пронести через тяжелые испытания любовь к своей стране и стремление к независимости.

Еще недавно единственным средством передвижения в Иемене были верблюды и мулы. Расстояния между городами исчислялись на «мархаль» — путь, проходимый в день верблюжьим караваном. Так и говорили: от Дамара до Иерима два мархаль, от Ходейды до Санаа — десять. Недавно в Иемене появился автотранспорт. От побережья Красного моря до столицы королевства города Санаа можно добраться и на автомобиле, — правда, с риском завязнуть в песчаных дюнах Тихамы. Но двигатель внутреннего сгорания пока не вытеснил «корабля пустыни». Верблюжьи караваны, как и встарь, продолжают не спеша двигаться по горным тропам и пескам, развозя поступающую из других стран суровую бязь и ситец, сахар, табак и другие товары и доставляя в склады портового города Ходейды прославленный аравийский кофе.

Иеменский кофе пользуется мировой известностью. По имени города Моха оно получило название «мокка».

В наши дни Иемен поставляет на мировой рынок небольшое количество кофе — не больше 5—6 тысяч тонн, тогда как Бразилия вывезла за один июль 1949 года свыше 114 тысяч тонн. Но даже лучшие сорта бразильского кофе не могут сравниться по аромату с невзрачными на вид зернами из Матари или Хейми, получившими имя от иеменских племен, на землях которых они произрастают.

Впрочем в Иемене, на родине кофе, его почти никто из простых людей не пьет. Урожай полностью вывозится из страны, причем торговля иеменским кофе на мировых рынках сосредоточена в руках иностранных, по преимуществу английских фирм.

Поскольку весь урожай кофе уходит из страны, национальным напитком в Иемене является «гишр» — настой кофейной шелухи, остающейся при очистке кофейных зерен. В убогой хижине горца, на постоялом дворе, в лавке ремесленника можно увидеть небольшой, покрытый черной копотью глиняный кувшин с узким горлышком, заткнутым пучком сухой травы. В этом кувшине заваривают гишр.

Кроме гишра, неизбежной принадлежностью иеменской жизни является еще «кат». Это растение, листья которого жуют жители гор и приморских долин, наносит огромный вред здоровью населения. По химическому составу эти листья напоминают перуанское «кока» и обладают такими же наркотическими свойствами.

От двух до четырех часов пополудни весь Иемен жует горьковатые листочки ката, запивая их водой, пропитанной парами ладана. Иеменские власти не принимают никаких мер для борьбы с этим злом, — наоборот, они покровительствуют торговле катом, которая дает доход и королевской казне.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

До 1918 года Иемен входил в состав Оттоманской империи. Но власть турецких султанов распространялась на эту страну лишь номинально. На протяжении сорока лет турецкого владычества в Иемене не прекращалась партизанская война, которую вели против турецких захватчиков горные племена, возглавляемые имамами зейдитов[1] — вначале имамом Мохаммедом, а затем имамом Яхья. О временах турецкого господства, о поборах, произволе и насилиях турецкой администрации в Иемене сохранились самые тягостные воспоминания. Когда сегодня реакционная анкарская печать пытается представить в розовых красках положение арабов в бывшей Оттоманской империи, то это вызывает только презрительные усмешки иеменцев, помнящих ужасы турецкой оккупации.

После первой мировой войны главой государства Иемен стал имам Яхья, соединивший в своих руках духовную и светскую власть. Грузный седобородый ста-

Рабочие-грузчики.

Вверху: деревня в горах Иемена.

[1] Зейдиты—секта ислама, названная по имени Зейда, одного из потомков халифа Али. Последователями этой секты являются горцы Иемена.

рик в дорогом халате, Яхья восседал в своей рабочей комнате во дворце «Макам эшшериф», окруженный секретарями в белоснежных тюрбанах и разноцветных одеждах.

Во внутреннем дворе дворца толпились воины и посетители, одетые в широкие синие рубахи, с такими же головными повязками, с кривыми кинжалами в серебряных и золотых оправах за поясом. Здесь можно было увидеть, как шейхи, вожди племен, прибывшие объявить о своем подчинении имаму, закалывали в знак покорности верблюдов и баранов у ворот дворца и обрызгивали теплой кровью широкие ступени дворцовой лестницы. Рядом заковывали в кандалы осужденных преступников. Менее опасных отпускали затем по домам, и они расходились, позвякивая кандалами. Тут же в тяжелых деревянных клетках сидели леопарды, смотревшие желтыми, ненавидящими глазами на толпившуюся вокруг дворцовую челядь. Хищники были присланы в дар имаму губернаторами и шейхами.

В восьмидесятилетнем возрасте Яхья пал жертвой заговора, нити которого вели в Англию. Убийство Яхьи отразило не только династические распри йеменских феодальных родов, но и нечто другое: соперничество английских и американских нефтяных трестов на Ближнем Востоке.

Имама Яхью, убитого в начале 1948 года у ворот столицы, заменил его старший сын Ахмед. Новому имаму сразу же пришлось выдержать борьбу с главой могущественного феодального рода Аль-Вазирей, выступившему с притязаниями на йеменский престол. За спиной претендента стояли империалисты Великобритании. Борьба закончилась поражением Сеид Абдуллы Аль-Вазиря. Захваченный в плен войсками Ахмеда, он был повешен.

Но с его смертью не прекратились происки агентов иностранных монополий в «счастливой Аравии». Как пишут египетские и другие ближневосточные газеты, в правящих кругах Йемена и во дворце имама все резче обозначаются распри о том, какими путями должна следовать внешняя политика Йемена. Одни пытаются увлечь страну в западню, расставленную британскими империалистами, другие толкают ее в сети американских нефтяных монополий. Но все громче раздаются в стране голоса, указывающие, что как доллар, так и фунт содержат угрозу независимости Йемена.

ДЕРЕВНЯ ЙЕМЕНА

Прекрасный климат горной части страны, плодородная земля, богатый земледельческий опыт трудолюбивого населения — все это могло бы стать источником процветания Йемена. Между тем в любой йеменской деревне, как, впрочем, и в городе, вас окружит толпа нищих.

Йемен — страна древнейшего террасового земледелия. Склоны гор напоминают ступени гигантской лестницы: террасами поднимаются к вершинам миниатюрные поля кукурузы, сорго, пшеницы, крохотные кофейные плантации. Понадобился упорный и тяжелый труд поколений, чтобы сложить на склонах каменные ограды и заполнить искусственное «поле» землей, которую надо было таскать в корзинах из глубины ущелий. С утра до вечера трудятся на этих полях йеменские крестьяне. Четыре пятых из них не имеют собственной земли и работают на положении батраков или арендаторов на землях, принадлежащих крупным земельным собственникам — вождям племен, сеидам, купцам.

Большинство трехмиллионного населения Йемена живет в горных деревнях. Типичная йеменская деревня — это скопление двух- и трехэтажных каменных домов вокруг усадьбы помещика, напоминающей укрепленный замок. Встречаются небольшие поселения, в 5—10 домов, но есть и деревни в 80, 100 и более домов. Дома высокие, узкие, с тяжелыми, окованными железом дверями. Во время смут, которые в прошлом происходили часто, каждый дом превращался в небольшую крепость, где отсиживались от врагов его обитатели.

За чашкой гишра можно услышать от местных жителей рассказ о том, как народ Йемена разделен внутренними перегородками, неприкосновенность которых бдительно охраняется правящими кругами.

В Йемене бытует немало феодальных пережитков. Кровная месть еще не изжита, хотя родовые распри обычно предотвращаются уплатой специальной «виры». Женский труд оплачивается в два раза ниже мужского, а детский — и того меньше. За пользование водой для орошения полей крестьянин должен отдавать владельцу источника от одной трети до половины урожая, а батрак, работающий на земле помещика, фактически находится в вечной кабале; двадцать—двадцать пять серебряных монет, которые он получает в год за свой труд, не могут спасти его и его семью от голода.

В ГОРАХ

Вместе со старым Али Салехом, сорок лет сопровождающим караваны по дорогам Йемена, я отправился по высохшему каменистому ложу реки (вади) в горы.

Позвякивая стременами, мулы осторожно ступали среди первобытного хаоса камней, нагроможденных горными потоками. С обеих сторон возвышались поросшие деревьями и кустарниками горные склоны. На вершинах высились замки шейхов.

Чем дальше мы двигались по вади, тем богаче и ярче становилась растительность. Теплый воздух, пропитанный запахом цветов и трав, был сух и прозрачен. То здесь, то там пламенели олеандры, росли кусты альпийской розы, рододендронов, попадались какие-то незнакомые розовые, фиолетовые и синие большие цветы.

Многочисленные птицы сверкали на солнце ярким оперением. Из-под копыт моего мула выбежала пара фазанов и нырнула в ближайшие кустарники. Я не успел опомниться, как заметил стаю цесарок, мирно разыскивавших червей среди камней. Я вскинул ружье. Эхо повторило на сотни ладов звук выстрела. И тотчас кусты, деревья, камни ожили: раздались визг, крики, рев. Я оторопело оглядывался по сторонам.

— Маймун, — крикнул мне Али Салех, — обезьяны!

Вглядевшись, я увидел, что деревья усеяны небольшими темными фигурками. Они висят на ветках, как какие-то фантастические плоды. Великое множество других фигурок, то исчезая в кустах, то взбираясь на камни, стремительно спускается вниз.

— Маймун, — кричит Али Салех,— маймун-инзиль!.. Спускайтесь, обезьяны, спускайтесь!

Но обезьянья рать не собиралась последовать призывам погонщика мулов, а предпочитала держаться в отдалении. С криком и визгом сопровождала она нас до тех пор, пока мы не выбрались из вади.

Обезьяны — а в горах Йемена их великое множество — подлинное бедствие для крестьянина. По ночам, а иногда и днем они совершают опустошительные набеги на поля, нанося огромный ущерб урожаю. На следующий день нам пришлось совместно с крестьянами селения, где мы остановились, принимать участие в отражении такого грабительского нападения стада павианов и бабуинов на поле дозревавшей кукурузы.

Другим бедствием является саранча. С нею борются теми же примитивными средствами, как и с обезьянами: все население деревни — от мала до велика — устремляется в поле — женщины бьют в медные тазы, пронзительно кричат, мужчины размахивают плащами и палками, собаки лают... Назначение всего этого шума — испугать саранчу, помешать ей опуститься на посевы.

Третье, самое чувствительное бедствие — это сборщик налогов. Сборщик определяет урожай на глаз. Понятно, какие широкие возможности для злоупотреблений раскрываются перед ним. К протестам он равнодушен, поскольку сборщика часто сопровождает отряд солдат. Необходимо добавить еще, что резкого разграничения между государственным бюджетом и личными доходами имама не существует. Подати, собираемые по всей стране, стекаются в подвалы королевского дворца в Санаа.

САНАА

Санаа — столица Йемена — находится в глубине страны, более чем в трехстах километрах от побережья Красного моря. Она расположена в узкой горной долине, у подножья горы Джебель Нукум. Подобно Аддис-Абебе, столице Эфиопии, столица Йемена лежит на высоте свыше двух тысяч метров над уровнем моря. Поэтому здесь и в летние месяцы нет зноя. Зимой же стоят холодные ночи, и в домах, где единственным средством отопления служит жаровня с горящими углями, жители сидят в меховых куртках, хотя город находится в непосредственной близости от экватора.

Санаа — один из наиболее своеобразных городов Востока. Дома, построенные из местного серовато-розового камня, с белыми украшениями над входом, вокруг окон и вдоль фасада, имеют издали нарядный вид. Они жмутся вдоль узких и пыльных улиц, которые по ночам освещаются лишь лунным светом. Санаа обнесен стенами. Городские ворота открываются с восходом солнца и закрываются с наступлением темноты. С восточной архитектурой города гармонируют и толпы людей, заполняющие днем его улицы, — среди синих рубах бедуинов и цветных халатов сеидов и купцов лишь изредка мелькнет одинокий пиджак.

Еще сравнительно недавно Южная Аравия была окутана дымкой легенд и тайн. Бедуины рассказывали небылицы об огромной таинственной пустыне Руб-эль-Хали, о мертвых городах, расположенных на ее окраинах. Прошлое напоминает о себе в Санаа ежечасно, переплетаясь с настоящим. Камни, с высеченными на них письменами, имеющими двадцатипятивековую давность, вмурованы в стены домов и мечетей. В доме, находившемся по соседству с моим жилищем, жернов домашней мельницы покоился на огромном базальтовом постаменте, стороны которого были испещрены клинописью.

Но в наши дни и в Йемене прошлое все дальше отступает перед настоящим. Молодой араб, прибывший из восточных районов Йемена, с увлечением расспрашивает о международных делах и Советской стране. Молодежь мечтает об учебе; ее не удовлетворяют больше существующие в Йемене архаические порядки. Ремесленники жалуются на тяготы своего существования, ждут лучших дней...

* * *

Высеченный в скалах, похожий на гнездо хищной птицы или убежище средневекового рыцаря-разбойника, лежит Аден, оплот британского империализма на юге Аравийского полуострова. Отсюда английские захватчики раскидывают свои сети по соседним арабским странам, руководят заговорами и дворцовыми переворотами, высылают эскадрильи бомбардировщиков и карательные экспедиции против скотоводов и земледельцев Йемена и Хадрамаута.

Не раз английские колонизаторы пытались наложить свою руку на Йемен. После первой мировой войны английские войска высадились в Ходейде, английские агенты хозяйничали в Тихаме. Но Йемен выстоял тогда в неравной борьбе и защитил свое право на самобытное национальное существование.

Когда английские самолеты бомбили беззащитные города и деревни, йеменские горцы в гневе сжимали рукоятки изогнутых кинжалов и изливали ненависть к презренному врагу в пламенных строфах касыд (поэм): «Ты страшишься сразиться с нами в открытом бою. Не потому ли ты пытаешься скрыться в заоблачной выси? Руайдан, Британия, — остерегайся, Британия! Наступит час отмщения!» Бродячие поэты декламировали касыды на базарных площадях, у входа в мечети, на привалах караванов.

Несмотря на огромное несоответствие сил: с одной стороны вооруженный до зубов английский империализм, с другой — йеменские горцы со старыми ружьями, саблями и кинжалами, Йемен был всегда непреклонен в борьбе за свои права.

Жители гор и долин Йемена намерены и дальше отстаивать свою родину от покушений английских и американских империалистов. Маленький, но свободолюбивый и гордый народ Йемена мужественно стоит на страже своих прав, своей национальной свободы.

ВСЕГДА С МИЧУРИНЫМ

15 лет назад, 7 июня 1935 года, умер Иван Владимирович Мичурин, великий преобразователь природы.

Его жизнь — подвиг во имя процветания нашей Родины, пример служения народу. В царской России перед И. В. Мичуриным, как он сам говорил, была только дорога осмеяния, пренебрежения, забвения.

Гений Ленина — Сталина открыл Мичурина науке. Благодаря заботам большевистской партии и неустанному вниманию товарища Сталина мичуринская наука превратилась в науку изобилия, в самое передовое в мире учение об управлении природой растений и животных.

Творческое наследие И. В. Мичурина, развитое академиком Т. Д. Лысенко, могучей армией мичуринцев, служит верным оружием в руках миллионов советских людей.

Союз мичуринской теории и сельскохозяйственной практики — лучший памятник неувядаемой славы ученому, патриоту, борцу и мыслителю, воздвигнутый нашим народом, для которого жил и творил Иван Владимирович Мичурин.

Это было ранней весною 1923 года, когда счастливая судьба привела меня, студента-практиканта Тимирязевской академии, в сад к Ивану Владимировичу. В то время о Мичурине писали еще не так много, и мы жадно ловили в журналах каждое слово о нем.

Предстоящая встреча волновала еще и потому, что я имел поручение студенческого кружка — достать черенки мичуринских сортов. Тревожила мысль: а вдруг не получу?..

Иван Владимирович находился в своем рабочем кабинете. Я рассказал о нашем кружке любителей садоводства, об энтузиастах, пославших меня в Козлов, чтобы побольше узнать о методах создания новых сортов. Иван Владимирович очень обрадовался встрече. Несмотря на кажущуюся суровую внешность, от него веяло теплотой. Всем сердцем я почувствовал в Мичурине человека большой души, творца, поэта, блещущего острым умом.

Порой казалось, что я сижу не в кабинете, а совершаю интереснейшее путешествие по стране,— так увлекательно описывал он флору Сибири и Кавказа, богатства растительных форм Уссурийского края и Подмосковья. И все это связывалось с неотложными задачами селекции.

Почти шесть часов продолжалась беседа. И она раскрыла передо мной куда больше нового, чем годы студенческой учебы.

Нам принесли чай. Накладывая варенье, Иван Владимирович заметил, что это из собственного абрикоса. И затем угостил своим знаменитым яблоком — «пепин-шафранным».

Тут-то я решился сказать о своем поручении.

— Ну, конечно, я вам дам черенки. Пусть молодежь с ними поработает.

На другой день Мичурин вооружился секатором и нарезал черенков гораздо больше, чем я просил.

— Ничего, ничего,— сказал он,— лишь бы на пользу пошло. Сегодня вас, любителей садоводства, горстка, а завтра будут сотни, тысячи...

В то же лето я снова был в Козлове, но уже со студенческой экскурсией. Иван Владимирович принял нас, как старых знакомых. Он показывал нам каждое дерево, объяснял, как вывел холодостойкие сорта черешни, абрикоса, винограда.

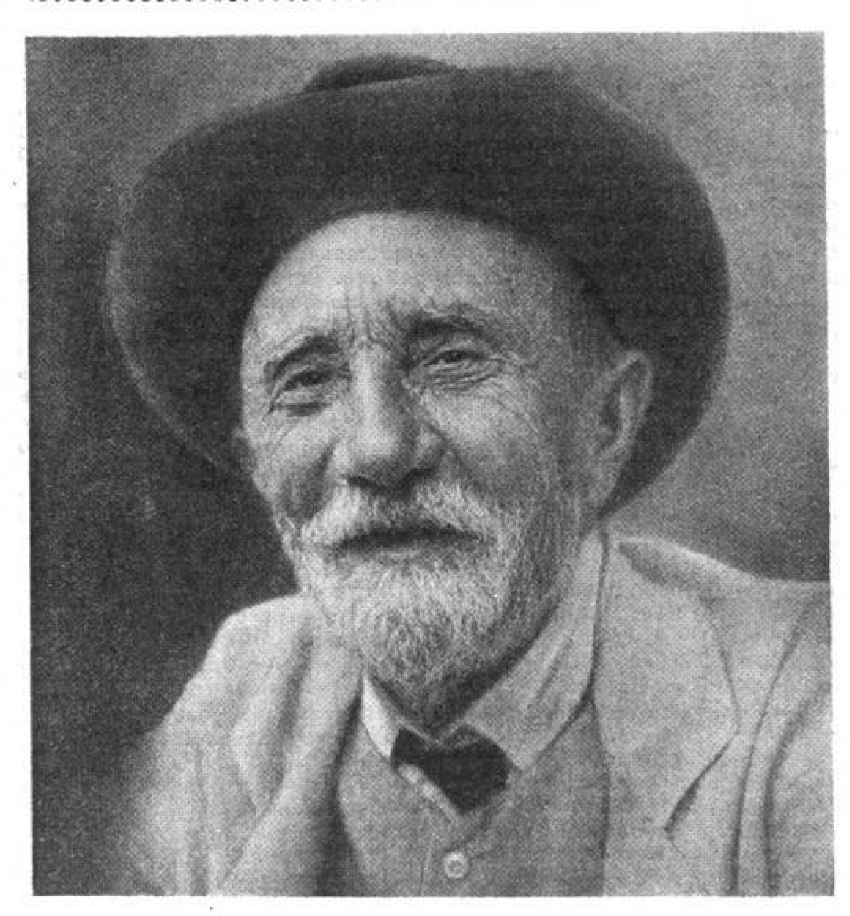
Мы попросили Ивана Владимировича сфотографироваться вместе с нами.

— С удовольствием,— сказал он,— пусть у вас останется обо мне добрая память.

Мы сохранили о нем не только добрую память, но все прониклись его идеями, пошли за Мичуриным. И тогдашний студент Тупиков, ныне профессор, селекционер, известный своими трудами по виноградарству, и я, автор этих строк, и многие участники экскурсии уже не искали иных дорог в жизни.

Прошло несколько лет. В 1930 году по приглашению Ивана Владимировича я стал научным сотрудником Государственного опытно-помологического питомника его имени. Работая в этом волшебном саду, я учился понимать, что успех в создании новых сортов приходит к тому, кто постигает новое биологическое учение Мичурина, взаимосвязь живых организмов и среды.

Наш учитель дал миру 300 новых сортов плодово-ягодных растений. Но это не умерило его страсти к выведению еще более ценных сортов. Как-то весной Ивану Владимировичу принесли яблоки, выращенные на Украине.

Иван Владимирович Мичурин в 1932 году.

— Вот это славный подарочек! — воскликнул он.— В такое время, а еще свежие.

И он тут же извлек из плода семена и велел немедленно их посеять.

В другой раз издалека прибыли давно интересовавшие его яблоки сорта «золотое-превосходное». Началась дегустация. Но Иван Владимирович прежде всего извлек семена.

— Паша, посей их сейчас же, чтобы я успел дождаться плодоношения,— попросил он одного из своих ближайших помощников, ныне академика П. Н. Яковлева.

«Золотое-превосходное» начало плодоносить после смерти Ивана Владимировича, и так же, как ни одно семя, брошенное им в землю, не пропало для науки и колхозной практики, так и плоды улучшенного «золотого-превосходного» сегодня служат обновлению советской земли. Они взошли и в саду Московской плодово-ягодной опытной станции. Направленным воспитанием нам удалось вывести новый сорт.

Сады и ягодники нашей станции раскинулись в одной из живописных деревень Подмосковья, в Загорье. Эти места очень любил А. И. Герцен. Здесь он мечтал о цветущих садах будущей России. Об этом повествуют проникнутые горячей верой в талант русского народа страницы его сборника «Голоса из России».

Герцен предвидел то время, когда ягоды величиной с маленький орех под воздействием человека станут размером с куриное яйцо. Он был убежден, что от одного зерна можно вырастить и колос, и 10, и 20 колосьев; что колос может быть длиной в вершок и в 5 вершков; что зерно в колосе может быть крошечное и огромное.

И если бы Герцен вновь посетил Загорье, он увидел бы за березовой рощей один из уголков того мичуринского сада, который ныне разрастается по всей нашей Родине.

Перед ним предстали бы живые дела мичуринцев. Селекционер М. Н. Симонова показала бы свой новый сорт земляники — «красавица Загорья», ягода которой столь крупна, что не всегда умещается в стакане. Другой сорт земляники, «поздняя из Загорья», дает урожай почти 12 тонн с гектара.

За последние годы на нашей станции создано свыше 60 новых высокопродуктивных сортов плодово-ягодных культур. Цветут вишневые и сливовые сады. Здесь работает Х. К. Еникеев, воспитанник Мичурина. Его трудами знаменитая владимирская вишня значительно увеличила свою урожайность. Этот селекционер вырастил ценные сорта абрикоса. Они прекрасно себя чувствуют в открытом грунте садов Тамбовской и Воронежской областей. Ежегодно плодоносят и не боятся морозов высокоурожайные сливы «ренклод северный», «память Тимирязева».

С давних пор я работаю с земляникой. Благодарная культура! Если для выведения нового сорта яблони нужно четверть века, груши — пятнадцать лет, то получение и испытание земляники легко укладывается в одну пятилетку. По советам И. В. Мичурина мне удалось создать весьма хороший сорт — «комсомолка». Этот сорт широко распространен: с каждого гектара собирают до 15 тонн.

В 1945 году я получил от скрещивания боровинки с антоновкой еще один сорт яблони, названный «победой». В питомнике размножаются 12 моих сортов яблони. Они стойко выдержали морозы 1940 года, памятные своей суровостью. Теперь одна из главных наших забот — сократить срок между моментом посадки яблони и плодоношением. Мы можем уже показать не только восьмилетние деревья, дающие хороший урожай. Выведен также карликовый сорт «гном», плодоносящий на четвертый год.

Когда-то все российское плодоводство замыкалось в треугольник — антоновка, груша-бессемянка и «вишня-владимировка». В наши дни стандартный сортимент только областей Российской федерации включает 63 мичуринских сорта яблонь, груш, вишни, сливы, абрикоса и 7 сортов винограда.

Нет ни одного уголка нашей Родины, где бы не трудились селекционеры-плодоводы. Мичуринцы создали уже более 200 новых сортов. Золотым фондом советского плодоводства служат миллионы деревьев мичуринских сортов, произрастающих в колхозах и совхозах. Но еще более драгоценный фонд — миллионы советских людей-мичуринцев. Они, строители коммунизма, превращают нашу страну в цветущий сад, претворяют в жизнь сталинский план преобразования природы.

А. В. ПЕТРОВ,
лауреат Сталинской премии, заведующий отделом селекции Московской плодово-ягодной станции

ДЕРЗАНИЕ И УПОРСТВО

Мою судьбу как селекционера решили несколько пакетиков с семенами. 24 года тому назад И. В. Мичурин прислал их в Москву, на Центральную биостанцию юных натуралистов. Это были семена «кандиль-китайки», «бельфлер-китайки», «шампанрен-китайки» — лучших новых сортов яблонь из мичуринского сада.

Почти четверть века легли между тем днем, когда под московским небом, в Сокольниках, были посеяны эти семена, и решением Государственной комиссии по сортоиспытанию, признавшей выведенные из них сорта достойными размножения.

Создание новых растительных форм требует упорного, многолетнего труда. Этот труд подчинен направленному воспитанию растений, чтобы сформировать из них сорт с нужными качествами и свойствами. Иногда говорят, что селекционер-мичуринец, как из глины, лепит новые формы. Однако правильнее, точнее сказать, что селекционер, подобно скульптору, вдохновенно и настойчиво высекает из гранита задуманный образ.

Таким предстает перед нами облик Ивана Владимировича Мичурина, великого естествоиспытателя, труженика науки. Он умел, как никто, сочетать смелые дерзания с поражающим упорством в достижении цели. Были случаи, когда воспитываемые им деревья-сеянцы начинали плодоносить лишь через десятки лет.

Вот один пример: в 1886 году Мичурин посеял семена груши «сапежанки», а первые плоды он получил лишь в 1922 году, через 36 лет! Он не бросил опыта, довел начатую работу до конца и дал стране новый ценный сорт груши.

...Мне посчастливилось увидеть Ивана Владимировича в 1929 году. Был конец лета. В саду ветви сгибались под тяжестью невиданных плодов. В своем селекционном питомнике Мичурин подводил меня к каждому дереву, показывал, как по листьям и веточкам молодого растения задолго до плодоношения можно предугадать путь его развития: превратится ли оно в культурный сорт или же станет дикарем с мелкими, невкусными плодами.

Иван Владимирович направился к грядке с гибридными сеянцами рябин и стал объяснять, как отбирать среди них лучшие. Этот предметный урок дал многое. Я понял, что, окончив Тимирязевскую академию, надо еще пройти мичуринскую. И эта мечта осуществилась. Скоро я приехал работать в Мичуринский институт.

В конце 1934 года, в связи с 80-летним юбилеем Ивана Владимировича, в городе Мичуринске была открыта всесоюзная выставка плодов. Болезнь помешала великому ученому побывать на этой выставке, и я оттуда привез лучшие экземпляры плодов. Иван Владимирович с большим вниманием рассматривал их, отобрал наиболее интересные и распорядился выбрать из них семена.

— Не перепутайте семена и обязательно посейте их весной, — дважды повторил он.

С присущей ему жаждой жизни, благодарный советской власти, сделавшей его, одиночку-опытника, руководителем единственной в мире научной зеленой лаборатории, он не жалел сдаваться ни старости, ни болезни и смело заглядывал в будущее, заботясь о развитии своего любимого дела.

Советских селекционеров воодушевляет пример его жизни. Каждый из нас твердо знает, что успехами в работе по созданию новых и более ценных форм растений и животных он обязан всепобеждающей силе мичуринского учения.

Смелый новатор, дерзновенно прокладывавший новые пути, Мичурин шел против установившихся воззрений. Своими открытиями, составившими целый этап в науке, он опровергал менделизм-морганизм, разоблачал его несостоятельность и лженаучность. Менделизм, убежденно говорил Иван Владимирович, «противоречит естественной правде в природе, перед которой не устоит никакое искусственное сплетение ошибочно понятых явлений».

Августовская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина принесла полную победу мичуринскому учению, которое трудами академика Т. Д. Лысенко и других мичуринцев обогатилось новыми достижениями. Оно стало наукой о революционном преобразовании живой природы — наукой, верно служащей народу во имя торжества коммунизма.

И совершенно закономерно, что в странах народной демократии проявляется столь большой интерес к Мичурину и его творческому наследству. Вот характерный факт. Во время поездки по Болгарии нашу делегацию на дороге к Плевне встретила большая группа крестьян. Представители трудовых земледельческих кооперативов держали плакат, на котором было написано:

«Мы изучаем Мичурина и Вильямса и хотим, как Паша Ангелина, получать высокий урожай».

Мичуринская наука распространилась далеко за рубежи Советской страны.

С. И. ИСАЕВ,
профессор, заведующий кафедрой генетики Московского университета

НАУКА, ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ ПРИРОДУ

Подобно тому, как Мичурин холил, воспитывал молодую садовую поросль, так он пестовал и молодежь. Для нее он был воспитателем, светочем того нового, что зарождалось и развивалось в агробиологии.

Много заботы проявил Иван Владимирович об организации в Мичуринске плодово-ягодного института, открытого советским правительством. При первых встречах с питомцами института он советовал нам побольше учиться у природы.

— Специалисты нам очень нужны, — повторял Иван Владимирович. — А как обстоит дело с преподавателями?

В то время преподавателей плодоводства в институте явно не хватало. Но это с лихвой перекрывалось занятиями в мичуринском саду. Здесь Иван Владимирович посвящал нас в свои тайны, передавал нам свои знания и опыт. Он без отдыха экспериментировал, совершенствуя свое учение. И все же, несмотря на гигантский по напряжению и благодарный по результатам труд, Мичурин находил время воспитывать молодежь.

А что могло быть ценнее личного примера! Как-то в майский день 1933 года Иван Владимирович собрал нас, питомцев первого выпуска, в своей любимой беседке.

— Раньше, — сказал он, — некоторые господа профессора, реакционеры, уже не имевшие возможности пройти мимо наших достижений, называли их делом «удачи», следствием какой-то особой, мне лишь присущей «интуиции». Некоторые, посрамления ради, называли меня «самоучкой», не знавшим трудов Дарвина. Но кто-кто, а уж я Дарвина очень хорошо знаю и все его основные работы изучил досконально. А когда нужно было, читал эти прекрасные труды в подлиннике. Однако мало изучить эволюционное учение: важно уметь применять его в научной работе, на практике.

И, обращаясь к методике создания новых видов, он подчеркивал:

— Вот как велико влияние внешней среды на только что зарождающийся, молодой организм.

Известно научное положение Мичурина, что дикие растения с давно сложившимися формами передают свои наследственные качества сильнее культурных сортов. Он отмечал необходимость собирать новые растения:

— Пусть это будут даже дикари, их надо смелее вовлекать в нашу селекцию. Вы окончите институт, разъедетесь в разные уголки нашей страны. Где бы вам ни пришлось бывать: в горах или лесах, на юге или на севере, в степях или пустыне, — усердно ищите новые виды растений: в них скрывается много неведомого для человека, много ценного.

На прощанье Иван Владимирович показал нам, как он из дикой степной вишни путем высева семян отобрал и вывел ценные формы: «плодородная Мичурина», «полёвка» и другие.

Эта беседа стала для нас путевкой в жизнь.

Уже на первых порах своей научной работы я задался целью выявить наиболее эффективные способы размножения мичуринских плодово-ягодных растений.

Исходный материал я получил из питомника Ивана Владимировича. В этой коллекции среди многих им созданных сортов вишни была и «полёвка». Обнаружилось ее важное свойство укореняться черенками. Выносливость, приспособляемость к неблагоприятным внешним условиям среды в сочетании с высокой урожайностью выдвигают этот сорт на одно из первых мест и в производстве и в селекции. Он включен в число плодовых насаждений Московской области.

Даже в самом названии «полёвка» сказалась великая сила мичуринского предвидения. Этой вишне принадлежит большая роль в полезащитном лесоразведении.

— Каждому району крайне необходимо иметь свои собственные сорта, сложившиеся в данных природных условиях, — не раз указывал Мичурин.

Это и побудило меня попробовать свои силы в обновлении сортимента Подмосковья. Успех дела решила методика Ивана Владимировича.

Высевая семена от лучших из созданных им сортов, направленно воспитывая гибриды, мне удалось получить хорошие, выносливые сеянцы яблони. Правда, на это ушло 12 лет, но далеко не зря. Мои сеянцы из года в год обильно плодоносят.

Так мичуринские сорта второго поколения, воспитанные на земле Подмосковья, продвинулись на север.

В нашей памяти Мичурин запечатлен как замечательный человек, любимый наставник, учитель. Студенты называют себя воспитанниками Мичурина, продолжателями его бессмертного дела.

Когда на Урале сооружали Магнитогорск, его строители прислали Мичурину письмо. Они делились с Иваном Владимировичем своими первыми успехами и рассказывали, что рядом с заводом растет новый город:

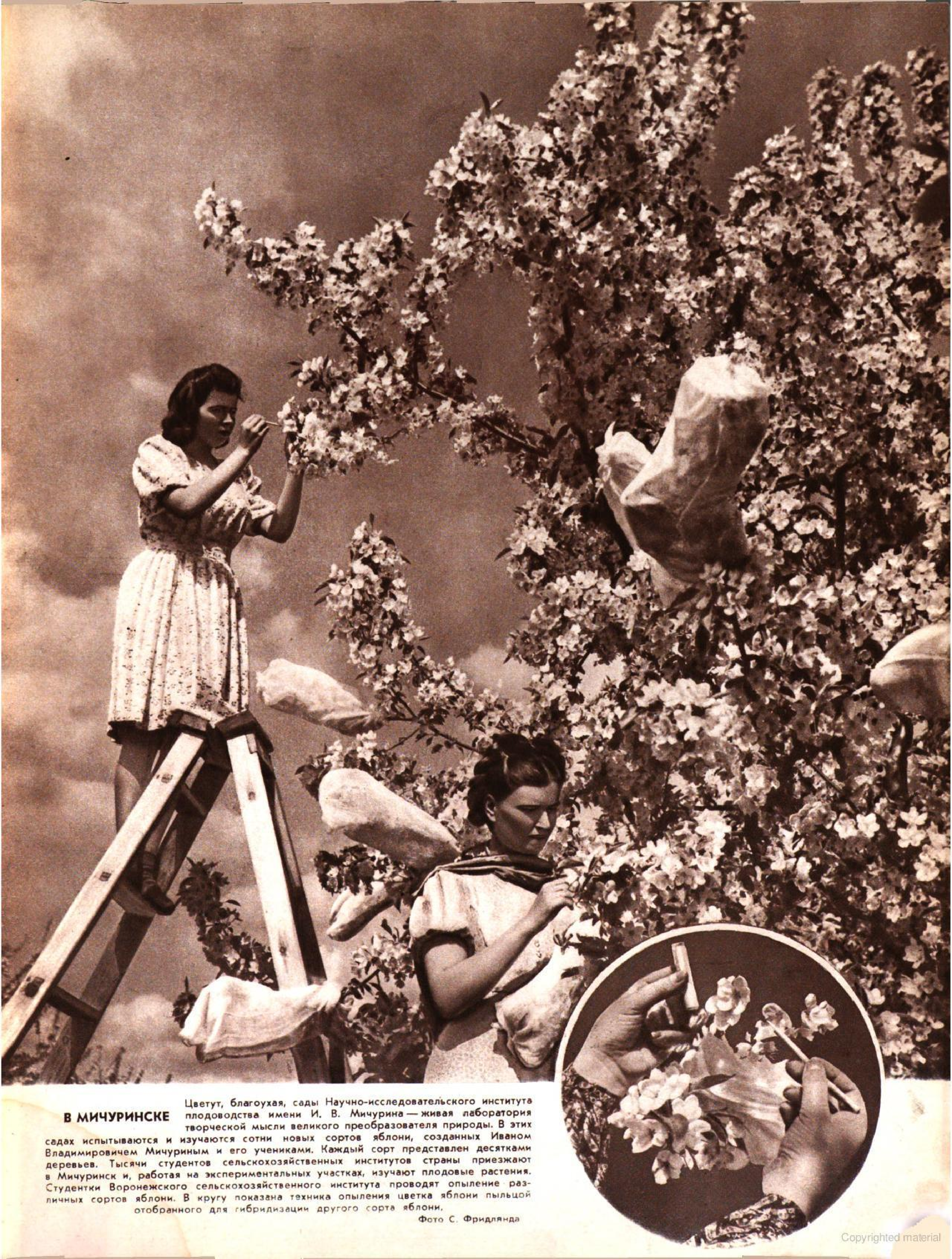
«Над Магнитогорской степью реют ветры, летом печет горячее солнце, зимою — пятидесятиградусный мороз. Город нуждается в зелени. Нужно посадить миллионы деревьев, разбить сады, парки, чтобы обеспечить рабочему прекрасный отдых. Но климатические условия не позволяют разводить деревья».

Ученый немедленно откликнулся и дал очень подробные указания, как нужно озеленять рабочие поселки, как применять гибридизацию в условиях степи.

Много стало теперь зелени в Магнитогорске. Молодой город одевается в яблоневые и вишневые сады. И они встают как вечный памятник славы Мичурина. Ветры и морозы не страшны мичуринским сортам, воспитанным в местных условиях. О зеленых насаждениях печется питомец Тимирязевки, ученый агроном, энтузиаст-мичуринец Галина Нужнова. Металлурги полюбили садоводство. И вот Г. Нужнова разбивает еще один новый коллективный рабочий сад на площади в 200 гектаров.

Нет числа армии мичуринцев. Ее ряды пополняются советской молодежью, для которой учение Мичурина — знамя самой передовой науки, науки, преобразующей природу.

М. Т. ТАРАСЕНКО,
кандидат сельскохозяйственных наук

В МИЧУРИНСКЕ Цветут, благоухая, сады Научно-исследовательского института плодоводства имени И. В. Мичурина — живая лаборатория творческой мысли великого преобразователя природы. В этих садах испытываются и изучаются сотни новых сортов яблони, созданных Иваном Владимировичем Мичуриным и его учениками. Каждый сорт представлен десятками деревьев. Тысячи студентов сельскохозяйственных институтов страны приезжают в Мичуринск и, работая на экспериментальных участках, изучают плодовые растения. Студентки Воронежского сельскохозяйственного института проводят опыление различных сортов яблони. В кругу показана техника опыления цветка яблони пыльцой отобранного для гибридизации другого сорта яблони.

Фото С. Фридлянда

Десятки тысяч последователей и продолжателей дела И. В. Мичурина приезжают ежегодно из разных концов советской земли в дом-музей, где жил и работал великий ученый.

Здесь, в своем саду, ныне основном питомнике Центральной генетической лаборатории имени Мичурина, любил отдыхать Иван Владимирович.

Надпись на могиле И. В. Мичурина в городе, носящем его имя.

ИСКУССТВО, любимое народом

Ласло ШОМОДИ

Автор статьи, один из виднейших дирижеров Венгрии, дважды на протяжении последнего года выступал в Москве и Ленинграде. В программах симфонических концертов под управлением Ласло Шомоди блестяще исполнялись самые разнообразные по стилю произведения. У себя на родине он неустанно пропагандирует русскую музыку, классическую и современную.

В беседе с нашим корреспондентом Ласло Шомоди рассказал о музыкальной жизни современной Венгрии.

Общий рост культуры и искусства демократической Венгрии сказывается и в многосторонней и богатой музыкальной жизни страны. Широко открыли свои двери народу оперные театры и концертные учреждения, растет сеть музыкальных училищ. Наши композиторы и исполнители стремятся в своем творчестве ответить на запросы массового слушателя.

Большой любовью населения Будапешта и приезжающих в столицу из городов и деревень страны пользуется Будапештский государственный оперный театр. В его обширном репертуаре оперы венгерских, русских и западноевропейских композиторов. Особенной популярностью у нашего зрителя пользуются произведения основоположника венгерского национального оперного искусства Франца Эркеля — оперы «Ласло Хуньяды» и «Бан Банк». Высокую оценку публики и прессы получила недавно поставленная театром музыкальная пьеса Качо Понграца «Витязь Янош» на сюжет одноименного произведения великого венгерского поэта и революционера Шандора Петефи. Готовится к постановке новый балет композитора Эндре Серванского.

Большое и почетное место в репертуаре театра занимают шедевры русской оперной классики: «Князь Игорь», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Хованщина». Исключительный успех имела постановка балета Чайковского «Щелкунчик», осуществленная советским режиссером В. Вайноненом. Этим спектаклем было положено начало созданию у нас хореографической школы из молодежи. В нынешнем сезоне театр показал оперу Мусоргского «Сорочинская ярмарка».

Весьма развита в нашей стране концертная жизнь. Симфонические оркестры существуют не только в столице, но и в ряде провинциальных городов. Недавно организован по примеру Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии ансамбль Венгерской армии. Во всех областях музыкального искусства выдвинулось немало талантливых артистов.

Самые глубокие симпатии нашего народа принадлежат Советской России, ее культуре. Поэтому с такой теплотой и радостью принимают слушатели приезжающих советских артистов и советские концертные ансамбли. Достаточно напомнить о замечательном успехе, который имели у нас гастроли Оборина, Ойстраха, Улановой, Кругликовой и государственных музыкальных коллективов Советского Союза.

Репертуар наших концертов весьма разнообразен — от Баха и Моцарта до современных композиторов. Большой удельный вес в симфонических программах как и в оперном репертуаре, составляет русская музыка. Очень любит аудитория произведения Чайковского — его Четвертую, Пятую и Шестую симфонии, симфоническую поэму «Ромео и Джульетта», увертюру «1812 год». Из произведений советских композиторов популярна «Кантата о Сталине» Александрова, которую я не раз дирижировал. Часто исполняются симфонии Шостаковича, скрипичный концерт Хачатуряна, произведения Кабалевского, Будашкина.

В новой, свободной Венгрии распространено самодеятельное музыкальное движение — любительские оркестры и особенно хоры. Наш народ чрезвычайно любит пение, поют молодые и старые, на работе и в часы досуга. Исполнение наших хоровых коллективов отличается слаженностью и чистотой интонации, хорошей вокальной и художественной техникой. Наряду с классическими произведениями и венгерскими народными песнями охотно поют у нас старые русские революционные песни и массовые песни советских композиторов.

Музыкальные деятели республики вкладывают немало труда в распространение музыкального искусства среди народных масс. Мне много раз приходилось выступать в рабочих клубах. Такие концерты обычно начинаются небольшой вступительной беседой, подготовляющей слушателей к восприятию исполняемой музыки. С чувством глубокого удовлетворения проводим мы концерты симфонической музыки перед рабочей аудиторией, для которой искусство — высокая радость и могучая сила. Пропагандируя музыку, мы стремимся приобщить массы слушателей к подлинному искусству, развить их художественный вкус.

С недавних пор применяется у нас система так называемых «комбинированных абонементов», в которые входят как драматические спектакли, так и оперные, а также концерты.

В творчестве наших передовых композиторов за последнее время много нового и значительного. Композиторы стремятся создавать реалистические, доходчивые произведения, насыщенные идейным содержанием, органически связанные с музыкальным фольклором. Таковы, например, кантата Кадоша «Ленин», удостоенная правительственной премии, музыка Сабо к кинофильму «Мати Лудаш», серенада для струнного оркестра Серванского и другие. К празднованию 70-летия товарища Сталина было создано 26 произведений, среди них — увертюра композитора Михай, отмеченная правительственной премией.

Правительство нашей народной республики уделяет большое внимание музыкальному образованию. Во всех музыкальных учебных заведениях, от начальной школы до консерватории, значительный процент учащихся составляют дети рабочих, служащих и крестьян. Помимо специальных музыкальных школ, занятия музыкой проводятся и в общеобразовательной школе. Дети с любовью разучивают популярные массовые песни, венгерские и русские.

Серьезно поставлено в Венгрии изучение народного музыкального творчества — основы национальной музыкальной культуры. Венгерские песни и танцы замечательны своей самобытностью, музыкальным разнообразием и богатством содержания. Зачастую это иллюстрации быта народа, его истории. В революционных венгерских песнях нашла свое отражение бурная эпоха революции 1848 года, запечатлена героическая борьба венгерского народа за свободу и независимость. Изучению венгерской народной музыки положили начало наши крупнейшие композиторы Бела Барток и Золтан Кодаи. В течение многих лет они неутомимо собирали, изучали и обрабатывали крестьянские песни.

С большой радостью посетил я дважды Советский Союз. Глубоко восхищает грандиозная созидательная работа, плоды которой видишь на каждом шагу. Самое лучшее впечатление осталось у меня от сотрудничества с советскими симфоническими оркестрами. Советские оркестры стоят гораздо выше, чем оркестры многих стран Европы, с которыми мне приходилось выступать.

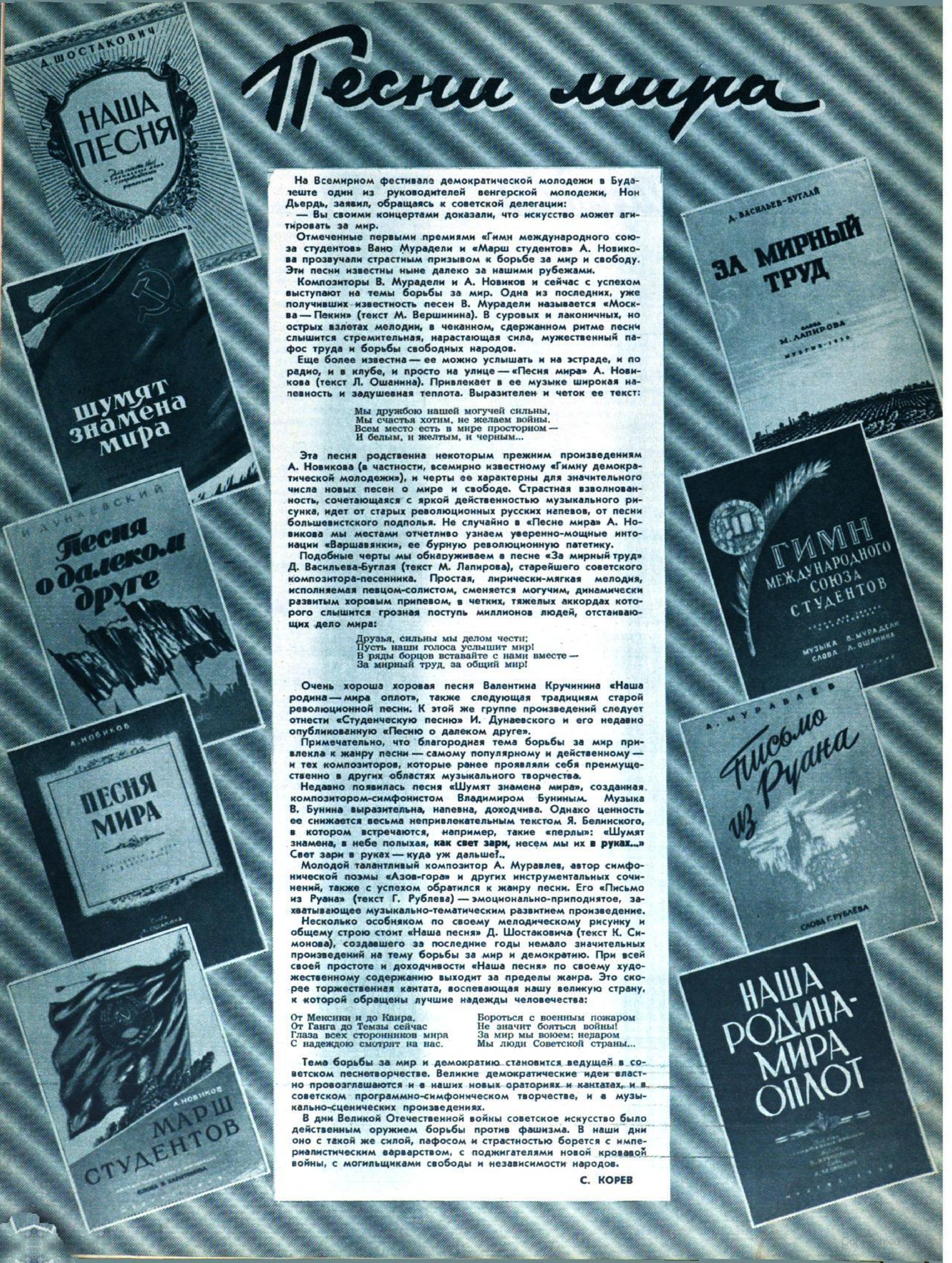
Деятели венгерской музыкальной культуры стремятся использовать опыт своих собратьев в СССР. Создание подлинно народного реалистического искусства — цель, которая нас воодушевляет.

В Большом зале Московской государственной консерватории. Концерт с участием дирижера Ласло Шомоди, музыкального деятеля Венгерской народной республики. Ласло Шомоди отвечает на приветствия публики.

Фото А. Батанова (ТАСС)

Песни мира

На Всемирном фестивале демократической молодежи в Будапеште один из руководителей венгерской молодежи, Нон Дьердь, заявил, обращаясь к советской делегации:

— Вы своими концертами доказали, что искусство может агитировать за мир.

Отмеченные первыми премиями «Гимн международного союза студентов» Вано Мурадели и «Марш студентов» А. Новикова прозвучали страстным призывом к борьбе за мир и свободу. Эти песни известны ныне далеко за нашими рубежами.

Композиторы В. Мурадели и А. Новиков и сейчас с успехом выступают на темы борьбы за мир. Одна из последних, уже получивших известность песен В. Мурадели называется «Москва — Пекин» (текст М. Вершинина). В суровых и лаконичных, но острых взлетах мелодии, в чеканном, сдержанном ритме песни слышится стремительная, нарастающая сила, мужественный пафос труда и борьбы свободных народов.

Еще более известна — ее можно услышать и на эстраде, и по радио, и в клубе, и просто на улице — «Песня мира» А. Новикова (текст Л. Ошанина). Привлекает в ее музыке широкая напевность и задушевная теплота. Выразителен и четок ее текст:

Мы дружбою нашей могучей сильны,
Мы счастья хотим, не желаем войны.
Всем место есть в мире просторном —
И белым, и желтым, и черным...

Эта песня родственна некоторым прежним произведениям А. Новикова (в частности, всемирно известному «Гимну демократической молодежи»), и черты ее характерны для значительного числа новых песен о мире и свободе. Страстная взволнованность, сочетающаяся с яркой действенностью музыкального рисунка, идет от старых революционных русских напевов, от песни большевистского подполья. Не случайно в «Песне мира» А. Новикова мы местами отчетливо узнаем уверенно-мощные интонации «Варшавянки», ее бурную революционную патетику.

Подобные черты мы обнаруживаем в песне «За мирный труд» Д. Васильева-Буглая (текст М. Лапирова), старейшего советского композитора-песенника. Простая, лирически-мягкая мелодия, исполняемая певцом-солистом, сменяется могучим, динамически развитым хоровым припевом, в четких, тяжелых аккордах которого слышится грозная поступь миллионов людей, отстаивающих дело мира:

Друзья, сильны мы делом чести;
Пусть наши голоса услышит мир!
В ряды борцов вставайте с нами вместе —
За мирный труд, за общий мир!

Очень хороша хоровая песня Валентина Кручинина «Наша родина — мира оплот», также следующая традициям старой революционной песни. К этой же группе произведений следует отнести «Студенческую песню» И. Дунаевского и его недавно опубликованную «Песню о далеком друге».

Примечательно, что благородная тема борьбы за мир привлекла к жанру песни — самому популярному и действенному — и тех композиторов, которые ранее проявляли себя преимущественно в других областях музыкального творчества.

Недавно появилась песня «Шумят знамена мира», созданная композитором-симфонистом Владимиром Буниным. Музыка В. Бунина выразительна, напевна, доходчива. Однако ценность ее снижается весьма непривлекательным текстом Я. Белинского, в котором встречаются, например, такие «перлы»: «Шумят знамена, в небе полыхая, **как свет зари**, несем мы их **в руках...»** Свет зари в руках — куда уж дальше?..

Молодой талантливый композитор А. Муравлев, автор симфонической поэмы «Азов-гора» и других инструментальных сочинений, также с успехом обратился к жанру песни. Его «Письмо из Руана» (текст Г. Рублева) — эмоционально-приподнятое, захватывающее музыкально-тематическим развитием произведение.

Несколько особняком по своему мелодическому рисунку и общему строю стоит «Наша песня» Д. Шостаковича (текст К. Симонова), создавшего за последние годы немало значительных произведений на тему борьбы за мир и демократию. При всей своей простоте и доходчивости «Наша песня» по своему художественному содержанию выходит за пределы жанра. Это скорее торжественная кантата, воспевающая нашу великую страну, к которой обращены лучшие надежды человечества:

От Мексики и до Каира,
От Ганга до Темзы сейчас
Глаза всех сторонников мира
С надеждою смотрят на нас.

Бороться с военным пожаром
Не значит бояться войны!
За мир мы воюем; недаром
Мы люди Советской страны...

Тема борьбы за мир и демократию становится ведущей в советском песнетворчестве. Великие демократические идеи властно провозглашаются и в наших новых ораториях и кантатах, и в советском программно-симфоническом творчестве, и в музыкально-сценических произведениях.

В дни Великой Отечественной войны советское искусство было действенным оружием борьбы против фашизма. В наши дни оно с такой же силой, пафосом и страстностью борется с империалистическим варварством, с поджигателями новой кровавой войны, с могильщиками свободы и независимости народов.

С. КОРЕВ

ОДНА ИЗ МНОГИХ

Большеглазая девочка, одетая в щедро расшитый украинский наряд, обеими руками вцепилась в бархатную обивку ложи и, не отрываясь, смотрит на сцену. Она жадно впитывает каждое слово, слетающее с губ красивой актрисы.

«Не о том скорблю, подруженьки...» — поет Антонида, ей вторит хор, и вместе с хором маленькая девочка — ее зовут Галя — беззвучно повторяет слова грустной, но дивной песни.

Галя в опере впервые. И кажется ей, что нет ничего на свете прекрасней, чем быть артисткой-певицей.

«Не о том скорблю, подруженьки...» — возвратясь к себе в деревню, поет Галя. Ей подтягивает дружный хор звонких молодых голосов, а из окна школы смотрит на учениц, слушает и улыбается учительница Мария Николаевна. Это она вместе с матерью Гали — Акулиной Матвеевной — возила девочку в театр.

«Я тоскую не о том...» — доносится с другой стороны улицы. Это Акулина Матвеевна белит свою хату и поет сильным сопрано. Голос у Акулины Матвеевны знаменитый на всю Будаевку.

Село Будаевка, похожее на все украинские деревни, утопает в зелени. Бело-розовой пеной вскипают яблоневые и вишневые сады. До далекого леса протянулись поля. В школьные каникулы все ученики вместе со взрослыми на поле. И Галя тут. Трудится не хуже других. А когда возвращаются с поля, мать берет ее за руку, и обе затягивают старинную песню:

Віют вітри, віют
вільни...

Гале еще и пятнадцати лет нет, а уже на селе ее зовут «соловейко». Но пение пением, а надо думать, какую дорогу себе избирать в жизни.

— Разве ты не хочешь учиться? — спрашивает Мария Николаевна.

Этот разговор они ведут втроем — учительница, мать и дочь.

Учиться, конечно, хочется. Семилетку она заканчивает отлично. Но страшновато уезжать. «Правда, есть одна думка...» — недоговаривает девушка.

— В музыкальный техникум? Да? — Мария Николаевна наклоняется к ученице. — Признайся, я угадала?

Но Галя глядит удивленно:

— Что вы? Вот бы учительницей стать, как вы...

Перед отъездом Гали в педагогический техникум школьный кружок решает поставить оперу. Зрителей — все село. И все так довольны, что просят повторить «Наталку-полтавку». Но некогда. Галя уезжает. До свидания, родное село, прощайте, вишни, и яблони, и любимый холм с раскидистой липой на нем, и школа. Не скучайте о Гале, Акулина Матвеевна!

А после техникума молодая учительница едет в одно из сел Житомирской области. И здесь учительствует Галина Семеновна Шолина. С детьми у нее дружба: организовала драматический кружок, ставит пьесы, готовит концерты.

Проучительствовав три года, она поступает все же в музыкальный техникум.

Правда, недолго пришлось поучиться. Грянула война. И Галину принимают в хоровую капеллу «Думка», с нею ездит она на фронт, по разным городам страны и поет...

По окончании войны Шолина поступает в консерваторию, в класс профессора Д. Г. Евтушенко.

В три года она оканчивает консерваторию, и ее принимают в киевскую оперу.

В Будапеште проводится международный фестиваль демократической молодежи, и в составе советской делегации — Галина Шолина. На концерте фестиваля Галина очень волнуется и дважды останавливает пианиста, который берет первые аккорды. Поймут ли здесь украинские песни, понравятся ли? Но ее песни близки и понятны людям самых разных национальностей. Телеграф доносит в Киев весть: Шолина получила звание лауреата международного конкурса.

Профессор Киевской консерватории заслуженный деятель искусств Украинской ССР Д. Г. Евтушенко со своими ученицами лауреатами Сталинской премии Г. Шолиной и Э. Томм.

Фото О. Кнорринга

Есть в Киеве улица Ленина. Одна из центральных улиц. А на ней здание оперного театра. Вечером мать Шолиной Акулина Матвеевна и Мария Николаевна, ныне работающая в Киеве, спешат на премьеру. Вот сидят они в ложе, и Акулина Матвеевна, не отрываясь, смотрит на сцену и жадно впитывает каждое слово, слетающее с губ красивой актрисы.

«Не о том скорблю, подруженьки...» — поет Антонида.

В антракте к Акулине Матвеевне наклоняется сосед и в избытке чувств говорит:

— Голос у Шолиной, точно из сказки. Ей за Антониду Сталинскую премию дали? Не знаете?

Акулина Матвеевна от волнения слова не вымолвит. Она только кивает головой.

— Не знаете? — не понимает ее сосед. — Пойду у билетера спрошу.

В селе Будаевка тоже слушают по радио «Ивана Сусанина». Голос своей «соловейки» там узнают сразу. Поет Антонида, и старый бригадир Марко Остапович Лысенко теребит себя за ус и, когда Шолина заканчивает арию, говорит, вздыхая:

— Кажуть люди про рай — цей чудовий спив краще всякого раю!

Э. БРАГИНСКИЙ

Сцена из спектакля кукольного театра колхоза «Кенеш».

Фото В. Евграфова

Кукольный ТЕАТР В КОЛХОЗЕ

Дженшен Элеманов ехал с горного пастбища. Длинные тени ложились на дорогу. Из ущелий струился белесый туман. Близился вечер, и всадник торопил коня.

Дженшен торопился сообщить правлению новости с джайлоо. Были у него и срочные дела на конеферме. Но еще одно обстоятельство заставляло спешить всадника: вечером в клубе выступал с новой постановкой кукольный театр колхоза.

Элеманов закончил дела в правлении и вместе с председателем артели Изаком Кочкорбаевым направился в клуб. Белое каменное здание, ярко освещенное электрическими огнями, было переполнено.

На сцене над невысокой ширмой возвышалась декорация. Старой народной сказкой о репке началось представление кукольного театра.

Близилась ночь, но программа еще не была исчерпана, и никто не расходился. Началось большое представление «Отец и сын». Сын колхозника пошел учиться в школу колхозной молодежи. Он усердно занимался, много читал и, когда кончил школу, выступил инициатором строительства гидроэлектростанции. Отец не соглашался с сыном-комсомольцем, — надо жить так, как жили отцы и деды, настаивал старик. Но на стороне сына оказался весь колхоз, и станция была построена.

Все, что происходило на сцене, было близко и понятно зрителям. Комедия «Пустяковые дела» будто списана была с жизни. Содержание этой пьесы несложно: муж заявил жене, что у него самые сложные и трудные дела в колхозе, а у жены пустяковые. В споре они решают меняться ролями. Оказывается, что женщина с честью справляется с мужской работой в поле, а ее муж, оставшись дома, приводит хозяйство в запустение и в конце концов признает свою ошибку.

Кукольный театр в киргизском колхозе-миллионере «Кенеш» существует не первый год. Он создан преподавателем колхозной школы Шаукатом Мусиным.

Учитель организовал труппу из молодых колхозников. Вместе с ребятами он изготовил куклы, декорации, писал пьесы из колхозной жизни.

В колхозном клубе частые гости — народные и заслуженные артисты Киргизской республики. Здесь выступают театры города Фрунзе, демонстрируются фильмы. Но спектакли колхозного кукольного театра не теряют от этого новизны и остроты. Колхозники любят свой театр. С большой радостью встречают они кукольников на высокогорных джайлоо и в отдаленных бригадах.

Е. РЯБЧИКОВ

Колхоз «Кенеш».
Чуйская долина,
Киргизской ССР.

мент бега на 110 метров с барьерами. Первый справа — Е. Буланчик.

Фото А. Бурдукова.

Л. ЛИБКИНД,
заслуженный мастер спорта

оследние минуты перед стартом тянутся бенно медленно: давно закончена размин- зашнурованы шиповки, установлены стар- ые колодки. Буланчик нетерпеливо проха- ается вдоль дорожки. Только в этом и является его волнение, обычное и неиз- кное перед началом бега.

аконец раздается команда: «На старт!». еро финалистов занимают свои места.

Внимание!» Бегуны чуть приподнялись. дленным движением стартер взводит пистолет, раздается выстрел — и бегуны устремляются вперед.

Чудесное зрелище! Ловкие, быстрые, взлетают они над метровыми препятствиями, мгновенно приземляются и, не задерживаясь, устремляются дальше.

Внимание зрителей привлекает высокий, широкоплечий атлет, выделяющийся особенной слаженностью движений. В едва уловимое мгновение он сильно отталкивается, низко наклоняет корпус, выбрасывает вперед руки и с такой легкостью переносит свое большое тело через барьер, будто оно совсем не имеет веса.

В начале бега он чуть отставал, затем настиг соперников, четвертый барьер прошел первым, и чем меньше метров оставалось до финиша, тем больше становилось расстояние между ним и остальными.

Финишную ленточку рвет грудь победителя, и радиоинформатор объявляет: «Забег выиграл чемпион и рекордсмен Советского Союза Евгений Буланчик».

Долго и дружно аплодируют зрители победителю. Они аплодируют его сегодняшней победе, а еще больше — великолепному мастерству, чудесному сочетанию скорости, ловкости, смелости.

Отточенные, экономные, ритмичные движения, легкость и свобода отличают бег Евгения Буланчика. Со стороны этот бег кажется полетом над барьерами.

Пришло это далеко не сразу.

Буланчику долго не удавалось сочетать работу рук и ног. И, пожалуй, не будь в характере Буланчика настойчивости и упорства, не украшали бы теперь его грудь золотые медали чемпиона и рекордсмена СССР.

Но он не относится к тем, кто боится трудностей. Первые неудачи не отпугнули его.

— Все равно научусь,— упрямо повторял Буланчик.

На уроках он старался не пропускать ни одного слова, ни одного движения преподавателя. В часы, свободные от занятий, когда товарищи отдыхали, он уходил на стадион и учился преодолевать барьеры.

Немало сил и времени ушло на это, и ушло с пользой. Теперь он не раскидывал нелепо в стороны руки, не цеплялся ногами за барьеры. Он проходил дистанцию четко и ритмично.

...Весь первый год войны Буланчик провел на переднем крае. Ранение вывело его из строя. Осколок попал в коленный сустав левой ноги, задел надкостницу и нервы. Неподвижная нога приковала Буланчика к госпитальной койке.

Н. ПАВЛОВСКИЙ

Зрители, до отказа заполнившие вместительные трибуны стадиона «Динамо», с нетерпением ждали начала матча между футбольными командами «Спартака» Москвы и Тбилиси.

Что вызвало такой повышенный интерес к встрече этих двух коллективов? То ли обстоятельство, что в столице проводился всего третий по счету матч на первенство страны, или большая популярность московских спартаковцев?

Бесспорно, что оба эти фактора сыграли свою роль. Но был еще и третий.

Для любителей спорта футбольный сезон — это не только горячая пора переживаний за «свою» команду, раздумий над таблицей розыгрыша, бесконечных споров о вероятном победителе первенства. С большой заинтересованностью следят ценители за повышением класса игры мастеров кожаного мяча, за успехом молодых команд.

Матч спартаковцев был интересен именно тем, что он одно из ярких свидетельств этого роста. Против прославленной команды — трехкратного чемпиона страны и четырехкратного победителя «Кубка СССР» — выступали одиннадцать футболистов, еще в прошлом году игравших во второй группе.

Продолжительными аплодисментами встретили москвичи появление на зеленом поле спортсменов Грузии. Это был их первый дебют на столичном стадионе «Динамо», но публика приветствовала их как старых знакомых, хотя из одиннадцати игроков ей были известны только трое: вратарь Владимир Жмельков, центр защиты Иван Шудра и левый полусредний Георгий Арошидзе.

Что послужило основанием для такой встречи?

Спортивный путь этой команды как нельзя лучше свидетельствует о больших успехах, которые одержала за последние годы молодежь, пополнившая ряды мастеров футбола. Если в первых послевоенных турнирах появление новых имен носило эпизодический характер и не представляло еще собой массового явления, то по-иному обстоит дело сейчас. Ныне большинство команд первой группы в значительной степени обновило свой состав за счет выдвижения вчера еще никому не известных футболистов.

Тбилисский «Спартак» свое право оспаривать звание чемпиона СССР завоевал в упорной борьбе. Этот коллектив выдвинулся в число девятнадцати сильнейших за сравнительно короткий срок. Дата рождения команды — 1948 год. Выступая в зональных соревнованиях два года назад, спартаковцы заняли третье место. Но уже во Всесоюзных соревнованиях мастеров второй группы, проводившихся в прошлом году, команда с первых дней розыгрыша уверенно захватила лидерство в Центральной зоне и не упускала его до конца турнира. Из 25 матчей она выиграла 22.

Этот результат уже сам по себе был большим достижением молодых футболистов. Однако вскоре спартаковцы еще раз блестяще подтвердили свою спортивную зрелость в финальных соревнованиях команд, занявших первые места в зонах.

Свыше месяца продолжался турнир этих команд. К концу его победителем оказались тбилисские футболисты.

Кто же защищает честь тбилисского «Спартака» в футбольном первенстве страны 1950 года?

Мы попросили тренера команды заслуженного мастера спорта Андрея Дмитриевича Жордания познакомить нас с его воспитанниками.

Из 26 футболистов основного и дублирующего составов 9 человек играют в команде третий год — со дня ее основания. Это защитники Зураб Кварцани, Юрий Катанов, Реваз Осадзе, полузащитники Теймураз Гугунава, Мераб Гамкрелидзе, нападающие Автандил Пайчадзе (младший брат известного футболиста Бориса Пайчадзе), Тариел Эпиташвили, Ираклий и Амиран Бурчуладзе.

— Наши «старички», — говорит про них тренер. — Они составляют основное ядро команды.

Второй сезон выступают за команду полузащитник Арчил Киладзе и нападающий Владимир Ломая.

Самому старшему из «старичков», студенту сельскохозяйственного института Амирану Бурчуладзе 28 лет. Возраст остальных основоположников славы тбилисского «Спартака» не превышает 25 лет. Арчил Киладзе, например, только в прошлом году окончил среднюю школу. Ему 20 лет.

А. Д. Жордания — опытный футбольный боец, в прошлом игрок сборной команды Советского Союза, участник международных матчей с футболистами Турции, Норвегии, Швеции, Германии, Испании, много работает с молодежью, стараясь передать ей свои знания.

В отличие от некоторых других тренеров, которые предпочитают укреплять вверенные им команды только вполне подготовленными спортсменами, Жордания смело дает молодой поросли путевку в большой футбол. В нынешнем сезоне в коллектив тбилисского «Спартака» были приняты 18-летние юноши: вратарь Георгий Нанба, защитники Виктор Верецкий, Валериан Джикна, нападающие Николай Гагнидзе и Заур Калоев.

В 1936 году, когда впервые состоялся розыгрыш первенства СССР по футболу, им было всего по 4 года. И вот представьте себе поединок правого полусреднего тбилисцев Николая Гагнидзе с мо-

Много раз в день, превозмогая боль, он поднимал и опускал ногу, сгибал и разгибал ее руками и добился своего: сначала медленно, потом все быстрее нога стала крепнуть.

Салют в честь Победы застал Буланчика под Берлином. Вскоре он вернулся на родину и снова занялся спортом.

Большой перерыв и ограниченное движение раненой ноги дали себя знать. От прежних достижений ничего не осталось. Терпеливо он начал все сначала.

Осенью легкоатлеты собрались на первое послевоенное соревнование на первенство страны. Приехал и Евгений Буланчик.

Секундомеры судей зафиксировали хороший результат. С удвоенной энергией принялся Буланчик за тренировку. Упражнения на гибкость, работа над скоростью сочетались с постоянными поисками наилучшего положения над барьером, с изучением «атаки» его.

Отдавая много сил и времени тренировкам, Буланчик в то же время отлично вел преподавательскую работу в Киевском институте физкультуры, продолжал заочно учиться и принимал активное участие в общественной жизни института. Его видели не только в институте, но и во многих низовых спортивных коллективах общества «Большевик», где он часто бывал как инструктор-общественник. Трудолюбивый, общительный, энергичный, он завоевал общую любовь и уважение.

Зимой 1947 года Буланчик встретился с заслуженным мастером спорта Зосимой Петровичем Синицким. Тренировка пошла особенно успешно. Опытный тренер помог Буланчику занять место в шеренге лучших барьеристов страны. Он бегал не только на 110 метров, но и на 400 с барьерами.

— Теперь вопрос в скорости, — сказал Синицкий Буланчику, подводя итоги сезона. — Увеличить скорость, отшлифовать детали в технике — и можно думать о рекордах.

С особой тщательностью и старанием работал Буланчик зимой. Первые же весенние соревнования показали, что спортсмен находится в хорошей форме. Он вплотную подходил к рекордным результатам.

В июле на спартакиаде физкультурных вузов Буланчик внес свою первую поправку в таблицу всесоюзных рекордов, установив новый рекорд на дистанции 400 метров с барьерами — 54 секунды.

Однако Буланчик не собирался ограничиться этим. Тренируясь, участвуя в соревнованиях, он продолжал готовиться к новым достижениям. Дважды уже повторил он всесоюзный рекорд на 110 метров с барьерами.

Перед соревнованиями на первенство СССР он чувствовал себя сильным и свежим, готовым к горячим спортивным схваткам.

Со всех концов страны съехались на первенство легкоатлеты. Лучшие метатели, прыгуны, бегуны собрались померяться силами, показать, чего достигли они за год. Все цвета и эмблемы спортивных обществ мелькали на зеленом поле и трибунах.

Праздничное возбуждение охватило Буланчика, едва только вышел он из полутьмы раздевалки на залитый солнцем простор стадиона. Четверо его соперников, лучшие в стране барьеристы Лунев, Степанченок, Денисенко и Попов, уже готовились к финальному забегу.

Выстрел стартера. Бег начался. Буланчик бежит широким шагом, красиво и легко взлетает над барьерами, ни на секунду не нарушая ритма. В фигуре его нет ни малейшего напряжения. Он идет впереди других.

Под все нарастающий шум на трибунах Буланчик стремительно пробегает последний отрезок дистанции и пересекает линию финиша.

Он еще не успел остановиться, как его окружают товарищи. Они крепко жмут ему руки, обнимают, поздравляют:

— Рекорд, Женя, рекорд!

Но Буланчик настороженно ждет сообщения судей: а вдруг друзья ошиблись?

И когда наконец судьи объявляют: «Евгений Буланчик закончил дистанцию за 14,4 секунды, улучшив всесоюзный рекорд на 0,2 секунды», — он облегченно вздыхает.

Окрыленный первой победой, Буланчик на следующий день завоевал звание чемпиона в гладком беге на 400 метров. А еще через день улучшил свой рекорд на 400 метров с барьерами.

Казалось бы, можно чувствовать себя вполне удовлетворенным, но Буланчик продолжал упорно тренироваться.

Е. Буланчик.

Отлично провел он прошлое спортивное лето. Он принимал участие во многих соревнованиях и не уступил первенства на дистанции в 110 метров с барьерами.

Отточенный, совершенный стиль бега продемонстрировал Буланчик, выступая в матче легкоатлетов СССР и Чехословакии. Рядом с ним стартовал Мирослав Тошнар, чемпион и рекордсмен Чехословакии в барьерном беге, сильный и опытный соперник.

Никогда еще не испытывал Буланчик такого сильного желания победить, как теперь, когда он защищал спортивную честь Советского Союза. Все свое мастерство вложил он в этот бег и выиграл его.

Это была еще одна большая победа.

Осенью прошлого года Е. Буланчик вновь показал рекордные результаты, подтвердив свое высокое мастерство. Его результат в беге на 110 метров с барьерами 14,2 секунды оказался лучшим в Европе.

сковскими спартаковцами Николаем Дементьевым, Василием Соколовым, Константином Малининым, которые в 1936 году были уже известными футболистами! Это была демонстрация мастерства представителей двух поколений спортсменов.

— Какие же задачи вы ставите перед командой? — спросили мы у Жордания в заключение нашей беседы.

— Перед нами одна цель, — сказал тренер, — оказаться в числе тех тринадцати команд, которые, согласно положению о розыгрыше XII первенства СССР по футболу, остаются на 1951 год в классе «А». Добиться этого будет нелегко. Наша команда совсем не знает своих противников: до 1950 года тбилисский «Спартак» ни разу не выступал на стадионах Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова. Встречи с более опытными футбольными коллективами послужат нам хорошей школой и, независимо от того, какое место мы займем в турнирной таблице, будут способствовать дальнейшему росту класса игры наших молодых футболистов.

Молодая команда тбилисского «Спартака» вступила в соревнование с опытными, закаленными на футбольных полях коллективами. Всем им она оказывала серьезное сопротивление, в том числе и московскому «Спартаку». Со многими играет на равных основаниях, а над некоторыми даже одерживает победы. Несмотря на сравнительно короткий промежуток времени, грузинские футболисты сумели победить минских динамовцев, харьковский «Локомотив» и обладателя «Кубка СССР» — московских торпедовцев.

Хорошее начало!

Тренер тбилисской команды «Спартака» А. Жордания (крайний справа) впервые выводит своих футболистов на московский стадион «Динамо».

Фото А. Бочинина

БЕГЛЕЦ ИЗ НЬЮ-ДЖЕМПРА

М. ЛАНСКОЙ

Рисунки В. и А. Гальба

Началось все с пустяка. В мастерскую Бена Хэгби вошел клиент. Не будет преувеличением, если мы скажем, что во всем Нью-Джемпре нет более искусного манекенщика, чем Бен Хэгби. Изготовленные им бюсты, торсы и ножки украшают витрины лучших парикмахерских и конфекционов города.

Незнакомец, переступивший порог мастерской, выглядел не совсем обычно. Как уверял потом Бен, он сразу почуял, что дело неладно. Несмотря на жаркую погоду, воротник дорожного пальто был поднят, а шляпа клиента надвинута на самые брови. Если к этому добавить, что глаза его прикрывали черные очки, а нижняя часть лица обросла какой-то подозрительной щетиной, то станет понятным, почему у Бена Хэгби не пробудилось никаких симпатий к новому покупателю.

— Мне нужна голова, — сказал незнакомец.

— Мужская, женская? — спросил Бен.

— Мужская.

Бен тут же выставил десяток образцов стандартной серии «Г-12», розовых, сверкающих белозубым оскалом оптимистической улыбки, с голубыми глазами из небьющегося стекла.

Покупатель оказался непривередливым. Он взял первую попавшуюся голову, потрогал ее за нос, погладил по волосам и сказал:

— Беру!

— Завернуть? — спросил Бен.

— Не нужно.

После этих слов незнакомец сердитым движением руки сбросил вместе с очками и шляпой какое-то сооружение из обыкновенной пакли и обнаружил полное отсутствие какого бы то ни было лица. Бен видел перед собой только прямую линию широких плеч с глубокой выемкой, сделанной точно посредине, над галстуком. В эту выемку странный покупатель без долгих размышлений начал втискивать новую голову.

Бен немного удивился, но сделал вид, что ему не впервые приходится продавать недостающие части тела, и даже помог клиенту заправить шею за ворот рубашки. Однако когда незнакомец, надев голову и покрыв ее шляпой, направился к выходу, Бен возмутился.

— Хэлло! — крикнул он. — Мистер, с вас два доллара сорок центов!

Но тот, не моргнув глазом, открыл дверь и вышел на улицу. Выбежавший за ним Бен поднял невообразимый шум. Он схватил было за шиворот какого-то прохожего, но сейчас же получил удар в подбородок и понял, что ошибся. Перед ним мелькали еще какие-то головы, очень похожие на образцы из серии «Г-12», но у всех у них был один дефект: они были живыми. Незнакомец исчез...

Объяснения Бена, полученные у него следователем, потрясли не только Нью-Джемпр. Уже через сорок минут после происшествия стали прибывать самолеты со специальными корреспондентами крупнейших агентств Соединенных Штатов. Первые полосы вечерних газет были посвящены описаниям внешности неизвестного и обсуждению побудительных мотивов, толкнувших его на столь головоломный трюк. Тут же приводились снимки в анфас и профиль модели «Г-12».

На следующий день появились комментарии политического характера и отклики государственных деятелей. Сенатор-республиканец Ральф Фландерс в интервью об инциденте в Нью-Джемпре высказал предположение, что таинственный субъект сменил свою голову, чтобы скрыть от следственных органов засевшие в ней крамольные мысли. «Американцы стали терять свои головы, — заключил сенатор. — Этот факт еще раз показывает, как велика красная опасность, нависшая над нашим континентом».

В штате Алабама сильную тревогу вызвала версия, что замена голов производится чернокожими, дабы обмануть бдительность белых.

Объявленный федеральный поиск и назначенная премия за поимку «Человека с пустой головой» ничего, кроме разных неприятностей, не принесли. Серьезным препятствием на пути успеха встало высокое искусство Бена Хэгби. Созданная им модель «Г-12» настолько приблизилась к натуре, что многие почтенные американцы стали жертвой грубых подозрений.

Каждый день приходили пачки донесений о «Человеке с пустой головой». То его видели за судейским столом в Нью-Йорке, то выволакивали из зала Конгресса, то ловили в редакциях Херста... И всякий раз получался полный конфуз. Хотя все приметы совпадали, — при ближайшем рассмотрении головы заподозренных оказывались не пустыми, а набитыми тем или иным хламом.

Постепенно волна возмущения и тревоги сменилась волной горячей симпатии и сочувствия к таинственному незнакомцу.

Член палаты представителей Джон Роик, пострадавший в дни особенно рьяных поисков неизвестного, в беседе с репортером «Миррор» заявил, что он гордится своим сходством с беглецом из Нью-Джемпра.

— Красивая и ничем не засоренная голова, — сказал конгрессмен, — идеал нашего века. Поступок нашего смелого соотечественника достоин всяческого подражания. Искусственная голова не боится ни насморка, ни мыслей о кризисе. Ей не страшны ни пули, ни газы. В будущую среду я внесу законопроект о поголовной реконструкции нашей армии и полиции.

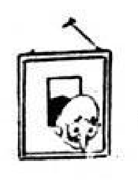
Защиту гражданских прав неизвестного взяла на себя лига «Сынов Колумба». Официальная платформа лиги отвергла устаревшую выдумку, будто бы Колумб открыл Америку. Основатель лиги достопочтенный Сэмюэль Сэндвич неопровержимо доказал, что великий Христофор начал свою карьеру чистильщиком сапог на Бродвее, потом сделался агентом Кука и между делом открыл Европу. Тем самым лишний раз подчеркивалась ответственность Соединенных Штатов за судьбы европейских туземцев.

Лига заочно избрала неизвестного своим почетным председателем и направила к президенту делегацию с требованием «прекратить позорную травлю великого американца».

Клиент Бена Хэгби стал самым популярным человеком в западном полушарии. Превратившийся благодаря неслыханной рекламе в миллионера, Бен Хэгби на личные средства воздвиг в Нью-Джемпре бронзовый памятник своему покупателю. Неизвестный был изображен в длинном дорожном пальто, держащим подмышкой голову из серии «Г-12».

Но прошло несколько месяцев, и новые сенсации оттеснили со страниц газет всем надоевшего незнакомца. О нем стали забывать...

Теперь нужно сказать несколько слов о таксоночлежках мистера Хаггерти. С каждым днем число безработных металлистов и бездомных фермеров, стекавшихся в Нью-Джемпр, катастрофически возрастало. Старая система ночлежных домов, принадлежавших

Баллада о двух астрономах

1

В бескрайности встретил звезду
астроном,
Он с нею лет тридцать был близко
знаком.
Всегда узнавал, а теперь не узнал:
Почти ослепил небывалый накал.
Ученый, глаза на секунду закрыв,
Сказал ассистенту:
— Космический взрыв.
Он думал о Солнце. А если б оно?
Все было б дотла на Земле сожжено.
Но трижды мы ловим на взрыве звезду,
А Солнце все то же — у всех на виду.
— Теперь уже каждый, кто честен,
поймет:
У Солнца характер и возраст не тот.
Пусть трудятся люди: не в мертвой
золе —
В садах и лесах быть веселой Земле!
Пусть борются люди: они победят!
...Ученый с рассветом въезжал
в Ленинград.

2

На желтой горе, в полушарье другом,
Следил за звездою другой астроном.
Потом из высоких космических сфер
Домой его вез молчаливый шофер.
В квартире меж тихих эстампов и книг
Метался назойливый радиокрик:
«...Опасные происки большевиков!
Бастует почти миллион горняков!..»
Он кнопку нажал — тишина, как обвал,
Он диктора на полуслове прервал:
— Бастуют? —
Брезгливо скривилась губа.
— Я им разъясню, что бесцельна
борьба.
...Улыбки, поклоны:
— Профессор, сэнк ю! [1]
Газетам он лживое дал интервью:
«В грядущее узкую дверь отворив,
Я вижу: на Солнце — космический
взрыв.
Сильнее, чем тот, что вчера в двадцать
два
Был нами отмечен в созвездии Льва.
Нелепа забота о завтрашнем дне.
Я вижу планету в смертельном огне.
Кипят океаны, грохочет пожар.
Вращается мертвый, обугленный шар».

3

Два взгляда в пространстве сошлись
неземном:
Мой друг — астроном и мой враг —
астроном.
И два телескопа в далекий квадрат,
Как два дальнобойных орудья, глядят...
Пусть нас не пугают пророки беды
Ни взрывом урана, ни взрывом звезды.
За тысячи верст услыхали враги,
Как гордо звучат пятилетки шаги.
Великая правда народам видна.
Свободен Китай, наступает Вьетнам.
Растут коммунисты.
Не в мертвой золе —
В садах и лесах быть веселой Земле!

Николай КОРНЕЕВ

[1] Благодарю вас!

мистеру Хаггерти, оказалась несостоятельной. Дело было не только в том, что не хватало мест для всех желающих провести ночь под кровом. Пережил себя самый принцип предоставления койки на целую ночь. Далеко не у всех желающих находились в кармане те центы, которыми оплачивался сон от 10 часов вечера до 5 часов утра.

Мистер Хаггерти, состоявший членом религиозного общества «Люби своего ближнего, как и дальнего», счел своим долгом пойти навстречу обездоленным. По его заказу были сконструированы таксоматрацы с вмонтированными в них часовыми механизмами и специальной системой рычагов. Отныне нуждающийся в ночлеге мог снять койку сообразно своему материальному состоянию — на срок от тридцати минут до восьми часов. Как только истекала последняя оплаченная минута, автоматически приходили в движение спрятанные в матраце рычаги. Они делали три предупредительных толчка, а затем сбрасывали спящего на пол.

Эта гуманная система, получившая название «Сон по карману», принесла мистеру Хаггерти большую славу и немалые барыши.

Так вот однажды во время обхода ночлежки дежурный служитель обратил внимание на странное явление. Койка № 1386, заведенная для двухчасового сна, только что сбросила заспавшегося клиента. Но, разумеется, не это заинтересовало служителя. Ночлежник, свалившийся с постели, стоял на четвереньках и шарил под соседними койками в поисках... своей головы. Наконец он нашел ее и быстро водворил на место.

Служитель, неграмотный парень из Оклахомы, ничего не слыхавший о «великом американце», без всяких церемоний задержал подозрительного постояльца. Видимо, не совсем еще очнувшийся от сна, ночлежник не сопротивлялся. Он покорно позволил доставить себя сначала в кабинет мистера Хаггерти, а оттуда в федеральное бюро расследования, имевшее свой особый взгляд на инцидент в Нью-Джемпре.

Наконец-то перед Джеком Фостером, начальником отдела «опасных мыслей», сидел неуловимый владелец искусственной головы. Джек любовался его голубыми глазами и оптимистической улыбкой. Эта удача сулила Джеку блистательную карьеру. Джек приступил к допросу:

— Ваше имя?

— У меня нет имени.

— Так я и знал! — улыбнулся Джек. — Место рождения?

— Федеральное статистическое управление.

— Точнее.

— Счетная машина № 2.

Джек поднял брови. Нелепые ответы задержанного начали его раздражать.

— Раса?

— Белый.

— Род занятий?

— Не знаю.

Джек ударил кулаком по столу:

— Послушайте, мистер. Если вы думаете, что пустая голова дает вам право уклоняться от допроса, то вы ошибаетесь. Для облегчения вашей участи советую вам признаться во всем.

— Я ничего от вас не скрываю, — сказал неизвестный. — Я — никто. Меня сделали из цифр и забыли дать мне голову. Я «счастливый американец». Обо мне говорят по радио и пишут книги. Я — эталон «американского образа жизни». Всем известно, что на мою долю приходится много жиров, фруктов, виски и жевательной резины. Все знают, что у меня всегда водятся деньги, есть работа, квартира и электрический пылесос... А в действительности у меня нет ничего: ни работы, ни квартиры, ни денег.

— Вы поосторожней! — предупредил Джек.

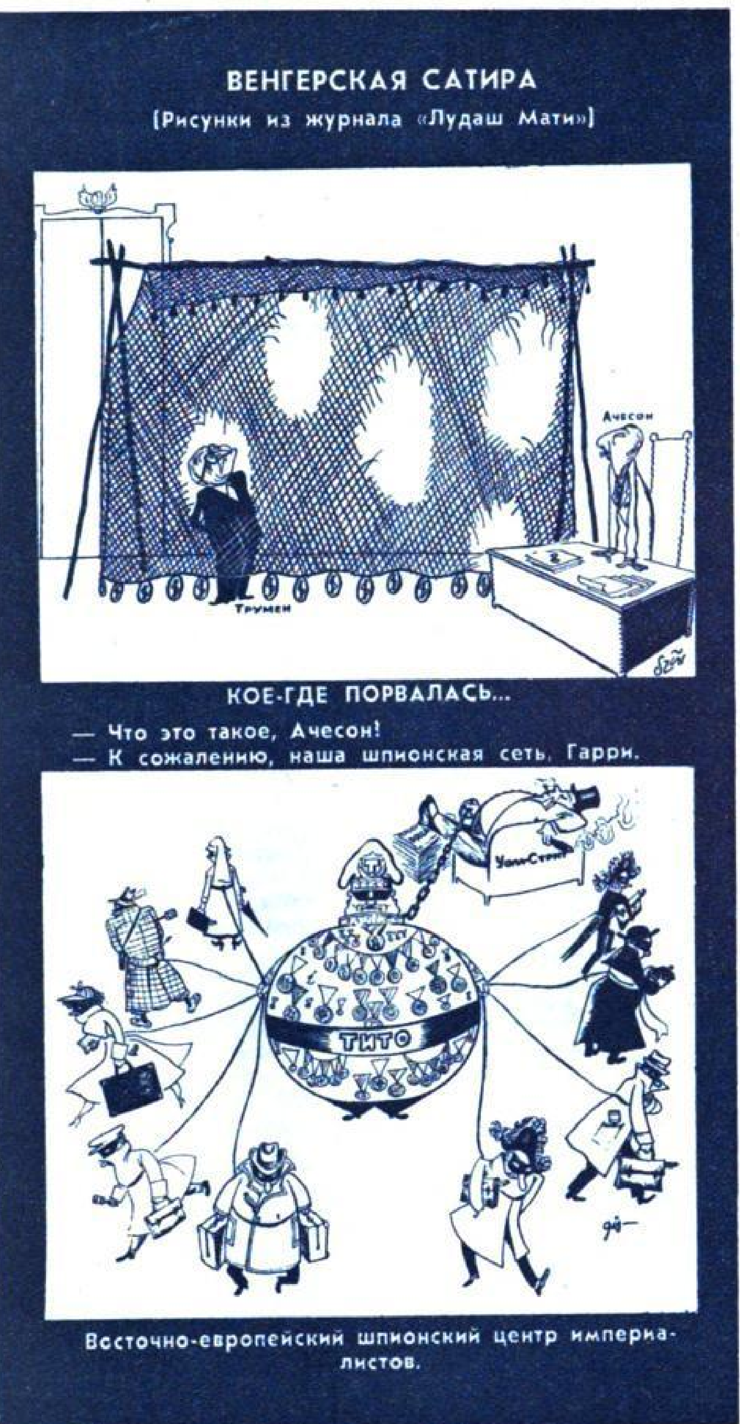
— Мне нечего больше остерегаться! Я слонялся по всей Америке, чтобы получить то, что мне полагается по расчетам наших экономистов. Я был у мистера Моргана. У него состояние нескольких миллионов «счастливых американцев». Меня выгнали из его дворца... Я был в лачуге Поля Ирвина. У него хорошая голова, крепкие руки и большая семья. Он шестой месяц без работы. Мне нечего было у него делать... Я витаю в пустоте, где-то над пропастью, разделяющей мистера Моргана и Поля Ирвина. Я — выдумка, миф, статистический фокус. Вот почему у меня нет ни имени, ни головы, ни рода занятий. Найдите мне мое место в жизни!

Неизвестный замолчал. Джек бросился к телефону. Он доложил своему шефу содержание допроса. Шеф снесся с государственным департаментом. Государственный секретарь снесся с Уолл-стритом.

Через полчаса Джек держал в руках правительственную телеграмму: «Срочно вышлите Счастливого Американца в главную редакцию «Голоса Америки». Имеется вакантное место для ежедневных бесед с диктором».

— Поздравляю вас, мистер, — взволнованно сказал Джек. — Теперь вы устроены на всю жизнь.

«Счастливый американец» ничего не ответил. Его глаза из небьющегося стекла и щеки из пластмассы не знают ни слез, ни краски стыда.

ВЕНГЕРСКАЯ САТИРА

(Рисунки из журнала «Лудаш Мати»)

КОЕ-ГДЕ ПОРВАЛАСЬ...

— Что это такое, Ачесон!
— К сожалению, наша шпионская сеть, Гарри.

Восточно-европейский шпионский центр империалистов.

Обо всем

СИЛА ЖИЗНИ

Не так давно в Ленинграде на одной из улиц асфальт, которым она была покрыта, оказался на некотором протяжении взломанным снизу.

Кто же его мог оттуда взломать? Оказывается, самые обыкновенные шампиньоны. Вырастая под асфальтом, они постепенно приподнимали его своими шляпками, асфальт вспучивался и наконец взломался, побежденный, казалось бы, слабым грибом, но такова сила жизни!

При обследовании выяснилось, что на улице, на которой случилось столь необыкновенное происшествие, до заливки ее асфальтом был рынок, споры и грибницы продаваемых грибов падали на землю и с течением времени принесли свои плоды.

ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

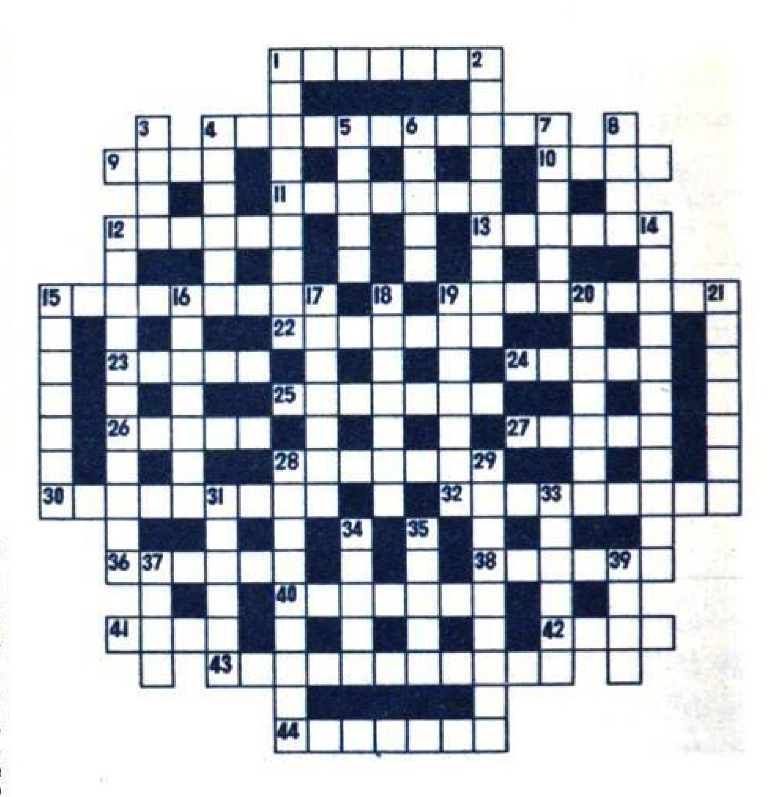
Пески некоторых пустынь и прибрежий под влиянием ветра или при движении по ним животных и человека иногда способны издавать звуки. Пески эти издавна называют поющими, но правильнее было бы назвать их звучащими, так как они не только поют, как флейта или орган, но гремят, скрежещут и даже лают. Это явление давно привлекало внимание людей, однако причина его недостаточно еще изучена. В СССР поющие пески отмечены на Кольском полуострове, на Рижском взморье, в Восточном Прибайкалье и на правобережье реки Или в Казахстане.

Вот что рассказывает В. К. Маляревский в «Известиях Всесоюзного Географического общества» о поющих песках Кольского полуострова: «На первые же шаги песок пляжа ответил глухим ворчаньем... Налетевший порыв ветра взметнул песок, и вокруг меня все запело, зазвенело... Струйка песка, высыпаемого на поверхность дюны, издавала высокий, звенящий свист. Мешочек, в который был взят образец песка, при встряхивании точно взлаивал. Если я пытался этот мешочек помять, он начинал хрюкать и взвизгивать, как поросенок».

Звучание этих песков, впрочем, не постоянно, временами они безмолвствуют.

В. М.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Сумма, уплачиваемая вперед. 4. Имя одного из сыновей Манилова в «Мертвых душах» Гоголя. 9. Напиток. 10. Внутреннее помещение корабля. 11. Один из князей Киевской Руси. 12. Начало движения. 13. Ответ на зов. 15. Умонастроение. 19. Сельскохозяйственная машина. 22. Род оружия. 23. Западная часть Азовского моря. 24. Птица. 25. Велосипед. 26. Город в Азербайджанской ССР. 27. Заключение. 28. Предельная высота. 30. Механизм, производящий энергию. 32. Здание для насосов. 36. Один из народов СССР. 38. Тесьма на эфесе сабли. 40. Персонаж из произведения А. С. Пушкина. 41. Чернорабочий в дальневосточных странах. 42. Персонаж из «Снегурочки» А. Н. Островского. 43. Делитель в дробн. 44. Город в Средней Азии.

По вертикали:

1. Ягода. 2. Ручное сверло. 3. Единица силы. 4. Военный корабль. 5. Физические упражнения. 6. Морской орел. 7. Прозрачное вещество. 8. Единица радиоактивности. 12. Кустарь. 14. Цветок. 15. Сорт винограда. 16. Оптический прибор. 17. Летчик. 18. Советский писатель. 19. Русский флотоводец. 20. Кустарниковая ива. 21. Часть радиоустановки. 28. Грузоподъемная машина. 29. Материк. 31. Исследование. 33. Мель. 34. Изделия из тканей. 35. Советский журнал. 37. Река в СССР. 39. Горное плато Крыма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

9. Заповедник. 10. Ультиматум. 12. Саженец. 13. Капелла. 14. Известь. 15. Мангал. 16. Игарка. 17. Образование. 22. Простейшие. 23. Островский. 24. Привал. 25. Ограда. 30. «Снегурочка». 31. Концентрат. 34. Восемьдесят. 37. Игуана. 38. Удалец. 39. Планшир. 40. «Энергия». 41. Котовск. 42. Озеленение. 43. Планетарий.

По вертикали:

1. Саламандра. 2. Кочерга. 3. Ремесло. 4. Мироздание. 5. Пластмасса. 6. Питание. 7. Такелаж. 8. Публикация. 11. Греков. 18. Байкалово. 19. Ирригация. 20. Стригун. 21. Овчарня. 26. Антагонизм. 27. Укрепление. 28. «Победители». 29. Бабаевский. 32. Вьюнок. 33. Макрель. 34. Вариант. 35. Туполев. 36. Каботаж.

Шахматный радиотурнир пяти морей

Интересный шахматный турнир организовал Центральный совет спортобщества «Водник».

Участники радиотурнира судов пяти морей отдалены друг от друга на десятки тысяч километров, подчас находятся по разные стороны экватора. Одни обдумывают очередной ход под палящими лучами тропического солнца в Индийском океане, другие в это время борются с обледенением судов в Охотском море.

Ходы в этом своеобразном турнире ежедневно передаются по радио через центральную станцию Министерства морского флота.

В радиотурнире участвуют шахматисты Балтики, Черного моря, Тихого океана, Северного бассейна и Каспийского моря. От каждого бассейна выступают «шахматные флотилии» в составе пяти судов.

С борта теплохода «Смольный», направляющегося в один из портов Сахалина, была передана радиограмма танкеру «Ялта», совершающему рейс в Черном море: дальневосточники сообщали черноморцам, что белая королевская пешка двинулась на два поля вперед. Так начался радиотурнир.

На пути из Коломбо в Одессу «Жан Жорес» радировал шахматистам парохода «Свирь», плававшего в Тихом океане, свой первый ход королевским конем. Затем в шахматный бой вступили остальные 23 судна пяти морей.

Участники этого самого подвижного турнира успели побывать в водах Атлантического и Индийского океанов, в Средиземном и Северном морях, а некоторые уже вернулись в родные порты.

Сейчас борьба за шахматный кубок Министерства морского флота в разгаре.

Н. ПОЛЕВОЙ,
главный судья
шахматного радиотурнира
пяти морей

Шахматисты дизельэлектрохода «Россия» готовятся к очередному ходу.

ИЗВЕСТНО ЛИ ЭТО ВАМ?

ЗВЕРИ ИЛИ ПТИЦЫ

«Во время кругосветного путешествия, — рассказал капитан дальнего плавания, — мне пришлось встретиться на одном материке с двумя видами любопытных животных. Они четвероногие, но несут яйца, подобно птицам или гадам. Однако, как я убедился, вылупившихся из яиц детенышей мать, подобно млекопитающим, кормит своим молоком...»

Что это за животные? Где они водятся?

ДВА АЛМАЗА

В заводскую лабораторию поступили два алмаза на исследование. Лаборант сделал с них фотоснимки и дал заключение, что один из этих алмазов фальшивый.

Каким образом была сделана фотография алмазов и на основании каких данных могло быть дано такое заключение?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А — 04335. Подписано к печати 6/VI-50 г. Изд. № 408. 5½ печ. л. Тираж 406.000. Заказ 1523. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

МОСКВОРЕЦКИЙ УНИВЕРМАГ

АДРЕС УНИВЕРМАГА: МОСКВА, ДАНИЛОВСКАЯ ПЛ. ТЕЛ. В 2-01-24

Цена 3 руб.